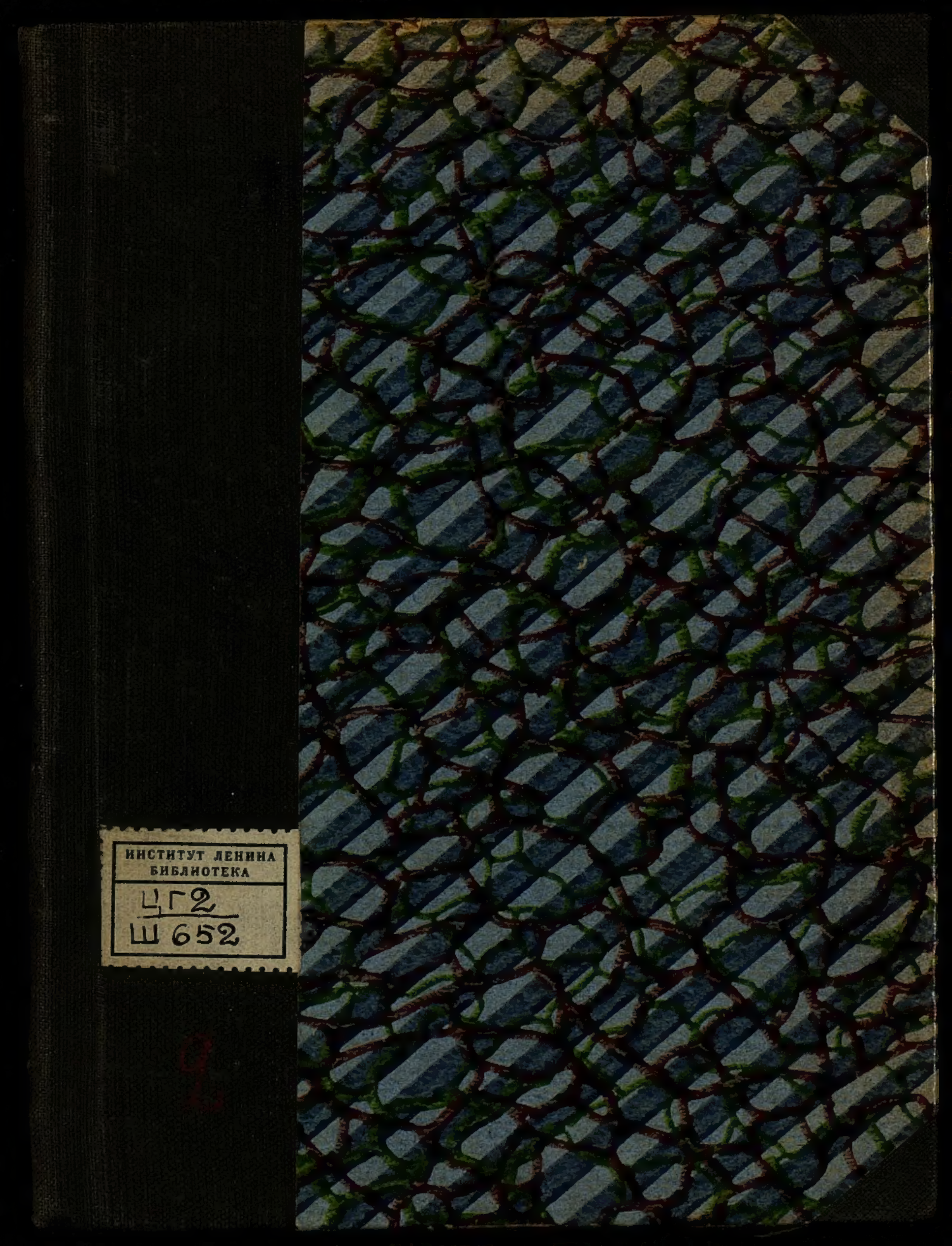

ОЧЕРКИ

изъ

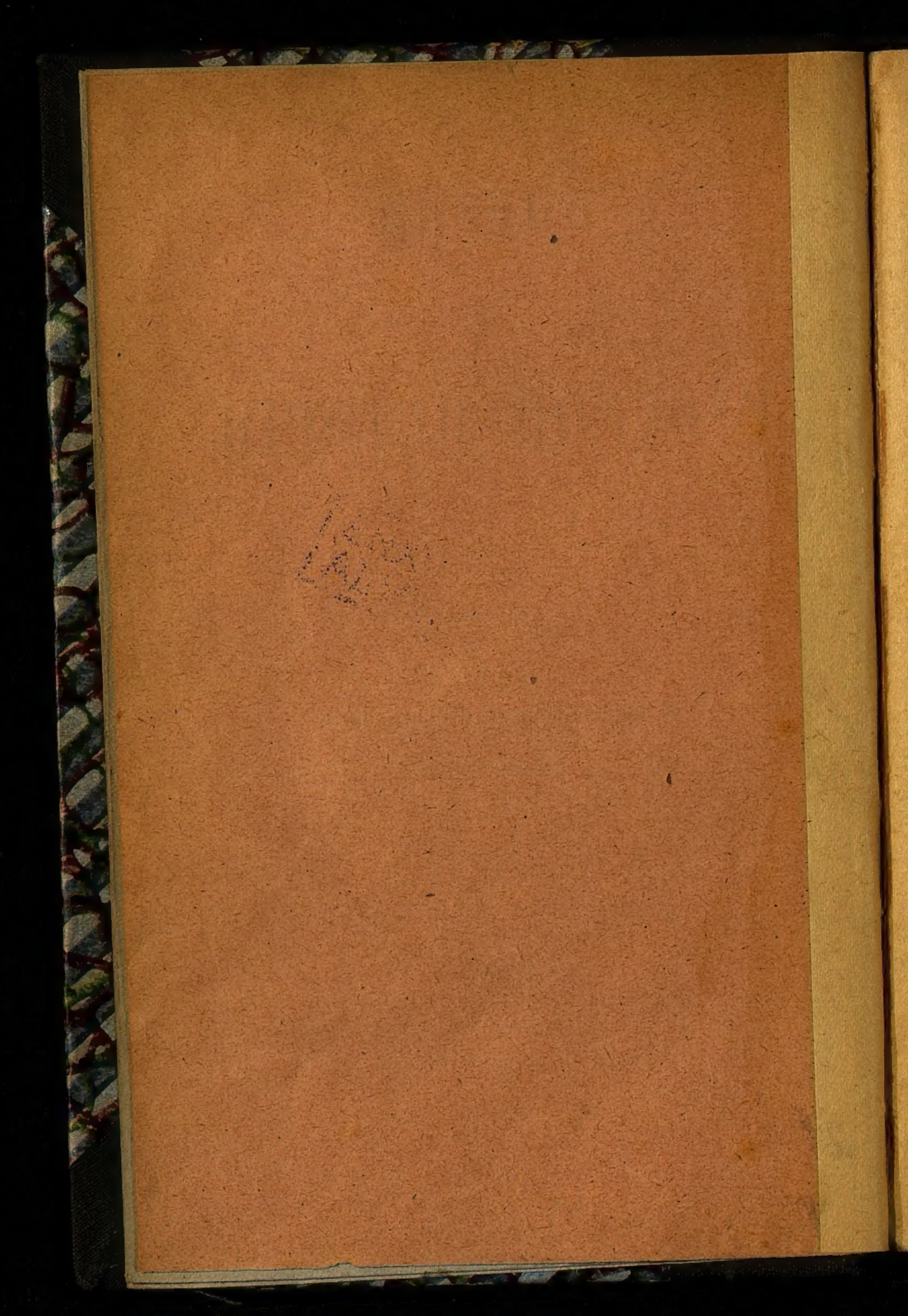
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ИЗДАНІЕ

Аграрно-Соціалистической Лиги.

1900

Printed by the "RUSSIAN FREE PRESS FUND"
15, Augustus Rd, Hammersmith, London, W.

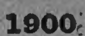
ОЧЕРКИ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

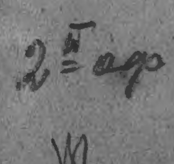

ИЗДАНІЕ
Аграрно-Соціалистической Лиги.

1900.

Printed by the "RUSSIAN FREE PRESS FUND"
15, Augustus Rd, Hammersmith, London, W.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Издавая этотъ опытъ русской исторіи въ формѣ народной книжки, Аграрно-соціалистическая Лига проситъ всѣхъ интересующихся народной литературой сообщать ей свои указанія относительно недостатковъ и желательныхъ поправокъ или дополненій въ этой брошюрѣ по одному изъ адресовъ представителей Лиги:—

И. Рубановичъ.—*I. Roubanowitch, 50, rue Lhomond, Paris, France.*
Ф. Волховскій.—*F. Volkhovsky, 72, Cathles Road. Balham, London, S. W., England.*
Е. Лазаревъ.—*G. Lasareff, Baugy sur Clarens, Suisse.*
Х. Житловскій.—*D. Ch. Schitlowsky, 35, Zieglerstasse, Bern, (Schweiz).*
К. Терешковичъ.—*C. Terechkowitch, 74, rue de Juppilie (Bressoux), Liège, Belgique.*

Отчетъ кассы Аграрно-соціалистической Лиги
съ 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г.

Приходъ		**3301 фр. 50 с.**
Расходъ	Типогр. расходы . .	1500 фр. —
	Почтовые расходы .	68 фр. 85 с.
	Конспират. расходы .	773 фр. 20 с.
	Итого	**2342 фр. 5 с.**
Наличныхъ денегъ въ кассѣ . . .		959 фр. 45 с.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Вступленіе

Каждый дѣдъ можетъ разсказать своему внуку много такого, чего уже нельзя увидѣть своими глазами. Кто, напримѣръ, изъ теперешней молодежи самъ видѣлъ все то, что творилось на Руси при крѣпостномъ правѣ? На томъ же самомъ мѣстѣ, въ томъ же городѣ или въ той же деревнѣ были тогда другіе порядки и жизнь шла совсѣмъ по иному. Теперь только отъ стариковъ можно узнать объ этихъ временахъ. А когда нынѣшніе старики сами были молоды, то имъ разсказывали ихъ отцы и дѣды также много такого, чего они уже не застали на бѣломъ свѣтѣ.

Это показываетъ, что порядки въ государствѣ не остаются одни и тѣ же, а постоянно мѣняются; что было прежде, то уже никогда не возвращается назадъ. Отчего же и какъ мѣняются эти порядки? Отъ какихъ причинъ?

Этого никто не можетъ увидѣть своими глазами, потому что порядки въ государствѣ мѣняются очень медленно, а жизнь человѣческая коротка. Есть насѣкомое *поденка*; она живетъ всего только одинъ лѣтній день. Если бы она могла думать по человѣчьему, то ей казалось бы, что на свѣтѣ не бываетъ ни осени, ни зимы, а всегда одно лѣто. Вотъ почему и чело-

вѣкъ, никогда не слыхавшій о томъ, что было за сто и за тысячу лѣтъ назадъ, думаетъ, что порядки въ государствѣ не мѣняются, а всегда остаются одни и тѣ же. Его мысли не идутъ дальше того, что онъ видитъ вокругъ себя; а откуда все это взялось и почему все это такъ, а не иначе, онъ не знаетъ и не можетъ знать. Онъ видитъ помѣщика и не знаетъ, откуда явились на свѣтѣ помѣщики; онъ видитъ крестьянъ и не знаетъ, откуда явились на свѣтѣ крестьяне; онъ слышитъ о царѣ и не знаетъ, откуда явились на свѣтѣ цари. Такой человѣкъ думаетъ, что на свѣтѣ всегда были помѣщики, цари и крестьяне, также какъ подёнка стала бы думать что на свѣтѣ не бываетъ ни зимы, ни осени, а всегда одно лѣто.

Вотъ почему рабочему народу надо ознакомиться не только съ тѣмъ, что есть теперь, но также и съ тѣмъ, что было прежде и откуда взялось все то, что есть теперь. Это надо для того, что бы рабочій народъ зналъ отчего ему плохо живется. Когда мы не знаемъ, откуда идетъ наше несчастье, мы часто говоримъ: на то Божья воля! А между тѣмъ всего чаще виною нашихъ несчастій бываютъ дурные порядки въ государствѣ; поэтому мы должны знать, откуда взялись эти дурные порядки. Такъ, напримѣръ, большая часть земли находится теперь въ рукахъ богатыхъ людей, которые не работаютъ сами, а у крестьянъ не хватаетъ земли, чтобы даже прокормить самихъ себя. Откуда взялись такіе порядки? Ежели они установлены людьми, то люди могутъ и измѣнить ихъ. Но чтобы узнать, откуда взялись такіе порядки и на комъ они держатся, мы должны обратиться къ наукѣ о старыхъ временахъ. Эта наука о старыхъ временахъ называется *Исторія*. Въ этой книжкѣ мы хотимъ познакомить читатлея съ *Русской Исторіей*.

Но прежде всего насъ могутъ спросить, откуда взялась сама наука *Исторія?* Какъ могли люди узнать о томъ, что было за тысячу лѣтъ назадъ? Это было не легко, и ученые люди положили на это не мало

труда. Всего труднѣе было узнать о тѣхъ временахъ, когда люди еще не умѣли писать. Отъ тѣхъ временъ остались только устныя преданія, былины и пѣсни, да еще могильные курганы, въ которыхъ находятъ кости, оружіе, посуду, монеты, золотыя и мѣдныя украшенія. Все это даетъ ученымъ важныя указанія. Такъ, напримѣръ, по рѣкѣ Днѣпру и по его притокамъ найдено въ курганахъ много арабскихъ серебряныхъ монетъ, оставшихся отъ очень старыхъ временъ. Это показываетъ, что славяне, которые жили тогда, по рѣкѣ Днѣпру и его притокамъ, вели торговлю съ арабами и получали отъ нихъ серебряную монету. Узнавъ это, ученые стали читать древнія арабскія книги и нашли въ нихъ разсказы о славянахъ, которые еще за тысячу лѣтъ назадъ спускались по Волгѣ со своими товарами въ Хазарское царство, а товары эти были мѣха и воскъ. Тогда стало видно, во первыхъ, что за тысячу лѣтъ назадъ въ низовьяхъ Волги было Хазарское царство, а во вторыхъ, что русскіе занимались въ тѣ времена звѣроловствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ).

Такимъ путемъ ученые мало по малу проникаютъ въ самую глубокую старину. Но всего болѣе помогаютъ имъ старинныя лѣтописи. Какъ только въ какой-либо странѣ люди научались писать, нѣкоторые изъ нихъ начинали записывать то, что они видѣли и слышали. У насъ первые лѣтописцы появились за восемьсотъ лѣтъ до настоящаго времени. Но еще гораздо раньше этого, при самомъ зарожденіи Руси, то есть болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ назадъ, вокругъ этой Руси уже жили народы, давно научившіеся писать: греки и арабы. Ихъ лѣтописцы, описывая разныя страны, говорятъ также и о томъ, что происходило на Руси. Такимъ путемъ ученые узнали о самыхъ первыхъ временахъ русской исторіи. Съ одинадцатаго же вѣка уже ведется самими русскими, преимущественно монахами, непрерывная запись обо всемъ, что происходило на Руси. Иногда воинъ, посѣдѣвшій въ

бояхъ, уходилъ подъ старость въ монастырь и тамъ писалъ, въ тишинѣ, свой разсказъ, на память потомству. Такъ составились наши лѣтописи. Онѣ во многихъ спискахъ переходили изъ рукъ въ руки, хранились въ монастыряхъ и нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли до настоящаго времени. Ученые собираютъ эти лѣтописи, сличаютъ ихъ, провѣряютъ, и то, что достойно вѣры, вносятъ въ науку *Исторію*.

Теперь я прямо перейду къ разсказу о томъ, что намъ извѣстно объ Исторіи Россіи.

Но прежде я скажу нѣсколько словъ о лѣтосчисленіи. Время въ Исторіи считается отъ Рождества Христова, и считается по вѣкамъ и по годамъ. Съ перваго года по рождествѣ Христовомъ и до сотаго года идетъ первый вѣкъ; отъ 101 года до 200-го года—второй вѣкъ; отъ 201-го до 300—третій вѣкъ, и т. д. Такъ, напримѣръ, Крещеніе Руси началось въ 988 году; это значитъ, что оно началось въ 88 году *десятаго* вѣка. Битва русскихъ съ татарами на Куликовскомъ полѣ произошла въ 1380 году, то есть въ 80 году четырнадцатаго вѣка. Теперь у насъ 1900 годъ, то есть кончается девятьнадцатый вѣкъ, а съ 1901 года пойдетъ уже двадцатый.

Глава первая

Зарожденіе Руси.

Древніе обитатели Руси называли себя *славянами*. Они поселились по Днѣпру и его притокамъ въ восьмомъ вѣкѣ, то есть болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ назадъ. Они пришли на Днѣпръ съ Карпатскихъ горъ, изъ теперешней Галиціи, гдѣ еще до сихъ поръ живутъ Русины, говорящіе на славянскомъ языкѣ.

Славяне поселились по Днѣпру отдѣльными дворами. Каждый дворъ занимала отдѣльная, большая, нераздѣленная семья. Въ этихъ мѣстахъ еще и теперь находятся много *городищъ*, небольшихъ площадокъ, обнесенныхъ чуть замѣтнымъ валомъ. Тутъ и стояли встарину дворы нашихъ предковъ-славянъ. Когда начинаютъ раскапывать эти городища, то находятъ въ землѣ кости покойниковъ и остатки домашней утвари. Городища отстоятъ одно отъ другого на разстояніи четырехъ и шести верстъ.

Славяне въ то время уже занимались немного земледѣліемъ, но главнымъ ихъ промысломъ было звѣроловство и лѣсное пчеловодство. Они уже умѣли добывать желѣзо и приготовлять желѣзныя издѣлія. У нихъ были стрѣлы съ желѣзными наконечниками, топоры и сохи; поэтому они легко добывали себѣ пищу. Они расчищали подъ пашню лѣса, ловили много звѣря и все дальше и дальше разселялись вверхъ по Днѣпру и его притокамъ. Скоро они дошли до озера Ильменя, а потомъ, по рѣкѣ Волхову, и до Балтійскаго моря. Они не только добывали себѣ пищу и одежду, но собирали мѣха и воскъ на продажу; у нихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, скоро завязалась торговля.

На востокъ отъ Днѣпра, въ сторону Дона и Волги тогда, какъ и теперь, простирались огромныя степи, а въ этихъ степяхъ еще до прихода славянъ основалось Хозарское царство. Хозары были раньше кочевниками, но скоро перешли къ осѣдлому образу жизни, построили города и стали заниматься торговлею. Ихъ столица, Итель, стояла при устьѣ Волги. Хозары были мирный народъ; они не вели войнъ со славянами, а завязали съ ними торговлю. Эта торговля и повела къ тому, что у русскихъ славянъ также возникли свои города. Это произошло вотъ какъ:

Когда завязалась торговля съ Хазарами, къ славянамъ стали пріѣзжать хозарскіе купцы или *гости*, какъ ихъ называли славяне; тогда для торга стали

выбирать на берегу рѣки удобныя мѣста, куда приплывали на лодкахъ звѣроловы со своими мѣхами. Сначала это были только временные базары; но потомъ сюда стали переселяться на постоянное жительство люди, занимавшіеся торговлею, какъ постояннымъ промысломъ. Потомъ русскіе люди сами начали ѣздить съ пушнымъ товаромъ и воскомъ къ хозарамъ и даже дальше, черезъ Каспійское море и черезъ закаспійскія степи въ Персидское царство; они спускались также внизъ по Днѣпру въ Черное море и вели торговлю съ Константинополемъ или Царьградомъ. Торговля была выгодная, торговыхъ людей становилось все больше и больше, и скоро по берегамъ русскихъ рѣкъ, на мѣстахъ старыхъ базаровъ, возникли большіе торговые города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ.

Около каждаго такого города было разбросано сельское населеніе, тянувшее къ этому городу. Такимъ путемъ возникло на Руси нѣсколько отдѣльныхъ областей: Кіевская область, Черниговская, Новгородская и другія, каждая со своимъ городомъ. Горожане занимались торговлею; сельскіе жители—хлѣбопашествомъ и лѣснымъ промысломъ.

Но такая мирная, торговая жизнь могла продолжаться только до тѣхъ поръ, пока у славянъ, жившихъ по Днѣпру, не было воинственныхъ сосѣдей. Такіе сосѣди скоро явились. Въ девятомъ вѣкѣ, изъ-за Урала пришла азіатская орда: печенѣги. Хозары не могли сдержать эту орду, и она прорвалась за Донъ. Печенѣги были дикій, воинственный народъ; они заняли своими кочевьями южныя степи и преградили русскимъ торговые пути на востокъ. Вскорѣ они подошли близко къ Кіеву и стали нападать на русскія земли. Отъ этого произошли большія перемѣны на Руси.

Пока не было печенѣговъ, торговые пути были свободны, и города были въ безопасности. Русскіе славяне ни съ кѣмъ не вели войнъ и не нуждались въ ратныхъ людяхъ. Но когда вблизи поселилась

печенѣжская орда, то славянамъ пришлось защищать свои города и защищать свои товары во время пути. Каждую минуту грозила опасность отъ набѣговъ. Надо было не только пахать землю, ловить звѣрей и вести торговлю, но еще и охранять свою жизнь и свое имущество отъ хищнаго врага; это было даже еще важнѣе. Поэтому военное дѣло получило тогда большую важность. Города были обнесены стѣнами, городскіе и сельскіе жители стали вооружаться; все было поставлено на военную ногу. Вотъ тутъ то и появляются на Руси *варяги*, и занимаютъ видное мѣсто.

Варягами или данами славяне называли выходцевъ изъ сѣверныхъ странъ, Норвегіи и Даніи. Это были отважные мореходы и храбрые воины. Они занимались больше всего морскимъ разбоемъ: плавали по морскимъ берегамъ, входили въ устья рѣкъ и нападали на жителей. Но при случаѣ они занимались также и торговлей.

Варяги и прежде попадались въ русскихъ городахъ, особенно въ Кіевѣ и Новгородѣ, куда ихъ привлекала торговля съ Царьградомъ. Когда на Руси понадобились ратные люди, то русскіе торговые города охотно стали принимать къ себѣ на службу варяговъ для охраны своей торговли. Есть преданіе, что русскіе славяне посылали даже пословъ за море приглашать къ себч варяжскихъ князей съ ихъ дружинами; но возможно, что варяги и сами пришли, безъ зова. Какъ бы то ни было, но въ девятомъ вѣкѣ, въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ уже появились варяжскіе князья съ военными дружинами. Объ этихъ первыхъ варяжскихъ князьяхъ намъ мало извѣстно достовѣрнаго. Варяги появились у насъ въ девятомъ вѣкѣ, а первыя русскія лѣтописи появились только въ одинадцатомъ вѣкѣ, значитъ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ того. Слѣдовательно о призваніи варяговъ и о первыхъ князьяхъ, Рюрикѣ, Святославѣ и другихъ, лѣтописцы разсказывали не то, что видѣли сами или слышали отъ очевидцевъ, а только по очень смутному

преданію. Вотъ почему намъ мало извѣстно объ этихъ временахъ. Но начиная съ одинадцатаго вѣка уже ведется русская лѣтопись, и изъ этой лѣтописи уже можно видѣть, какіе порядки установились на Руси черезъ двѣсти лѣтъ послѣ вторженія печенѣговъ и призванія варяжскихъ князей.

По прежнему, во главѣ стояли большіе торговые города: Кіевъ, Новгородъ, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Минскъ, Ростовъ, и другіе. Вокругъ нихъ располагались пригороды и деревни. Каждый городъ со своими пригородами и деревнями составлялъ особую волость, или княжество, и въ каждой такой волости былъ свой князь. Князь собиралъ въ свою пользу дань съ каждаго городскаго жителя и съ каждаго сельскаго двора; кромѣ того, въ его же пользу шли судебныя пошлины или *судебная вира.** На эти деньги онъ содержалъ свой дворъ и дружину.

Князь охранялъ свое княжество отъ вражескихъ набѣговъ. Въ этомъ была его главная обязанность. Онъ предводительствовалъ на войнѣ всѣмъ войскомъ; но войско князя состояло не изъ одной его дружины. Княжеская дружина была невелика; у самыхъ богатыхъ князей было не болѣе пяти, шести сотъ дружинниковъ; это было только ядро войска; главная же ратная сила состояла изъ самихъ городскихъ и

* Какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, у древнихъ славянъ виновный, вмѣсто наказанія, уплачивалъ за свою вину денежную пеню или виру. За каждое преступленіе была установлена особая плата: за убійство столько-то, за отсѣченіе руки столько-то, за порчу охотничьяго пса столько-то, за кражу коня или коровы столько-то, и такъ далѣе. Ранѣе этого у древнихъ народовъ была въ обычаѣ кровавая месть: за всякую обиду потерпѣвшій или его семья сами мстили обидчику или его семьѣ. Отъ этого происходили непрерывныя кровавыя междоусобія. Чтобы прекратить эти кровавые раздоры, отъ которыхъ никому не было покоя, каждое общество, съ теченіемъ времени, замѣняло у себя кровавую месть денежной пеней. Такъ возникъ этотъ древній обычай. Часть этой денежной пени или виры шла въ пользу потерпѣвшаго или его семьи, а другая часть въ пользу князя.

сельскихъ жителей, которые, въ случаѣ надобности, всѣ шли на войну.

Князь завѣдывалъ военнымъ дѣломъ и вмѣстѣ съ выборнымъ посадникомъ творилъ судъ. Все же остальное управленіе находилось въ рукахъ *народнаго вѣча* и выборныхъ городскихъ старшинъ.

Вѣчемъ назывался общій народный сходъ. Когда надо было рѣшить какое-нибудь дѣло, то всѣ городскіе жители созывались колокольнымъ звономъ на главную городскую площадь. Всякій имѣлъ право идти на вѣче, и всѣ имѣли на немъ равный голосъ. У пригородовъ съ селами были свои вѣча, а въ важныхъ случаяхъ они посылали своихъ выборныхъ въ старшій городъ. Вѣче выбирало посадника, тысяцкаго и городскихъ старостъ, которые и завѣдывали всѣми городскими и земскими дѣлами. Тысяцкій начальствовалъ, во время походовъ, надъ земскимъ полкомъ, подъ главнымъ начальствомъ князя. Посадникъ присутствовалъ при княжескомъ судѣ, чтобы не давать въ обиду земскихъ людей. Въ пригородахъ судебныя дѣла рѣшали княжескіе намѣстники также въ присутствіи выборныхъ старостъ.

Но главная власть находилась въ рукахъ народнаго вѣча. Оно выбирало городскихъ старшинъ; оно заключало договоръ или "рядъ" съ княземъ; оно рѣшало, надо ли начинать войну. До призванія варяжскихъ князей, у славянъ не было никакой другой власти, кромѣ своихъ выборныхъ старшинъ. Съ появленіемъ князей появилась на Руси новая военная власть. Но рядомъ съ этою военною властью стояла земская сила; рядомъ съ княземъ стояло народное вѣче, и вѣче было сильнѣе князя.

Лѣтописцы прямо говорятъ, что города приглашали къ себѣ на княженіе того или друго князя по своему выбору и заключали съ нимъ договоръ. Такъ суздальскій лѣтописецъ говоритъ, что владимірцы "посадили у себя на столѣ князя Ярополка и свой рядъ съ нимъ положили въ церкви Святой Богородицы."

Въ 1146 году кіевляне заключили договоръ со своимъ княземъ Всеволодомъ, чтобы послѣ его смерти у нихъ княжилъ братъ его Игорь. И дѣйствительно, по смерти Всеволода на Кіевскій столъ садится Игорь и цѣлуетъ съ кіевлянами крестъ "на всей ихъ волѣ," какъ говоритъ лѣтописецъ.

Въ 1177 году владимірцы призвали къ себѣ князя Всеволода, а ростовцы Мстислава; въ Суздалѣ же еще не было князя. Тогда Всеволодъ послалъ сказать Мстиславу: "Тебя ростовцы привели и бояре, а меня Богъ и владимірцы; а Суздаль кого захочетъ, тотъ и будетъ имъ князь!" Послѣ смерти Всеволода, сынъ его Ярославъ пріѣзжаетъ въ Переяславль, созываетъ вѣче и говоритъ: "Отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, а меня вамъ. Хотите имѣть меня у себя?"

Изъ всего этого видно, что хотя древніе князья на Руси имѣли большое значеніе и пользовались большимъ почетомъ, но они не были самовластными; они княжили съ согласія вѣча. Даже когда дѣло шло о войнѣ, то и тогда требовалось согласіе вѣча. Да это и понятно, такъ какъ главная ратная сила состояла не въ княжеской дружинѣ, а въ самихъ городецкихъ и сельскихъ жителяхъ, которые всѣ шли на войну. Все это подтверждается нашими древними лѣтописями.

Такъ, когда кіевскій князь Изяславъ захотѣлъ воевать съ Юріемъ Суздальскимъ, сыномъ Владиміра Мономаха, то кіевляне отвѣтили ему: "Княже, ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ на владимірово племя руки поднять!" И не пошли. Изяславъ началъ войну съ одною своею дружиной и былъ разбитъ. Въ другой разъ тѣ же кіевляне отвѣтили своему князю: "Всѣ пойдутъ на войну; а кто не пойдетъ, того мы сами побьемъ."

Если князь не исполнялъ своего договора съ вѣчемъ, если онъ поступалъ противно обычаю, и вѣче было недовольно имъ, то оно могло смѣнить князя и призвать къ себѣ другого.

Въ 1136 году новгородцы были недовольны своимъ

княземъ Всеславомъ; они пригласили свои пригороды, псковичей и ладожанъ, и стали думать, какъ имъ выгнать князя. Они выбрали себѣ новаго князя Святослава Черниговскаго, а Всеслава заперли въ епископскомъ дворѣ съ женою и дѣтьми, и приставили тридцать вооруженныхъ стражниковъ стеречь его день и ночь, до пріѣзда новаго князя. Вины же Всеслава были перечислены такія: 1) Зачѣмъ хотѣлъ уѣхать изъ Новгорода? 2) Въ битвѣ при Ждановой Горѣ первый побѣжалъ изъ полку. 3) Вмѣшивалъ Новгородъ въ княжескія раздоры.

Въ другой разъ владимірцы были недовольны своими князьями за то, что тѣ неправильно собирали себѣ имущество. Они созвали вѣче и стали говорить: "Мы выбирали себѣ вольныхъ князей, а эти князья грабятъ насъ, будто не свои волости. Промышляйте, братья!" Они прогнали Ростиславичей и выбрали Михаила Юрьевича.

Въ 1276 году новгородцы рѣшили изгнать своего князя Ярослава. Они "созвонили вѣче, говоритъ лѣтописецъ, и позвали князя, исписавъ на грамотѣ всю вину его: 'Почто возлюби играти и утѣшатися, а людей не управляше? Почто взялъ Олексинъ дворъ? Почто взялъ серебро съ Никифора Мунискинова и Романа Волдышева? Почто выводишь отъ насъ иноземцевъ, которые живутъ у насъ? Нынѣ, княже, не можетъ терпѣть насилія твоего, поѣди отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ.' "

Князь началъ упрашивать вѣче съ поклономъ и обѣщалъ цѣловать крестъ на "всей ихъ волѣ," но новгородцы отвѣтили: "Княже, поѣди прочь; не хотимъ тебѣ, или идемъ весь Новгородъ прогонять тебя."

Въ другой разъ кіевскій князь Святополкъ сталъ добиваться, чтобы новгородцы взяли къ себѣ княземъ сына его. Новгородцы отвѣтили: "Не хотимъ Святополка, ни сына его; а если у твоего сына двѣ головы, то присылай."

Таковы были тогда вѣчевые порядки. Князь не могъ поступать самовластно, не могъ нарушать народнаго обычая, а во всѣхъ важныхъ случаяхъ долженъ былъ спрашивать согласія вѣча. Обо всемъ этомъ, какъ мы видѣли, прямо говорятъ древнія лѣтописи. Теперь многимъ это можетъ показаться даже небылицей; теперь мы привыкли къ другимъ порядкамъ, теперь у народа нѣтъ своей воли, а распоряжаются имъ, безъ его вѣдома, самодержавные правители, по своему усмотрѣнію, не обращая вниманія на то, хорошо ли, худо ли отъ этого народу. Но вотъ мы видимъ, что не всегда было такъ, и что были времена, когда русскій народъ заключалъ договоръ со своими князьями и заставлялъ ихъ править согласно этому договору. Если же князья нарушали договоръ, то они лишались престола; и это было не бунтомъ противъ князя, а законнымъ правомъ народнаго вѣча. Бунтовщикомъ былъ тогда не народъ, который выгонялъ своего князя, а князь, который не выполнялъ своего договора.

Далѣе мы увидимъ, почему измѣнились эти порядки и какъ свободная вѣчевая Русь была обращена въ рабство.

Хотя древняя Русь не составляла одного государства, а разбилась на нѣсколько княжествъ, но все-таки это было одно родственное племя, жившее въ одной и той же странѣ. Всѣ говорили однимъ языкомъ, у всѣхъ были одни и тѣ же обычаи, всѣ приняли одну и туже хртстіанскую вѣру; у всѣхъ были князья изъ одного и того же рюрикова рода. Хотя часто кіевляне ходили войной на новгородцевъ, а новгородцы на суздальцевъ или суздальцы на кіевлянъ, но когда печенѣги или половцы производили набѣги, то всѣ понимали, что надо соединиться противъ общаго врага. Иногда происходили княжескіе съѣзды, и князья держали совѣтъ, какъ имъ охранять русскую землю. Эта забота никогда не прекращалась. Русь была окружена съ юга и съ востока степями и открыта для набѣговъ. Изъ-за Урала, изъ Азіи, постоянно появлялись дикія

кочевыя орды и нападали на русскія княжества. Особенно много терпѣло отъ нихъ Кіевское княжество. Кіевъ былъ прежде самымъ богатымъ городомъ; но когда кочевники заняли низовья Днѣпра и преградили доступъ въ Грецію, въ Царьградъ, то торговля упала, Кіевъ сталъ бѣднѣть, и многіе жители Кіевскаго княжества стали переселяться на сѣверо-востокъ, на Оку, въ лѣсную Суздальскую и Владимірскую страну, гдѣ потомъ и возникло Московское государство. Такимъ образомъ самая плодородная, южная, степная часть Руси всего больше страдала отъ набѣговъ, и русское населеніе должно было податься къ сѣверо-востоку, изъ плодородныхъ южныхъ степей въ холодную и менѣе плодородную сторону. Воинственные кочевые народы не давали спокойно жить русскому населенію, разоряли его и лишили его лучшихъ земель. Но все-таки русскія княжества еще отбивались отъ первыхъ двухъ кочевыхъ племенъ, печенѣговъ и половцевъ, и не пускали ихъ дальше своихъ границъ. Но вотъ въ тринадцатомъ вѣкѣ изъ-за Урала нахлынула новая кочевая орда и такая многочисленная, что русскіе уже не могли удержать ее. Она прорвалась внутрь страны истребила города, перебила большую часть населенія и обратила Русь въ свое подданство. Это было татарское нашествіе. Съ него начинается совсѣмъ новая полоса въ Русской Исторіи. Но прежде намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о принятіи древними славянами христіанства.

Глава вторая

Принятіе Христіанства.

Христіанство перешло въ Россію изъ Греціи, изъ

Византійской Имперіи. Мы уже знаемъ, что Кіевъ торговалъ съ Царьградомъ. Кіевскіе купцы ѣздили въ Константинополь и знакомились тамъ съ греческой вѣрою; многіе изъ русскихъ поступали на службу въ Грецію, къ византійскимъ императорамъ, принимали тамъ христіанство, а потомъ возвращались въ свое отечество. Не удивительно поэтому, что христіанство скоро стало проникать въ Россію, особенно въ Кіевъ. Въ десятомъ вѣкѣ въ Кіевѣ уже было много христіанъ. и даже кіевская княгиня Ольга приняла крещеніе. Наконецъ въ 988 году принялъ крещеніе и самъ кіевскій великій князь Владиміръ, внукъ княгини Ольги, прозванный Святымъ. Вмѣстѣ съ нимъ крестилась его дружина, и съ тѣхъ поръ христіанство стало распространяться по всей русской землѣ.

Итакъ, христіанство перешло къ намъ изъ Греціи и перешло, разумѣется, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было тамъ; оно перешло къ намъ со всѣми греческими церковными порядками, съ архіереями, митрополитами и монастырями.

Это греческое, церковное христіанство очень мало походило на христіанство первыхъ вѣковъ, когда вѣрующіе жили маленькими общинами, собирались въ простыхъ домахъ для чтенія евангелія и тайной вечери, и терпѣли всякія гоненія отъ римскихъ императоровъ. Съ тѣхъ поръ и до крещенія Руси прошло около тысячи лѣтъ, а за это время многое успѣло измѣниться въ самой христіанской церкви.

Въ первыя времена христіанства церковью называлось собраніе вѣрующихъ. Каждая христіанская община была церковью. Были такія церкви въ Римѣ, въ Сиріи, въ Коринѳѣ, въ Македоніи, въ Египтѣ. Въ каждой церкви всѣ были равны другъ другу, всѣ называли другъ друга братьями и сестрами. Вѣрующіе выбирали среди самихъ же себя пресвитеровъ, то есть старшихъ, для наблюденія за порядкомъ. Эти пресвитеры назывались также епископами. Слова *пресвитеръ* и *епископъ* греческія; *пресвитеръ* значитъ по-гречески

старѣйшій, а *епископъ* значитъ по-гречески *блюститель*. Богослуженіе состояло въ чтеніи евангелія, въ пѣніи духовныхъ пѣсенъ и въ совершеніи тайной вечери. Вначалѣ даже имущество у христіанъ было общее, а для завѣдыванія этимъ общимъ имуществомъ выбирался *дьяконъ*, что значитъ по-гречески *служитель, управляющій*.

Христіанство зародилось впервые, какъ извѣстно въ Палестинѣ, въ Римской Имперіи. Римская Имперія охватывала тогда много странъ; ей принадлежала Греція, Сирія, Палестина съ Іерусалимомъ, Египетъ, и много другихъ земель. Когда на землѣ появился Христосъ, римскимъ губернаторомъ въ Палестинѣ былъ Пилатъ. Онъ и передалъ Христа на судъ еврейскимъ первосвященникамъ. Христіанство возникло, слѣдовательно, въ Римской Имперіи. Прежде всего оно распространилось, конечно, среди евреевъ. Всѣ ученики Христа и всѣ апостолы были евреи. Такъ какъ евреи жили тогда по всей громадной Римской Имперіи, то черезъ нихъ и христіанство быстро распространилось по всему этому огромному пространству.

Ученіе Христа было обращено къ бѣднымъ и страждущимъ. "Прійдите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные и Азъ успокою вы," говорилъ Христосъ. Всѣмъ извѣстны слова Христа о богатыхъ. Извѣстно также, что Христосъ отвергалъ господство сильныхъ и власть человѣка надъ человѣкомъ. "Вы знаете, говорилъ онъ своимъ ученикамъ, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ надъ ними; но между вами да не будетъ такъ." (*Евангеліе отъ Марка*, гл. 10, стихъ 42—43).

Поэтому первые христіане, хорошо знавшіе истинное ученіе Христа и помнившіе его проповѣдь, сторонились отъ окружавшей ихъ римской жизни со всѣми ея порядками: съ ея императоромъ, губернаторами и всякимъ начальствомъ. Они не хотѣли служить въ войскахъ, не хотѣли воздавать божескія почести римскому императору, не хотѣли присутствовать при

римскомъ богослуженіи. Тогда римскія власти стали принуждать ихъ силой исполнять обряды римской религіи, точно такъ же какъ теперь у насъ государственная власть принуждаетъ штундистовъ, духоборовъ и другихъ христіанъ, вѣрующихъ въ Евангеліе, ходить въ церковь и покланяться иконамъ, въ которыя они не вѣрятъ. Но такъ какъ никого нельзя заставить силой вѣрить противъ его разума и совѣсти, то это и тогда ничему не помогало, и число христіанъ все увеличивалось, не смотря на ссылки и пытки.

Увидѣвъ это, римскіе императоры сочли выгоднымъ для себя вступить въ соглашеніе съ христіанскою церковью.

Это было не трудно для нихъ, потому что съ теченіемъ времени и въ самой церкви произошли большія перемѣны: сущность ученія Христа была забыта многими христіанами, и въ христіанской церкви на первое мѣсто выступили обряды и пышное богослуженіе.

Когда число христіанъ возросло, то епископы, особенно въ большихъ городахъ: въ Антіохіи, Римѣ, въ Царьградѣ, Іерусалимѣ и во многихъ другихъ, старались усилить свою власть и уже стали называться патріархами. Теперь они уже не только не выбирались вѣрующими, но сами назначали епископовъ въ другіе города; пресвитеры и дьяконы также уже не выбирались, а назначались епископами. Появилось церковное начальство; духовенство отдѣлилось отъ народа; церковь отдѣлилось отъ вѣрующихъ. Епископы съѣзжались на соборы и издавали церковные законы; всѣ вѣрующіе должны были подчиняться этимъ законамъ, а кто не подчинялся, того объявляли еретикомъ и подвергали гоненію.

Съ другой стороны, когда епископы обратились сами въ начальство, то они стали поддерживать свѣтское начальство и всѣ римскіе порядки; они даже просили помощи у римскаго начальства, когда надо было преслѣдовать несогласныхъ съ ними христіанъ. При такомъ положеніи дѣла, римскимъ императорамъ легко

было вступить въ соглашеніе съ христіанскою церковью и даже самимъ принять христіанство. Отъ этого ничего не измѣнялось ни въ ихъ жизни, ни въ ихъ государствѣ. Все оставалось по прежнему. По прежнему были вельможи и простолюдины, богатые и бѣдные, властители и рабы; передъ императоромъ по прежнему всѣ падали на колѣни, и онъ по прежнему могъ казнить и посылать въ тюрьмы кого хотѣлъ, по своему усмотрѣнію. Измѣнилось только то, что вмѣсто языческаго храма онъ ходилъ теперь въ раззолоченный христіанскій храмъ, гдѣ служили архіереи въ пышныхъ, раззолоченныхъ одеждахъ и гдѣ ему оказывались всяческія почести. Не императоры подчинились ученію Христа, а христіанская церковь приспособилась къ императору и ко всѣмъ старымъ римскимъ порядкамъ.

Въ это же самое время громадная Римская Имперія распалась на двѣ части: на Восточную или Византійскую Имперію и на Западную Имперію. Въ Восточной Имперіи столицей былъ Константинополь или Царьградъ, а въ Западной Имперіи столицей былъ Римъ.

Римскій патріархъ или папа считалъ себя самымъ старшимъ патріархомъ, преемникомъ апостола Петра, который основалъ первую церковь въ Римѣ. Поэтому онъ требовалъ, чтобы всѣ другіе патріархи подчинялись ему. Онъ говорилъ, что самъ Христосъ сказалъ Петру, что онъ — тотъ камень, на которомъ будетъ утверждена церковь, а римскій папа — преемникъ Петра. Но восточные патріархи не захотѣли подчиниться римскому патріарху. Вслѣдствіе этого произошелъ расколъ, и христіанская церковь также раздѣлилась на двѣ церкви: западную,—римско-католическую и восточную — византійскую или греческую. Каждая изъ нихъ называла и называетъ себя до сихъ поръ истинно-православною; но въ дѣйствительности ни та, ни другая изъ нихъ не походитъ на первоначальную христіанскую церковь, и обѣ онѣ давно уже и во всемъ отдалились отъ истиннаго ученія Христа. Въ этомъ онѣ очень походятъ одна на другую, и

вообще между ними гораздо больше сходства, нежели различія.

Мы уже сказали, что Россія приняла греческую или византійскую вѣру со всѣми ея церковными порядками, и мы увидимъ, что русское духовенство, подобно византійскому, всегда поддерживало свѣтскую власть и всегда заботилось болѣе всего о своихъ собственныхъ, церковныхъ выгодахъ. Попадались, конечно, и среди русскаго духовенства истинные христіане, какъ напримѣръ отшельникъ Нилъ Сорскій, старецъ Вассіанъ Патрикѣевъ, митрополитъ Филиппъ; но такихъ было немного. Большинство же духовенства примкнуло не къ страждущимъ и обремененнымъ, а къ сильнымъ и богатымъ, и всегда поддерживало и защищало ихъ, какъ поддерживаетъ и защищаетъ до сихъ поръ.

Глава третья

Татарское нашествіе и его послѣдствія.

Въ степяхъ средней Азіи, къ сѣверу отъ Китая, за озеромъ Байкаломъ, кочевало многочисленное племя монголовъ или татаръ. Въ началѣ тринадцатаго вѣка одинъ изъ ихъ хановъ, Темучинъ, прозванный *Чингизъ-Ханомъ* или *великимъ ханомъ*, покорилъ всѣхъ другихъ хановъ и собралъ подъ свое владычество все монгольское племя. Затѣмъ онъ началъ завоевывать другія азіатскія страны и сдѣлался повелителемъ необозримыхъ пространствъ. Онъ уже считалъ себя какъ бы владѣльцемъ всего міра и, умирая, отдалъ всю страну къ западу отъ Урала и Каспійскаго моря, т. е. всю Русскую землю, во владѣніе своему внуку Батыю, хотя страна эта еще не была завоевана имъ.

Татары, впрочемъ, еще при жизни Чингизъ-Хана проникли въ южныя степи Россіи, гдѣ тогда кочевали половцы, смѣнившіе печенѣговъ. Половцы обратились за помощью къ русскимъ князьямъ. Русскіе князья соединили свои дружины и пошли вмѣстѣ съ половцами на встрѣчу татарамъ. Татары отступали и заманивали русскихъ. Храбрѣйшій изъ русскихъ князей, Мстиславъ Удалой, съ передовымъ отрядомъ, неосторожно отдѣлился отъ главной рати и былъ разбитъ при рѣчкѣ Калкѣ; затѣмъ были разбиты и половцы; они бросились бѣжать и привели въ разстройство всю русскую рать. Пораженіе было полное. Это произошло въ 1224 году. Но на этотъ разъ татары ушли обратно за Уралъ; это были только передовые отряды Чингизъ-Хана. Главное нашествіе совершилось черезъ тринадцать лѣтъ, въ 1237 году, когда внукъ Чингизъ-Хана, Батый, рѣшилъ завоевать отданную ему въ наслѣдство страну на западъ отъ Урала.

Татарское нашествіе совершилось внезапно. Никто не ожидалъ, никто не предвидѣлъ этого удара. На Руси не знали, что происходило въ Азіи, и не имѣли понятія о томъ, какія силы были собраны у Чингизъ-Хана и его наслѣдниковъ.

Батый съ несмѣтною ордою переправился въ началѣ зимы 1237 года черезъ Волгу, подошелъ къ Рязанскому княжеству и потребовалъ дани. Рязанскіе князья отвѣтили: "Когда насъ не будетъ въ живыхъ, все будетъ ваше." Тогда началось разореніе и опустошеніе. Первою была взята Рязань, потомъ Москва, Владиміръ, Суздаль и такъ далѣе. Русскіе города защищали свою свободу съ изумительнымъ мужествомъ. Ни одинъ городъ не сдался добровольно татарамъ. А у татаръ было такое правило: если побѣжденные покоряются, щадить ихъ; если же сопротивляются— истреблять безъ разбора, отъ мала до велика. Русь сопротивлялась съ крайнимъ упорствомъ и потому была опустошена до послѣдней степени. Завоеватели должны были брать города приступомъ, и жители ихъ

погибали въ отчаянной борьбѣ. "Лучше быть потяту (убиту), чѣмъ полонёну," говорится въ одной старинной пѣснѣ. Небольшой городъ Козельскъ защищался семь недѣль, а когда былъ взятъ, то тамъ была такая рѣзня, что кровь текла ручьемъ по улицамъ, и малолѣтній князь Василій захлебнулся кровью. Татары прозвали Козельскъ "злымъ городомъ." Изъ русскихъ женщинъ только немногія попадались въ плѣнъ; иныя спасались отъ плѣна самоубійствомъ. Многіе жители разбѣгались по лѣсамъ, но и тамъ погибали отъ голода и холода. Кромѣ Новгорода, Смоленска и бѣлорусскихъ княжествъ, куда не заходили татары по причинѣ лѣсовъ и болотъ, въ остальной Руси едва ли осталась въ живыхъ десятая часть жителей. Кіевъ былъ взятъ въ 1240 году и превращенъ въ груду развалинъ. Цѣлыхъ четыре года опустошалъ и завоевывалъ Батый русскія княжества. Потомъ вернулся въ степи и расположилъ свою главную стоянку въ низовьяхъ Волги. Здѣсь, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Царевъ, была основана ханская столица "Золотая Орда."

Такъ произошло покореніе Руси татарами. Изъ свободной страны она стала теперь улусомъ ордынскаго царя. Всѣ русскіе люди, отъ князя и до простого работника, стали теперь его рабами. Прежняя вольная жизнь исчезла. Начались новые порядки.

Уцѣлѣвшіе князья стала ѣздить въ Золотую Орду на поклонъ къ хану, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину, то есть въ наслѣдственное владѣніе. Теперь они были уже не выборные князья свободной земли, а ханскіе ставленники, татарскіе слуги. Татары не хотѣли сами управлять завоеванной страной; они сами жили попрежнему въ степяхъ и желали только собирать дань съ русскаго народа; а это имъ было всего удобнѣе дѣлать черезъ русскихъ князей. Ханы принимали покорныхъ князей радушно и милостиво, и раздавали имъ русскія княжества, но только требовали отъ нихъ полнаго повиновенія; а кто не оказы-

валъ повиновенія, съ тѣмъ расправлялись жестоко. Князья сразу поняли, что теперь ихъ княженіе зависитъ отъ воли хана, какъ прежде оно зависѣло отъ согласія народнаго вѣча. И вотъ стали князья ѣздить въ Золотую Орду на поклонъ и добиваться княженія. Но татары хорошо понимали, что покорность князей подневольная и что за ними нуженъ надзоръ. Тогда ханъ сталъ назначать одного изъ князей старшимъ надъ всѣми. Всѣ другіе князья должны были повиноваться этому старшему или великому князю; а если кто-нибудь его не слушался, то ханъ посылалъ въ помощь ему татарское войско. И вотъ началась большая вражда и соперничество между русскими князьями; каждый изъ нихъ старался угодить хану и получить отъ него ярлыкъ на великое княженіе. Они женились на ханскихъ дочеряхъ, раздавали подарки ханскимъ любимцамъ и при случаѣ не щадили ни другихъ князей, ни своего народа.

Самыми хитрыми изъ всѣхъ князей оказались московскіе. Они лучше другихъ умѣли угождать татарамъ. Другіе князья иногда вспоминали свою свободу, говорили о своихъ предкахъ, а московскіе князья просили у хана только милости: "Ты вольный царь, говорили они; ты воленъ въ своемъ улусѣ; кого восхочешь, того и пожалуешь."

Татарамъ нравилась такая покорность, и они возвышали московскихъ князей надъ всѣми другими князьями и поручали имъ собирать дань. Московскіе князья пользовались и этимъ. Они собирали больше дани, чѣмъ требовали татары, и часть оставляли себѣ. Такъ они богатѣли, а разбогатѣвъ, скупали у бѣдныхъ князей ихъ села и земли, и увеличивали свои владѣнія. Иногда же присоединяли къ себѣ силою другія княжества, и никто не могъ имъ противиться, потому что за нихъ стоялъ ханъ, а ханъ былъ господинъ русской земли; надъ русскою землею тяготѣло теперь татарское иго.

Въ чемъ же заключалось это татарское иго? Самихъ

татаръ не было на Руси. Они разорили страну и ушли назадъ въ степи. Но они поставили вмѣсто себя своихъ намѣстниковъ, русскихъ князей; черезъ нихъ они и правили Русью, черезъ нихъ они и наложили на Русь неволю. Татарское иго заключалось въ новомъ татарскомъ управленіи, которое замѣнило собою прежнее вѣчевое управленіе. Прежде князь управлялъ съ согласія вѣча; теперь власть князя уже не зависѣла отъ вѣча; она была дана ему татарами. Ханъ былъ полный господинъ надъ княземъ, а князь былъ полный господинъ въ своемъ княжествѣ. Въ этомъ и заключалось татарское иго. Оно заключалось въ самовластіи князей и въ порабощеніи народа.

Теперь разскажемъ подробнѣе, какими путями возвышалась Москва, и какъ вмѣсто многихъ выборныхъ князей на Руси оказался одинъ не выбранный, а самовластный князь или царь.

Глава четвертая

Возвышеніе московскихъ князей.

Первымъ старшимъ или великимъ княземъ, поставленнымъ татарами, былъ Александръ Невскій. Сынъ его, Данила, былъ московскимъ княземъ. Послѣ смерти Данилы московскимъ княземъ сдѣлался старшій сынъ его Юрій. Великое княженіе получилъ тогда въ Ордѣ тверской князь Михаилъ. Съ этого времени и началась жестокая борьба за великое княженіе между тверскими и московскими князьями.

Юрій самъ поѣхалъ въ Орду, вошелъ въ милость къ хану Узбеку, женился на его сестрѣ Кончакѣ и вернулся въ Москву съ татарскимъ войскомъ. Вернувшись, онъ началъ войну съ тверскимъ княземъ

Михаиломъ, но потерпѣлъ пораженіе. Рать его была разбита, а жена его Кончака, попалась въ плѣнъ къ Михаилу и скоро умерла въ плѣну; прошелъ слухъ, что она была отравлена. Тогда Юрій поспѣшилъ въ Орду жаловаться хану. Ханъ вызвалъ къ себѣ Михаила, обвинилъ его въ смерти своей сестры и велѣлъ убить, а великимъ княземъ назначилъ московскаго князя Юрія. Но сынъ убытаго Михаила, Дмитрій, по прозванію Грозныя Очи, отомстилъ Юрію за смерть своего отца и самъ убилъ его, за что и былъ казненъ ханомъ. Тогда московскимъ княземъ сдѣлался братъ Юрія, Иванъ Даниловичъ Калита, а Тверскимъ княземъ—братъ Дмитрія, Александръ.

Александръ пообѣщалъ хану собирать съ своего народа двойную дань и за это получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Но ханъ не довѣрялъ Александру и послалъ въ Тверь наблюдать за нимъ своего чиновника Чолкана съ толпою вооруженныхъ татаръ. Эти татары, по привычкѣ обращаться съ русскими, какъ съ рабами, производили въ Твери разныя безчинства и раздражали народъ. Князь приказывалъ народу терпѣть; но у тверичанъ не стало силы терпѣть. Какъ то разъ татары захотѣли отнять у діакона Дюдка молодую кобылу. Діаконъ крикнулъ кличъ къ народу. Ударили въ вѣчевой колоколъ. Сбѣжался народъ и перебилъ татаръ.

Московскій князь Иванъ Калита, какъ только услыхалъ о томъ, что произошло въ Твери, поспѣшилъ въ Орду, получилъ тамъ ярлыкъ на великое княженіе и пошелъ съ татарами наказывать Тверь. Татаръ съ нимъ было пятьдесятъ тысячъ. Проходя по Суздальской Области, онъ потребовалъ, чтобы суздальскій князь присоединился къ нему, и суздальскій князь не посмѣлъ ослушаться. Эта соединенная рать татаръ и русскихъ зимою вошла въ тверскую землю и стала жечь города и села, убивать жителей, старыхъ и малыхъ. Князь Александръ съ братомъ Константиномъ бѣжали въ Псковъ. Такъ разорены были Кашинъ и

Тверь; вся тверская область была опустошена и обезлюдѣла.

Расправившись съ Тверью, Иванъ поѣхалъ въ Орду явиться къ Узбеку. Узбекъ очень хвалилъ его, и съ тѣхъ поръ положеніе Ивана стало еще крѣпче. Тогда же явился къ Узбеку съ поклономъ братъ Александра тверского, Константинъ. Узбекъ принялъ его милостиво и утвердилъ на тверскомъ княженіи, но приказалъ Ивану, а съ нимъ и всѣмъ русскимъ князьямъ отыскать Александра и предоставить въ Орду на расправу. По ханскому приказу, Иванъ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, суздальскимъ княземъ и тверскимъ княземъ Константиномъ пріѣхалъ въ Новгородъ, а оттуда послалъ къ Александру пословъ. Александръ уже согласился было ѣхать къ хану, "чтобы не давать христіанъ на погибель поганымъ"; но псковичи удержали его и говорили: "Не ѣзди, господине, въ Орду; что бы съ тобою ни было, за одно умремъ съ тобою."

Получивъ отказъ, Иванъ пошелъ ратью на Псковъ, а митрополитъ Ѳеогностъ, въ угожденіе Ивану, наложилъ на псковичей проклятіе и отлученіе отъ церкви. Тогда Александръ уѣхалъ въ Литву.

Митрополиты раньше жили въ Владимірѣ, но потомъ, когда увидѣли усиленіе московскаго князя, переѣхали въ Москву и поддерживали во всемъ московскихъ князей.

Такимъ путемъ Иванъ при помощи татаръ избавился отъ своего главнаго соперника, тверскаго князя; теперь онъ уже владѣлъ, кромѣ Москвы, Можайскомъ, Коломною, Рузою, Звенигородомъ и Серпуховымъ. Другіе князья должны были подчиняться Ивану. Суздальскій князь сдѣлался его подручникомъ; по смерти его, Иванъ удержалъ за собою Владиміръ, и новый суздальскій князь долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что ему оставилъ московскій князь. Иванъ отдалъ одну ихъ своихъ дочерей за Ярославскаго князя, а другую за Ростовскаго и самовластно

распоряжался во владѣніяхъ своихъ затьевъ. Города Угличъ, Галичъ и Бѣлозерскъ были куплены Иваномъ у ихъ князей; кромѣ того онъ покупалъ многія села.

Но вотъ ему снова стала грозить неожиданная опасность. Бывшій тверской князь Александъ соскучился на чужбинѣ. Онъ послалъ въ Орду своего сына Ѳеодора узнать: есть ли ему надежда получить прощеніе и милость хана Узбека. Ѳеодоръ, вернувшись изъ Орды, принесъ утѣшительныя вѣсти. Тогда Александръ отправился въ Орду и прямо явился къ Узбеку.

Лѣтописцы говорятъ, что онъ произнесъ такую рѣчь: "Господинъ, самовластный царь! если я много дурного сдѣлалъ тебѣ, то теперь пришелъ принять отъ тебя либо жизнь, либо смерть. Какъ Богъ тебѣ на душу положитъ, а я на все готовъ!"

Узбеку понравилась такая прямота и покорность. Онъ простилъ Александру, оказалъ ему большой почетъ и отпустилъ домой съ правомъ снова сѣсть на княженіе въ Твери. Братъ его, Константинъ, владѣвшій Тверью, уступилъ ему княженіе добровольно.

Возвращеніе Александра было сильнымъ ударомъ для московскаго князя. Его заклятый врагъ пріобрѣлъ опять милость хана и могъ теперь вредить ему. Тогда Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду и взялъ съ собою своихъ сыновей, чтобъ представить хану, какъ будущихъ вѣрныхъ татарскихъ слугъ. Пріѣхавъ въ Орду съ подарками, онъ старался всѣми мѣрами очернить и оклеветать тверского князя, и это ему удалось. Узбекъ послалъ своего приближеннаго Истрочея звать Александра. По совѣту Ивана, Истрочей говорилъ Александру, что ханъ хочетъ оказать ему почетъ и сдѣлать его великимъ княземъ. Но Александръ догадался, что тутъ что то не такъ. "Ежели я пойду въ Орду, говорилъ онъ своимъ, то буду преданъ смерти, а ежели не пойду, то придетъ татарская рать и много христіанъ будетъ убито и взято въ плѣнъ. Ужъ лучше мнѣ одному принять смерть." И онъ поѣхалъ.

Когда Александръ прибылъ въ Орду, то татары, расположенные къ нему, извѣстили его, что дѣло плохо: "Царь хочетъ тебя убить, сказали они. Тебя крѣпко оклеветали передъ нимъ!" Александръ цѣлый мѣсяцъ въ тревогѣ ждалъ своей участи. Наконецъ явились ханскіе посланцы. Берканъ и Черкасъ, схватили князя и повели къ ханскому вельможѣ Тавлугбегу. "Убейте его!" — приказалъ Тавлугбергъ. Татары повалили на землю Александра и сына его Ѳеодора, убили ихъ, а потомъ отрубили имъ головы.

Въ Москвѣ было тогда великое веселіе и радость. Иванъ Калита не только избавился отъ своего врага, но снова пріобрѣлъ большое довѣріе къ себѣ татарскаго хана. Теперь онъ могъ быть спокоенъ не только за себя, но и за своихъ сыновей. Онъ оставилъ ихъ въ Ордѣ. Послѣ смерти Александра, они вернулись изъ Орды съ большою честью.

Такъ усиливался и возвышался московскій князь. Опираясь на татаръ, онъ ослабилъ и подчинилъ себѣ другихъ князей, а чтобъ достигнуть этого, не страшился приводить татарское войско и опустошать русскую землю. Послѣ смерти Ивана Калиты, также поступали и его сыновья. Вскорѣ московскія князья уже присоединили къ своимъ владѣніямъ всѣ окружающія княжества и стали самовластно распоряжаться на Руси. Они уже переняли у татаръ самовластные обычаи. Посланный въ Ростовъ отъ Ивана Калиты бояринъ Кочева свирѣпствовалъ надъ жителями, а одного старѣйшаго боярина, по имени Аверкія, приказалъ всенародно повѣсить за ноги и нещадно бить палками. Появилась и смертная казнь, о которой раньше не было слыхано на Руси. Въ 1379 году въ Москвѣ въ первый разъ была совершена всенародно смертная казнь: отрубили голову сыну послѣдняго московскаго тысяцкаго, командовавшаго прежде земскою ратью. Появилось и битье кнутомъ, позорная торговая казнь. Этого рода наказаніе тоже было неизвѣстно въ древней Руси; оно стало входить въ

обычай при сынѣ Димитрія Донского. Да и самое слово *кнутъ* не русское, а татарское.

Глава пятая

Подчиненіе Новгорода и Пскова.

Ничто теперь не мѣшало самовластію московскаго князя на Руси. Только въ одномъ сѣверо-западномъ углу Россіи оставались еще вольные вѣчевые города, не разоренные татарами, Новгородъ и Псковъ. Тамъ еще держались прежніе вѣчевые порядки; новгородцы и псковичи еще не считали себя холопами московскаго князя. Новгородъ особенно дорожилъ своей свободой. Это былъ большой и богатый городъ; онъ велъ большую морскую торговлю съ нѣмецкими городами и владѣлъ обширными землями въ теперешней Вологодской и Пермской губерніяхъ, по Двинѣ, Печорѣ и Камѣ. Оттуда къ нему шли пушные товары, а изъ Сибири къ нему шло за-камское серебро.

Но свобода не уживается рядомъ съ самовластіемъ. Или то, или другое должно погибнуть. И вотъ московскіе князья начали долгую борьбу съ Новгородомъ и Псковомъ.

Еще Александръ Невскій заставилъ ихъ, по требованію татаръ, платить дань мѣстѣ съ другими русскими землями. Они согласились на это, но удержали свое прежнее правленіе: выбирали своего посадника, сами призывали къ себѣ князей.

Въ 1332 году Иванъ Калита вернулся изъ Орды, гдѣ сильно поистратился на подарки, и сталъ придумывать, какъ бы ему добыть денегъ. Онъ вспомнилъ, что у новгородцевъ есть закамское серебро. Въ сибирскихъ странахъ, за рѣкою Камою, съ незапамят-

ныхъ временъ добывали серебряную руду. Новгородъ какъ мы уже сказали, владѣлъ тогда Двинскою и Пермскою областями, а отчасти и за-уральскою страною, и получалъ оттуда серебро. Иванъ Даниловичъ потребовалъ отъ Новгорода этой статьи дохода, а въ видѣ залога захватилъ города Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ. Новгородцы послали къ нему своего архіепископа и предлагали взять пятьсотъ рублей серебра,* но онъ не согласился на миръ.

Тогда новгородцы заключили союзъ съ литовскимъ княземъ Гедиминомъ и призвали къ себѣ въ князья сына его Наримонта, нарѣченнаго при крещеніи Глѣбомъ. Иванъ Даниловичъ испугался этого союза, потому что Гединминъ былъ очень сильный и воинственный литовскій князь. Испугавшись, онъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ и заключилъ съ новгородцами миръ. Въ Новгородѣ была по этому случаю большая радосгъ.

Но черезъ три года Иванъ Даниловичъ внезапно нарушилъ миръ и послалъ свое войско захватить новгородскія земли по рѣкѣ Двинѣ. Однако это покушеніе не удалось. Московское войско было разбито новгородцами и вернулись со срамомъ.

Внукъ Ивана Калиты, Дмитрій Донской, при которомъ Москва была разорена татарами, также захотѣлъ поправить свою казну насчетъ Новгорода. Онъ собралъ большую рать и подъ тѣмъ предлогомъ, что новгородскіе ушкуйники † ограбили Кострому и Ярославль, двинулся зимою 1386 года въ походъ, сожигая и разоряя новгородскія села. Новгородцы выслали къ нему своихъ пословъ просить мира и предлагали

---

* Тогдашній рубль равнялся полфунту серебра.

† Ушкуйниками называлась новгородская вольница. Еще изстари новгородскіе смѣльчаки, преимущественно изъ молодежи, спускались въ своихъ лодкахъ (ушкуяхъ) внизъ по большимъ рѣкамъ и проникали далеко въ земли инородцевъ. Они именно пріобрѣли Новгороду Двинскую, Пермскую и Вятскую области. Нерѣдко они занимались и грабежемъ.

заплатить 8000 рублей. Димитрій не принялъ просьбы, грозилъ идти далѣе и взять Новгородъ. Новгородцы рѣшили защищаться до послѣдняго; всѣ годные къ войнѣ взялись за оружіе. Но они все-таки послали еще разъ къ Дмитрію двухъ архимандритовъ, семь поповъ и пять богатыхъ жителей отъ пяти концовъ города просить мира. Димитрій разсудилъ, что его упорство можетъ довести новгородцевъ до отчаянія, и согласился взять 8000 рублей, но кромѣ того выговорилъ, чтобы новгородцы платили ему ежегодную дань.

Черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ того, внукъ Димитрія Донского, Василій Темный нанесъ Новгороду новый ударъ. Онъ объявилъ Новгороду войну и разбилъ новгородское войско. Новгородцы должны были просить мира. Московскій князь заставилъ заплатить 16,000 рублей, обязалъ вносить ежегодную подать и кромѣ того обязалъ новгородцевъ не писать больше вѣчевыхъ грамотъ отъ имени "Господина Великаго Новгорода," какъ писали до тѣхъ поръ, а писать грамоты отъ имени великаго князя Московскаго и употреблять великокняжескую печать. Это уже значило отказаться отъ своей свободы и предвѣщало скорое паденіе Новгорода.

Новгородцы чувствовали близкую бѣду и ненавидѣли московскаго князя. Въ 1460 году Василій Темный пріѣхалъ въ Новгородъ съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ. Новгородцы собрались на вѣче и замышляли убить его съ дѣтьми. Но архіепископъ новгородскій Іона отговорилъ ихъ: "Изъ этого намъ не будетъ пользы, говорилъ онъ; останется еще одинъ сынъ, старшій Иванъ. Онъ выпроситъ у хана войско и разоритъ насъ."

Этотъ самый старшій сынъ Василія Темнаго, Иванъ Васильевичъ и нанесъ Новгороду послѣдній ударъ. Еще при отцѣ его, въ Новгородѣ были смѣлые люди, думавшіе о томъ, какъ имъ спасти свою родину отъ московскаго самовластія. Во главѣ этихъ людей была

богатая вдова посадника, Марѳа Борецкая и два ея сына, Дмитрій и Ѳедоръ. Такъ какъ было ясно, что Новгородъ не въ силахъ самъ защитить себя отъ Москвы, то сторонники Марѳы Борецкой хотѣли искать помощи у князя литовскаго Казиміра, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и королемъ польскимъ.

Иванъ Васильевичъ узналъ объ этомъ и послалъ сказать новгородцамъ: "Люди новгородскіе, исправтесь, помните, что Новгородъ—вотчина великаго князя, не творите лиха, живите по старинѣ."

Новгородцы собрались на вѣче и дали такой отвѣтъ: "Новгородъ не вотчина великаго князя; Новгородъ самъ себѣ господинъ."

Сторонники Марѳы Борецкой настояли на томъ, чтобы заключить договоръ съ Казиміромъ, и Казиміръ обязался охранять Новгородъ отъ московскаго великаго князя.

Тогда Иванъ Васильевичъ собралъ большую рать и отправилъ ее въ новгородскія земли съ приказаніемъ сжигать всѣ новгородскіе пригороды и селенія и убивать безъ разбора старыхъ и малыхъ. Цѣль его была обезсилить новгородскую землю.

Новгородцы выслали свое войско, но оно было разбито. Четыре его предводителя, и въ томъ числѣ Дмитрій Борецкій попались въ плѣнъ. Имъ отрубили головы.

Тогда Иванъ Васильевичъ двинулся къ Новгороду. Новгородцы ждали помощи отъ Казимира, но ихъ послы были перехвачены, и помощь не приходила. Народъ пришелъ въ отчаяніе и отправилъ своего архіепископа просить у великаго князя пощады.

Московскій князь потребовалъ, чтобы Новгородъ отрекся отъ Казимира, уступилъ Москвѣ часть Двинской земли, заплатилъ 15,000 рублей дани и не писалъ больше вѣчевыхъ грамотъ.

Въ эту войну новгородская земля была такъ разорена и обезлюжена, что московскому князю стало еще легче справиться съ нею.

Въ слѣдующемъ году онъ отнялъ у Великаго Новгорода Пермь, а еще черезъ четыре года, воспользовавшись тѣмъ, что новгородцы казнили трехъ его приверженцевъ, онъ снова двинулся съ войскомъ неказывать Новгородъ огнемъ и мечемъ. Московскіе отряды были распущены по всей новгородской землѣ и должны были жечь людскія поселенія и истреблять жителей. Затѣмъ великокняжеское войско захватило подгородные монастыри и окружило городъ.

Народъ не въ силахъ былъ защищаться оружіемъ, номощи ему было не у кого просить, и ни откуда она не могла придти. Городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Архіепископъ съ послами снова поѣхалъ въ станъ великаго князя и объявилъ, что Новгородъ соглашается на все.

Новгородцы были приведены къ присягѣ на полное повиновеніе великому князю. Каждый новгородецъ обязанъ былъ доносить нл другого новгородца, если услышитъ отъ него что-нибудь о великомъ князѣ хорошаго или худого. Вѣчевой колоколъ былъ снятъ и отвезенъ въ московскій станъ.

Великій князь велѣлъ схватить, заковать и отправить въ Москву главныхъ защитниковъ новгородской свободы и въ томъ числѣ Мароу посадницу, а имущество ихъ отписать на себя.

Черезъ годъ, узнавъ, что новгородцы снова замышляютъ избавиться отъ его власти, Иванъ опять собралъ войско и пошелъ на Новгородъ. Новгородцы прогнали московскихъ намѣстниковъ, возобновили вѣчевой порядокъ и снова избрали посадника и тысяцкаго. Но послѣ недолгой обороны, они сдались и отворили ворота. Иванъ велѣлъ схватить сто пятьдесятъ главныхъ заговорщиковъ и подвергнуть ихъ пыткѣ, а потомъ казнить.

Вслѣдъ затѣмъ болѣе восьми тысячъ семей самыхъ зажиточныхъ гражданъ были выведены изъ Новгорода и поселены въ московскихъ земляхъ, а все имущество

ихъ отписано на великаго князя. Многіе изъ сосланныхъ умерли въ дорогѣ, такъ какъ ихъ погнали, не давши собраться. Вмѣсто вывезенныхъ новгородскихъ жителей, въ Новгородѣ поселили москвичей.

Такъ расправились московскіе ккнязья съ Новгородомъ. Та же участь постигла и Псковъ. Съ нимъ покончилъ сынъ Ивана Васильевича, Василій Ивановичъ. Въ 1510 году псковичей заставили принести присягу московскому князю и сняли ихъ вѣчевой колоколъ. Псковичи плакали по своей волѣ. "Развѣ только грудной младенецъ не плакалъ," говоритъ лѣтописецъ. До трехсотъ наиболѣе зажиточныхъ семействъ было отправлено въ Москву, а ихъ земли и дворы разданы московскимъ людямъ.

Съ уничтоженіемъ свободы исчезло и богатство Новгорода и Пскова; торговля почти прекратилась, такъ какъ московскіе намѣстники грабили нѣмецкихъ купцовъ, и тѣ перестали ѣздить. Послѣ паденія Кіева, Новгородъ одинъ связывалъ Русь съ другими государствами. Сюда пріѣзжали иноземные купцы, привозили заграничные товары, и русскіе узнавали отъ нихъ о томъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Послѣ паденія Новгорода все это прекратилось, и Русь была надолго отрѣзана отъ остальнаго міра; только Петръ Великій снова и съ большимъ трудомъ установилъ сношенія между Россіей и другими государствами или, какъ сказалъ Пушкинъ, прорубилъ окно въ Европу.

Глава шестая

Паденіе татарскаго ига.

Въ то время какъ московскіе князья всякими неправдами усиливали свою власть и забирали въ свои

руки всѣ русскія земли, огромное татарское царство, растянувшееся по всей Волгѣ и по всему Черному морю, все больше и больше растраивалось и распадалось. Въ немъ шли внутреніе раздоры. Чанибека, сына Узбека, убилъ его же сынъ Бердибекъ; а Бердибека убилъ полководецъ Наврусъ и объявилъ себя ханомъ. Но вскорѣ и Навруса убилъ другой полководецъ, Хидырь, который также объявилъ себя ханомъ; затѣмъ убили и Хидыря. Орда раздѣлилась; въ ней появилось разомъ два хана. Одного изъ нихъ поддерживалъ сильный полководецъ Мамай. Въ Москвѣ въ это время не знали, что дѣлать: у котораго изъ хановъ просить велико-княжескаго ярлыка и которому посылать подарки. Вскорѣ ярлыкъ на великое княжество удалось получить у Мамая тверскому князю. Тверской князь объявилъ тогда московскому князю, Димитрію Донскому, войну, но былъ разбитъ и долженъ былъ заключить миръ. Между тѣмъ Мамай, который теперь уже самъ сдѣлался ханомъ, захотѣлъ наказать московскаго князя за то, что тотъ поставилъ ни во что его ярлыкъ, данный тверскому князю; онъ послалъ на него мурзу Бегича съ отрядомъ. Московскій князь, Димитрій, прозваный потомъ Донскимъ, вышелъ на встрѣчу татарскому отряду и разбилъ его на берегахъ Вожи (въ Рязанской землѣ). Москвичи уже перестали страшиться хана, думая, что онъ теперь не опасенъ.

Тогда Мамай задумалъ напомнить русскимъ батыевщину и собралъ огромную орду. Но и на Руси у всѣхъ загорѣлось желаніе освободиться отъ татаръ.

Московскому князю не приходилось понуждать ратныхъ людей: всѣ спѣшили сами, изо всѣхъ княжествъ. Лѣтописецъ говоритъ, что у Димитрія собралось 150,000 воиновъ.

Русскіе встрѣтились съ полчищами Мамая на Куликовомъ полѣ, при впаденіи Непрядвы въ Донъ, 6 сентября 1380 года. Въ первомъ часу началась сѣча, какой, по словамъ лѣтописца, еще не бывало на Руси. На десять верстъ огромное Куликово поле было покрыто

воинами. Кровь лилась дождевыми потоками; все смѣшалось, шла рукопашная битва. Въ московской рати было много небывалыхъ въ бою; на нихъ напалъ страхъ, и они обратились въ бѣгство; татары съ страшнымъ крикомъ бросились за ними и били ихъ. Дѣло русскихъ казалось проиграннымъ.

Но на западной сторонѣ поля стоялъ въ засадѣ избранный русскій отрядъ подъ начальствомъ князя Серпуховскаго, Владиміра Андреевича, и литовскаго воеводы Боброка, который пріѣхалъ служить Москвѣ. Увидавъ, что русскіе бѣгутъ, а татары гонятся за ними, Владиміръ Андреевичъ хотѣлъ сейчасъ же ударить на враговъ, но Боброкъ удержалъ его, до тѣхъ поръ пока вся татарская рать не прошла мимо нихъ. Тогда русскій отрядъ стремительно бросился на татаръ, которые совсѣмъ не ожидали нападенія позади. На все полчище Мамая напалъ страхъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ, татары побросали оружіе и побѣжали опрометью. Русскіе гнали татаръ на тридцать верстъ. Побѣда была полная.

Эта побѣда была одержана потому, что всѣ русскія земли: московская, владимірская, суздальская, ростовская, бѣлозерская, нижегородская, муромская, псковская и брянская соединились воедино. Это было всенародное ополченіе. Самъ московскій князь былъ тутъ почти ни причемъ; о немъ даже не упоминаетъ лѣтописецъ при описаніи битвы. Одна Москва не могла бы побѣдить татаръ, да и московскіе князья не были храбрыми воинами, какъ это скоро и оказалось на дѣлѣ.

Черезъ два года послѣ Куликовской битвы, изъ-за Урала явился потомокъ Батыя, Тохтамышъ. Онъ отнялъ у Мамая ханство и рѣшилъ наказать русскихъ за ихъ неповиновеніе. Собравъ орду, онъ прямо пошелъ на Москву. Московскій князь, Дмитрій Донской вышелъ было на встрѣчу татарамъ, но потомъ испугался и, покинувъ свою столицу, бѣжалъ въ Кострому, гдѣ и заперся. Тохтамышъ подошелъ къ Москвѣ, взялъ ее

хитростью и перебилъ все населеніе; городъ былъ сожженъ и разграбленъ. Потомъ татары разсыпались по другимъ городамъ, разорили Звенигородъ, Юрьевъ, Дмитровъ, Можайскъ. Повсюду татары убивали людей или гнали ихъ толпами въ плѣнъ. Припомнились батыевы времена; только тогда русскіе князья умирали вмѣстѣ съ народомъ, а теперь московскій великій князь сидѣлъ запершись съ семьею въ Костромѣ, а другіе князья также прятались или спѣшили на поклонъ къ разгнѣванному хану. Одинъ Серпуховской князь, Владиміръ Андреевичъ, не измѣнилъ себѣ: выѣхавъ изъ Волоколамска, онъ ударилъ на татарскій отрядъ, разбилъ его и взялъ много плѣнниковъ. Этотъ подвигъ такъ испугалъ Тохтамыша, что онъ сейчасъ же сталъ отступать и ушелъ назадъ въ Орду. Но Русь снова была разорена и снова должна была платить татарамъ дань. Московскій князь не съумѣлъ защитить даже своей столицы.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ нашествія Тохтамыша, сынъ Димитрія Донского, Московскій князь Василій опять пересталъ платить дань татарскому хану. Тогда татарскій полководецъ Эдиги неожиданно напалъ на Москву. Подобно отцу, Василій Дмитріевичъ бѣжалъ въ Кострому, поручивъ защиту Москвы тому же храброму князю Владиміру Андреевичу. Татары не могли взять Кремля, но за то опустошили много русскихъ городовъ и селъ. Послѣ этого Василій ѣздилъ въ Орду, поклонился хану, принесъ ему дань и одарилъ ханскихъ вельможъ.

Прошло еще семьдесятъ лѣтъ. Въ Москвѣ княжилъ тогда сынъ Василія Темнаго, Иванъ Третій, тотъ самый, который покончилъ съ Новгородомъ. Золотая Орда тогда уже распалась на нѣсколько отдѣльныхъ царствъ: появилось Казанское царство и Крымское царство. Татары такъ ослабѣли, что вятскіе ушкуйники спустились какъ то по Волгѣ и разграбили ханскую столицу Сарай. Московскій великій князь пересталъ платить дань хану и только изрѣдка посы-

лалъ подарки. Но вотъ ханъ Золотой Орды, Ахматъ, надѣясь на помощь литовскаго князя, собрался въ походъ на Москву. Иванъ Васильевичъ сильно обезпокоился. Онъ не былъ храбръ и вспомнилъ о Тохтамышѣ. Выславъ впередъ войско со своимъ сыномъ, онъ самъ остался въ Москвѣ, жену-же свою Софью, отправилъ съ казною на Бѣлоозеро. Народъ узналъ объ этомъ съ недовольствомъ и роптал; онъ хотѣлъ, чтобы князь ѣхалъ къ войску. Наконецъ Иванъ Васильевичъ, по настоянію матери и духовенства, рѣшился поѣхать самъ къ войску. Но тамъ говоритъ лѣтописецъ, его окружили такіе же трусы, какимъ онъ былъ самъ, "богатые сребролюбцы, брюхатые предатели." Они говорили ему: "не становись на бой, великій государь, а лучше бѣги; такъ дѣлали прадѣдъ твой, Дмитрій Донской и дѣдъ твой Василій Дмитріевичъ." Иванъ Васильевичъ подался ихъ увѣщаніямъ и вернулся въ Москву. Но тамъ его встрѣтило народное волненіе. Народъ и безъ того не любилъ своего князя, а только боялся его. Теперь онъ сталъ говорить открыто: "Ты, государь, такъ княжишь надъ нами: пока тихо и спокойно, ты обираешь насъ, а придетъ бѣда, ты насъ покидаешь. Самъ разгнѣвалъ хана, не платилъ ему дани, а теперь отдаешь насъ всѣхъ татарамъ."

Духовенство съ своей стороны подняло голосъ; архіепископъ ростовскій Вассіанъ говорилъ Ивану: "Ты боишься смерти, но вѣдь ты не безсмертенъ. Если боишься, то передай своихъ воиновъ мнѣ. Я хоть и старъ, но не пощажу себя." Тогда Иванъ испугался народнаго возстанія и уѣхалъ къ войску.

Между тѣмъ оказалось, что ханъ Ахматъ самъ боялся русскаго войска; его татары были плохо одѣты, а уже наступали морозы. Когда онъ увидѣлъ, что русскіе хотятъ сражаться, онъ повернулъ назадъ и ушелъ въ степи. Вскорѣ послѣ того Ахматъ былъ убитъ (6-го января 1481 г.), а его преемники были уже совсѣмъ ничтожны. Это время и считается временемъ окон-

чательнаго освобожденія Руси отъ татарскаго ига. Послѣ того, хотя татары еще долго безпокоили русскій народъ своими набѣгами, но это была уже распавшаяся на части Золотая Орда; татары уже не могли теперь завоевать всей русской земли, а только грабили ея пограничныя области.

Глава седьмая

Послѣдствія татарскаго ига.

Итакъ мы видимъ, чсо не московскіе князья освободили отъ татаръ Россію, а само татарское царство пришло въ разстройство, распалось на части и не могло удержать своей власти. Но татарское иго тяготѣло надъ русскимъ народомъ около двухсотъ пятидесяти лѣтъ, и это время не прошло даромъ для русскаго народа. Посмотримъ же, какія перемѣны произвели татары въ прежней русской жизни. Уже заранѣе можно сказать, что эти перемѣни были въ худую, а не въ хорошую сторону, потому что никакая неволя не приноситъ народу добра.

Мы уже видѣли, что вмѣсто прежнихъ свободныхъ вѣчевыхъ порядковъ татары ввели новое управленіе. Прежде князь избирался народомъ, а если и получалъ княжество отъ отца или отъ старшаго брата, то только съ согласія народнаго вѣча. Но и это еще не самое главное. Самое главное не то, каковъ самъ князь, а то, каковъ надъ нимъ уставъ, каковъ установленъ общій порядокъ въ государствѣ. Князья могли быть хорошіе и дурные; одни изъ нихъ хотѣли послужить своей землѣ, другіе больше заботились о своей собственной выгодѣ. Но когда рядомъ съ княземъ стояло народное вѣче, оно наблюдало за поступками князя, и князь

не могъ сдѣлать много худого; если онъ поступалъ во вредъ народу, вѣче останавливало его, а въ крайнемъ случаѣ могло лишить власти и выгнать изъ города. Народъ бытъ выше князя. "Новгородъ не вотчина великаго князя; Новгородъ самъ себѣ господинъ," отвѣтили новгородцы Ивану Васильевичу. Таковъ былъ порядокъ въ древней вѣчевой Руси; потому то псковичи и оплакивали свой старый вѣчевой колоколъ.

Но когда татары завоевали Россію, они обратили всѣхъ русскихъ въ своихъ подданныхъ и поставили надъ ними для сбора дани прежнихъ же русскихъ князей. Князья остались тѣ же, но порядокъ теперь былъ уже другой. Теперь князь уже не зависѣлъ отъ народнаго вѣча. Теперь князь долженъ былъ блюсти выгоды хана, а до народа ему не было никакого дѣла. Если ханъ былъ доволенъ, то князь могъ поступать въ своей землѣ какъ хотѣлъ; а хотѣлъ онъ конечно прежде всего своей собственной выгоды. У народа уже не было теперь возможности остановить князя, не позволить ему того, что было выгодно князю, а невыгодно для народа. Теперь за княземъ стоялъ ханъ; вѣче было безсильно; оно не могло смѣнить князя или грозить ему; народъ долженъ былъ безпрекословно повиноваться князю, народъ былъ покоренъ татарами, и князь теперь сталъ выше народа. Князь боялся теперь только грознаго татарскаго царя и когда пріѣзжалъ въ Золотую Орду, то долженъ былъ кланяться ему въ землю. Но зато у себя дома онъ уже никого не боялся; онъ опирался на хана и укрѣплялъ свою власть. Мы видѣли, какъ Московскіе князья сдѣлались великими князьями, какъ они подчинили себѣ всѣхъ другихъ князей, присоединили, захватомъ или покупкой къ Московскому княжеству всѣ другія владѣнія и наконецъ забрали въ свои руки новгородскія земли и новгородскія богатства.

Теперь никто уже не могъ въ Русской землѣ противиться великому Московскому князью; вокругъ

него собралось много бояръ и служимыхъ людей, у него было большое войско, за него стояло всѣми своими силами высшее духовенство. Послѣ двухсотъ-лѣтней неволи русскій народъ пересталъ и вспоминать о прежнихъ вѣчевыхъ порядкахъ; все уже было перестроено теперь на новый ладъ; всѣмъ распоряжались теперь не выборные посадники и тысяцкіе, а княжескіе служилые люди, княжеская дворня, княжескіе дворяне. Вмѣсто жалованья имъ раздавались населенныя крестьянскія земли, съ которыхъ они получали кормъ; за это они служили князю и исполняли его волю. Такой установился теперь новый порядокъ въ государствѣ, и установился онъ, какъ мы видѣли, благодаря татарскому нашествію, благодаря тому, что татары поработили русскій народъ и возвысили русскихъ князей.

Но что же произошло, когда Золотая Орда обезсилѣла и распалась, и когда съ Руси было снято татарское иго? Произошла ли отъ этого какая перемѣна въ Московскомъ государствѣ? Нѣтъ; этого даже никто не замѣтилъ. Все осталось въ томъ же видѣ, какъ было и при татарахъ; Золотая Орда исчезла, но порядки, которые установились на Руси послѣ татарскаго нашествія, не измѣнились; то, что было уничтожено, уже не вернулось назадъ. Татарская неволя уже сдѣлала свое дѣло; она уже перестроила Русь на свой образецъ; она уже укрѣпила на руси княжеское самовластіе. Московскій великій князь уже сдѣлался полнымъ властелиномъ Русской земли. Когда татары покорили русскій народъ, они передали свою власть надъ нимъ русскимъ князьямъ; эта власть и осталась теперь въ рукахъ московскаго великаго князя. Когда былъ убитъ въ степи послѣдній ханъ Золотой Орды, то московскій князь уже давно заступилъ на Руси его мѣсто. Отъ того и не произошло никакихъ перемѣнъ отъ паденія татарстаго ига. Это иго уже успѣло проникнуть внутрь, во внутреніе порядки и даже въ самыя души русскаго народа. Распростра-

нилось раболѣпіе; русскіе люди, по татарскому обычаю, кланялись Московскому князю въ ноги; князья сдѣлались жестокими; тюрьмы наполнялись, битье кнутомъ стало обычнымъ дѣломъ, стали употреблять пытки и варварскія казни. Таковы были послѣдствія татарскаго нашествія.

Теперь намъ надо разсказать подробнѣе, какіе порядки установились въ Московскомъ государствѣ подъ властью Московскихъ великихъ князей или *царей*, какъ они стали называть себя по примѣру хановъ Золотой Орды

Глава восьмая

Внутреннее устройство Московскаго Государства.

Мы знаемъ, что варяжскіе князья пришли княжить въ русскіе города со своими дружинами. У каждаго князя была своя дружиіа. Но эти дружины были невелики; онѣ составляли только ядро военной рати; главная же военная сила, во время походовъ, состояла въ самомъ городскомъ и сельскомъ населеніи.

Дружина всегда находилась при кзязѣ; когда князь переѣзжалъ княжить въ другой городъ, дружина переѣзжала вмѣстѣ съ нимъ, а такъ какъ мы знаемъ, что въ древней Руси князья постоянно переходили съ одного княженія на другое, то и ихъ дружина не имѣла прочной осѣдлости. Она набиралася изъ всякихъ удалыхъ людей, которыхъ князь принималъ къ себѣ на службѣ и платилъ имъ жалованье. Старшіе изъ нихъ назывались боярами, а младшіе—отроками, боярскими дѣтьми или дворянами.

Но послѣ татарскаго нашествів князья уже не переѣзжали изъ одного княжества въ другое; они не

выбирались и не призывались на княженіе городами. Ихъ княжества давались имъ ханами "въ вотчину," въ собственность, и переходили отъ отца къ сыновьямъ по наслѣдству. Тогда и дружина княжеская тоже перестала переѣзжать изъ одного мѣста въ другое, вслѣдъ за своимъ княземъ.

Когда московскіе великіе князья стали усиливаться и богатѣть, то на службу къ нимъ стали стягиваться дружинники изъ всѣхъ другихъ княжествъ; они покидали своихъ князей и пріѣзжали въ Москву, гдѣ имъ было выгоднѣе служить. Въ Москвѣ ихъ охотно принимали на службу, потому что это было выгодно для московскаго князя: другіе князья слабѣли, у нихъ дружины уменьшались, а дружина московскаго князя все болѣе и болѣе увеличивалась. Теперь главное войско московскаго князя состояло уже не изъ земскаго ополченія, какъ было въ прежнее время, когда князь долженъ былъ обращаться къ вѣчу за ратными людьми, а вѣче могло согласиться на войну, а могло и не согласиться, если находило войну невыгодной и ненужной. Теперь у московскаго князя было свое собственное войско, изъ его служилыхъ людей или дворянъ. Теперь все населеніе раздѣлилось на двѣ части; одна часть состояла изъ "черныхъ," податныхъ людей: торговцевъ, ремесленниковъ и крестьянъ; а другая часть изъ княжескихъ слугъ: бояръ и дворянъ. Теперь войско уже отдѣлилось отъ народа и составило высшее сословіе. Прежде войсио состояло изъ самого народа, и военная сила находилась въ рукахъ народнаго вѣча; теперь военная сила находилась въ рукахъ князя; теперь князь опирался на своихъ служилыхъ людей, которые получали отъ него жалованье и которыхъ онъ поставилъ выше всѣхъ другихъ сословій: выше купцовъ, выше ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Эти служилые дворяне были конечно такіе же необразованные и малограмотные люди, какъ и всѣ тогда на Руси; тогда только очень немногіе умѣли читать и писать, да и то среди одного духовенства; бояре

же и дворяне, по своему образованію, ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ; иногда, когда надо было пополнить войско, въ дворяне записывали даже боярскихъ холоповъ. Но разъ сдѣлавшись дворяниномъ, человѣкъ уже становился выше простыхъ, *черныхъ* людей, онъ становился царскимъ слугою, а цари конечно стремились возвысить своихъ слугъ. Дворяне не платили никакихъ податей; а вскорѣ московскіе князья стали дѣлать ихъ *помѣщиками*. Вмѣсто того чтобы платить своимъ служилымъ людямъ жалованье, московскіе князья начали раздавать имъ деревни. Крестьяне этихъ деревень должны были содержать такого помѣщика, платить ему оброкъ или обрабатывать для него часть земли. Помѣщикъ же долженъ былъ по первому требованью выѣзжать на конѣ и съ оружіемъ на военную службу. Съ этого и началось крѣпостное право. Сначала крестьяне могли переходить отъ одного помѣщика къ другому. Такъ какъ земли тогда свободной было много, и одна земля безъ крестьянъ не имѣла никакой цѣны, то поэтому дворяне-помѣщики старались переманивать къ себѣ крестьянъ изъ другихъ деревень, обѣщая имъ разныя льготы. Если помѣщикъ слишкомъ притѣснялъ крестьянъ то они сами уходили отъ него туда, гдѣ имъ было лучше; всего чаще они уходили къ богатымъ помѣщикамъ и въ монастырскія вотчины. Это все таки было спасенье для крестьянъ, и помѣщтки не могли совсѣмъ закабалить ихъ, пока былъ дозволенъ переходъ. Но помѣщикамъ это конечно было невыгодно, особенно мелкимъ, у которыхъ всего тяжелѣе было крестьянину. И вотъ дворяне стали мало по малу добиваться того, чтобы крестьянъ окончательно прикрѣпили къ землѣ, чтобы они не могли переходить отъ одного помѣщика къ другому, а вѣчно оставались на одномъ мѣстѣ. Такъ потомъ и было сдѣлано; мы увидимъ дальше, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всякій переходъ былъ окончательно запрещенъ для помѣщичьихъ крестьянъ. Они были обращены въ крѣпостныхъ рабовъ

Но раздавая своимъ служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, населенныя земли, позаботилось ли московское правительство хоть о томъ, чтобы какъ-нибудь оградить крестьянъ отъ притѣсненій помѣщиковъ? Нѣтъ, объ этомъ оно не позаботилось. Возвышая дворянъ и дѣлая изъ нихъ помѣщиковъ, московскіе князья, а потомъ цари, думали только о собственной выгодѣ. Имъ нужны были дворяне, и имъ нужно было, чтобы дворянство было предано имъ; а до крестьянъ имъ не было никакого дѣла; крестьяне были отданы въ полную власть помѣщикамъ. Московскіе цари поступили въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ поступили татары, когда завоевали Русскую землю: татарамъ нужна была дань, и они поручили собирать ее русскимъ князьямъ; а какимъ путемъ русскіе князья собирали дань, что́ они дѣлали въ своихъ владѣніяхъ, до этого татарамъ не было никакого дѣла; лишь бы только имъ доставляли полностью дань и привозили больше подарковъ. Такъ было и съ дворянами: чтобы привлечь ихъ къ себѣ на службу, московскіе князья, а потомъ цари раздали имъ помѣстья и закрѣпили за ними крестьянъ; а какъ помѣщики обращались съ крестьянами, что́ они дѣлали въ своихъ помѣстьяхъ, до этого московскимъ князьямъ не было никакого дѣла. И вотъ скоро помѣщики стали брать крестьянъ въ свою дворню, стали наказывать ихъ и истязать, какъ имъ было угодно, и стали наконецъ продавать крестьянъ, какъ рабочую скотину. И такъ продолжалось до отмѣны крѣпостнаго права въ 1861 году. Больше двухсотъ пятидесяти лѣтъ находились крестьяне въ неволѣ у помѣщиковъ. Послѣ татарскаго ига для нихъ наступило еще болѣе тяжкое крѣпостное рабство. И причина этого была въ княжескомъ самовластіи, которое замѣнило татарское иго.

Кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ были еще крестьяне государственные или "черносошные," какъ ихъ называли тогда. Они платили оброкъ прямо въ казну. Но для сбора податей и для суда надъ ними назна-

чали тѣхъ же дворянъ. Кромѣ податей эти крестьяне несли еще ямскую службу, дорожную службу и много другихъ повинностей. Затѣмъ были еще дворцовые крестьяне, которые принадлежали самому царю; они послѣ стали называться удѣльными.

Торговые и ремесленные люди, жившіе въ городахъ, также были обложены различными пошлинами.

Итакъ, мы знаемъ теперь, какіе порядки были установлены внутри Московскаго Государства. Во главѣ стоялъ самовластный царь, не спрашивавшій ни совѣта, ни согласія у народа. У него были служилые люди, бояре и дворяне; они составляли высшее сословіе. Весь же трудящійся народъ, торговцы, ремесленники и крестьяне составляли низшее, податное сословіе, причемъ большая часть крестьянъ была обращена въ крѣпостныхъ. Посмотримъ теперь, какъ жилось при такихъ порядкахъ народу.

Глава девятая

Царь Иванъ Грозный.

Въ 1533 году, по смерти Василія Ивановича, того самаго, который окончательно расправился съ Псковомъ, московскимъ великимъ княземъ былъ объявленъ его трехлѣтній сынъ Иванъ, а государствомъ стала управлять его мать, Елена Глинская, со своимъ любимцемъ Телепневымъ—Оболенскимъ. Молодой Иванъ еще съ дѣтства отличался жестокостью. Будучи ребенкомъ, онъ для забавы бросалъ съ крылецъ или съ вышекъ животныхъ и тѣшился ихъ муками; тринадцати лѣтъ, онъ набралъ около себя отроковъ изъ знатныхъ семействъ и скакалъ съ ними верхомъ по городу, топталъ и билъ людей, а опекуны и ихъ

угодники похваливали его за это и говорили: “Вотъ будетъ храбрый и мужественный царь!” Однажды четырнадцати лѣтній Иванъ собирался на охоту; въ это время къ нему явилось пятьдесятъ новгородскихъ жителей жаловаться на намѣстниковъ. Ивану стало досадно, что они задерживаютъ его; онъ приказалъ своимъ дворянамъ прогнать ихъ; но когда дворяне принялись бить новгородцевъ, тѣ стали давать сдачи, и нѣсколько человѣкъ легло на мѣстѣ. Взбѣшенный Иванъ приказалъ узнать, кто подговаривалъ новгородцевъ подать жалобу. Дьякъ Василій Захаровъ указалъ на князя Кубенскаго и на Иванова любимца Ѳедора Воронцева. Иванъ приказалъ немедленно отрубить имъ головы. Ему ничего не стоило убить человѣка, котораго онъ еще не такъ давно считалъ своимъ другомъ. По его приказанію были удавлены его молодые сверстники: князь Трубецкой и Ѳедоръ Телепневъ.

Такъ достигъ Иванъ семнадцати лѣтъ. 16 января 1547 г. онъ вѣнчался въ Успенскомъ соборѣ царскимъ вѣнцемъ и принялъ царскій титулъ; русскіе люди въ теченіе двухъ вѣковъ привыкли называть хановъ Золотой Орды царями, а московскіе князья заступили ихъ мѣсто, и потому также стали называться царями.

Вначалѣ 1547 г. по царскому повелѣнію собраны были со всего московскаго государства дѣвицы, и молодой царь выбралъ изъ нихъ себѣ въ невѣсты дочь Романа Юрьевича Захарьина. Имя царской невѣсты было Анастасія. Женитьба не измѣнила царя. Онъ продолжалъ свою буйную, безпорядочную жизнь, не занимался дѣлами, но постоянно говорилъ, что онъ самодержавный государь и можетъ дѣлать, что ему угодно. Всѣмъ заправляли родные его Глинскіе; повсюду сидѣли ихъ намѣстники, и не было нигдѣ правосудія; вездѣ происходили насилія и грабежи. Самъ царь не терпѣлъ, чтобы его безпокоили жалобами. Третьяго іюня 1547 года семьдесятъ псковскихъ людей пріѣхали въ Москву жаловаться на своего намѣстника,

угодника Глинскихъ. Они явились къ царю въ его сельцѣ Островкѣ. Царь велѣлъ раздѣть псковичей, положить на землю, поливать горячимъ виномъ и палить имъ свѣчами волосы и бороды.

Между тѣмъ въ Москвѣ случился страшный пожаръ; загорѣлась церковь Воздвиженья на Арбатѣ; въ продолженіе часа сгорѣло все Занеглинье и Чертолье (нынѣшняя Пречистенка). Буря понесла пламя на Кремль, занялись деревянныя крыши на царскихъ палатахъ. Пожаръ сдѣлался еще ужаснѣе, когда дошелъ до пороха, который хранился въ стѣнахъ Кремля, и произошелъ взрывъ. Огонь охватилъ большой посадъ вплоть до Яузы. Тогда, говорятъ, сгорѣло тысяча семьсотъ взрослыхъ людей и несчетное множество дѣтей. Царь съ женою и приближенными не былъ въ Москвѣ во время пожара, а послѣ пожара проживалъ въ своемъ загородномъ селѣ Воробьевѣ; онъ мало заботился о пострадавшихъ жителяхъ столицы и велѣлъ прежде всего поправлять церкви и палаты на своемъ царскомъ дворѣ.

Между тѣмъ большая часть москвичей находилась въ ужасномъ положеніи, безъ хлѣба и безъ крова; многіе не могли отыскать своихъ ближнихъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Отчаяніе овладѣло народомъ. Стали ходить слухи, пущенные врагами Глинскихъ, что злодѣи, учинившіе пожаръ, никто иное, какъ Глинскіе. Легко было увѣрить народъ, такъ какъ всѣ не любили Глинскихъ и были недовольны ихъ могуществомъ. У Глинскихъ было много любимцевъ, которые позволяли себѣ безчинства и своеволія. На пятый день послѣ пожара народная толпа бросилась къ Успенскому собору и кричала: "Кто зажигалъ Москву?" Одинъ изъ Глинскихъ, дядя царя, скрылся въ церкви. Народъ вломился за нимъ въ церковь. Его вытащили оттуда, убили дубьемъ, повлекли мертвое тѣло его по землѣ и бросили на торгу.

Истребили всѣхъ людей Глинскихъ. Досталось и такимъ, которые вовсе не принадлежали къ числу

ихъ. Такъ прошло два дня. Народъ не унимался. Изъ Глинскихъ погибъ только одинъ; народъ искалъ другихъ Глинскихъ. Раздались такіе крики: "Государь спряталъ у себя на Воробьевѣ княгиню Анну Глинскую и сына ея Михаила!"

Толпа хлынула на Воробьево.

Начиналось что то, еще невиданное въ Москвѣ. Казалось, что народъ, потерявшій терпѣніе, уже не чувствовалъ болѣе раболѣпнаго страха передъ царемъ. Иванъ до сихъ поръ слишкомъ вѣрилъ въ свое всемогущество и потому держалъ себя нагло и необузданно; теперь онъ впалъ въ крайнюю трусость и совершенно растерялся. Тутъ явился передъ нимъ человѣкъ въ священнической одеждѣ, по имени Сильвестръ. Намъ неизвѣстна прежняя жизнь этого человѣка. Говорятъ только, что онъ былъ пришлецъ изъ Новгорода Великаго. Въ его рѣчи было что то грозное и сильное. Онъ изобразилъ царю печальное положеніе Московской земли и указывалъ, что причиною всѣхъ несчастій были пороки царя.

Царь началъ каяться, плакалъ и далъ обѣщаніе съ этихъ поръ во всемъ слушаться своего наставника.

Толпу разогнали выстрѣлами, нѣсколько человѣкъ убили. Остальные разбѣжались.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Васильевичъ очутился подъ опекою священника Сильвестра, и въ то же время сдружился съ Алексѣемъ Адашевымъ. Адашевъ случайно попалъ въ число тѣхъ, которыхъ Иванъ приближалъ къ себѣ ради забавы. Это былъ человѣкъ большого ума, добрый, справедливый и честный. Подъ вліяніемъ Сильвестра, Иванъ предался Адашеву всею душею. Сильвестръ и Адашевъ подобрали кружокъ хорошихъ и добрыхъ людей, какъ знатныхъ такъ и не знатныхъ, и роздали имъ главныя должности.

И вотъ государство стало управляться Сильвестромъ и Адашевымъ. Безъ нихъ Иванъ не только ничего не дѣлалъ, но даже не смѣлъ мыслить. Сильвестръ до такой степени напугалъ его, что Иванъ не дѣлалъ шагу, не спросившись у него совѣта.

Сильвестръ и Адашевъ призвали къ себѣ на помощь весь народъ; они собрали именемъ государя земскій соборъ или земскую думу изъ выборныхъ людей всей Русской земли. Въ одно воскресенье послѣ обѣдни царь съ духовенствомъ вышелъ на площадь, кланялся народу, каялся въ томъ, что правленіе его было дурно и говорилъ: "Люди божіи, умоляю васъ ради вѣры къ Богу и любви къ намъ! Знаю, что нельзя уже исправить тѣхъ обидъ и разореній, которыя вы понесли во время моей юности и пустоты, и безпомощества моего; но умоляю васъ: оставьте другъ къ другу вражду и взаимныя неудовольствія." Послѣ этого собравшіеся выборные люди стали совѣщаться, какъ водворить правосудіе и улучшить правленіе. Они составили Судебникъ и Уставные Граматы. Чтобы охранить народъ отъ царскихъ намѣстниковъ, новый Судебникъ давалъ жителямъ право выбирать своихъ земскихъ старостъ, которые должны были сидѣть на судѣ намѣстниковъ и наблюдать за ними; для важныхъ уголовныхъ дѣлъ судьи выбирались всѣмъ уѣздомъ; они назывались губными старостами. Наконецъ законъ предоставлялъ жителямъ совсѣмъ освобождаться отъ царскихъ намѣстниковъ и волостелей, и выбирать для управленія своихъ излюбленныхъ старостъ съ платежемъ за то особаго оброка въ казну.

Во всѣхъ этихъ новыхъ законахъ, составленныхъ земскимъ соборомъ, видно желаніе вернуться къ старымъ вѣчевымъ порядкамъ. Не даромъ Сильвестръ, дававшій всему починъ въ то время, былъ новгородецъ.

Въ это счастливое время, когда Русская земля немного вздохнула отъ произвола и самовластія, было покорено татарское Казанское царство и присоединено къ Московскому государству. Самъ Иванъ долженъ былъ идти въ походъ, хотя ему этого очень не хотѣлось, какъ онъ потомъ самъ сознавался: "Вы меня, какъ илѣнника, посадили въ судно, повезли въ безбожную и невѣрную землю," жаловался онъ послѣ. Въ душѣ царя уже шевелилось недовольство противъ

своихъ наставниковъ. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ горячкою; пришедши въ себя послѣ бреда, онъ приказалъ написать завѣщаніе, въ которомъ объявлялъ своего сына, младенца Дмитрія, наслѣдникомъ престола. Когда въ царской столовой палатѣ собрали бояръ для присяги, многіе отказались присягать: "Мы рады повиноваться тебѣ и твоему сыну, говорили они, но не хотимъ служить Захарьинымъ, которые будутъ управлять государствомъ именемъ младенца." Споръ между боярами шелъ горячій. Въ числѣ нехотѣвшихъ присягать былъ двоюродный братъ государя, Владиміръ Андреевичъ.

Иванъ не умеръ какъ ожидали; онъ выздоровѣлъ и показывалъ видъ что ничего не помнитъ, ни на кого не сердится; но въ сердцѣ у него заронилась ожесточенная злоба. Иванъ уже ненавидѣлъ Сильвестра и Адашева, а враги ихъ уже наговаривали и нашептывали ему: "Если хочешь быть настоящимъ самодержцемъ, говорилъ царю бывшій коломенскій владыка Вассіанъ, не держи около себя никого мудрѣе тебя самого; ты всѣхъ лучше. Если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на своемъ царствѣ, и все будетъ у тебя въ рукахъ; а если станешь держать около себя мудрѣйшихъ, то поневолѣ будешь ихъ слушаться."

Эти слова запали глубоко въ самое сердце Ивана. Онъ поцѣловалъ руку Вассіана и сказалъ: "если бы отецъ родной былъ живъ, такъ и тотъ не сказалъ бы мнѣ ничего лучшаго!"

Главными врагами Сильвестра и Адашева были Захарьины, братья царицы; они говорили Ивану: "Царь долженъ быть самодержцемъ, всѣмъ повелѣвать и никого не слушаться." Въ довершеніе всего они убѣдили Ивана, что Сильвестръ чародѣй и что онъ опуталъ его силою волшебства и держитъ его въ неволѣ. Тогда Сильвестръ и Адашевъ увидѣли сами, что имъ невозможно оставаться при царѣ. Сильвестръ удалился въ какой то пустынный монастырь, а Алексѣй

Адашевъ уѣхалъ къ войску въ Ливонію. Но Иванъ не оставилъ ихъ въ покоѣ: Сильвестръ былъ взятъ изъ своей пустыни и отвезенъ на тяжелое заточеніе въ Соловки; а Адашева царь велѣлъ посадить въ тюрьму, гдѣ онъ черезъ два мѣсяца умеръ.

Съ этихъ поръ Иванъ опять вырвался на свободу; въ немъ загорѣлась свирѣпая злоба протихъ людей, которые хотѣли стѣснить его произволъ; онъ началъ мстить тѣмъ умнымъ и добрымъ боярамъ, которые держали его, какъ онъ говорилъ, въ неволѣ. Онъ опять окружилъ себя угодниками и любимцами; они расшевеливали его дикія страсти, напѣвали ему о его самодержавномъ достоинствѣ и возбуждали противъ честныхъ бояръ. Главными изъ этихъ любимцевъ были Алексѣй Басмановъ, Афанасій Вяземскій, Малюта-Скуратовъ и чудовскій архимандритъ Левкій. По ихъ наущенію царь началъ свирѣпствовать надъ друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда казнены были братъ Адашева, Данила съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, тесть его Туровъ, трое братьевъ жены Адашева, Сатины п еще одинъ родственникъ Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми. Одинъ бояринъ, Михаилъ Рѣнинъ, человѣкъ степенный, не позволилъ царю надѣть на себя шутовскую маску, въ то время какъ пьяный Иванъ веселился со своими любимцами. Царь приказалъ умертвить его. Князь Димитрій Курлятовъ, одинъ изъ сторонниковъ Адашева, былъ сосланъ съ женою и дѣтьми въ каргопольскій Челмскій монастырь, а черезъ нѣсколько времени царь вспомнилъ о немъ и приказалъ умертвить со всею семьею. Другой опальный бояринъ Юрій Кашинъ былъ безъ ссылки умерщвленъ вмѣстѣ съ братомъ. Тогда-же Иванъ сталъ преслѣдовать семейство Шереметевыхъ: одинъ изъ нихъ, Никита, былъ умерщвленъ, а другой, Иванъ, былъ засаженъ въ тюрьму. Все это были друзья Сильвестра и Адашева.

Но этого все еще было мало. Царь задумалъ устроить "Опричнину," то есть окружить себя особыми, "оп-

ричными" людьми, которые помогали бы ему истреблять всѣхъ его недруговъ, всѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ въ непокорности.

Для этого онъ переѣхалъ въ Александровскую Слободу за Троицкимъ монастыремъ и поселился во дворцѣ, обведенномъ валомъ и рвомъ. Никто не смѣлъ ни выѣхать оттуда, ни въѣхать туда безъ вѣдома царя; для этого въ трехъ верстахъ отъ Слободы стояла воинская стража. Царь жилъ тутъ, окруженный своими любимцами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Басмановъ, Малюта-Скуратовъ и Афанасій Вяземскій. Любимцы набрали въ Опричину до 6000 дворянъ, которымъ раздавались помѣстья и вотчины, отнимаемыя у прежнихъ владѣльцевъ. Опричники давали царю особую присягу; они обязывались не только доносить обо всемъ, что услышатъ дурнаго о царѣ, но не имѣть никакого дружескаго общенія, не ѣсть и не пить съ земскими людьми. Имъ даже вмѣнялось въ долгъ, какъ говорятъ лѣтописцы, насиловать, предавать смерти земскихъ людей и грабить ихъ дома, чтобы повсюду внушать страхъ и ужасъ къ царю. Современники пишутъ, что у опричниковъ были особые знаки: собачья голова и мётла, чтобы показать, что они кусаются, какъ собаки, и выметаютъ всѣхъ лиходѣевъ царя. Всякому доносу опричника на земскаго давали вѣру; чтобы угодить царю, опричникъ долженъ былъ отличаться свирѣпостью и безсердечіемъ. Случалось, ѣдетъ опричникъ въ Москвѣ и завернетъ въ лавку; тамъ его боятся, какъ чумы; онъ подброситъ что нибудь, потомъ придетъ съ приставомъ и подвергнетъ конечному разоренію купца.

Случалось,—заведетъ опричникъ съ кѣмъ нибудь на улицѣ разговоръ, потомъ вдругъ схватитъ его и начнетъ обвинять, что тотъ сказалъ ему обидное слово; опричнику вѣрятъ. Обидѣть царскаг ооприччника было смертельнымъ преступленіемъ.

Такимъ путемъ утверждалось и вкоренялось на Руси повиновеніе царю, страхъ и ужасъ передъ его властью.

Иноземцы, жившіе тогда въ Москвѣ, пишутъ: “Если бы самъ сатана захотѣлъ выдумать что-нибудь для порчи человѣческой, то и тотъ не могъ бы выдумать ничего удачнѣе Опричнины.”

Со введенія Опричнины свирѣпыя казни и мучительства возрасли еще болѣе. Вскорѣ былъ казненъ Александръ Горбатый-Шуйскій съ семнадцати-лѣтнимъ сыномъ и другіе. Иные были насильно пострижены въ монахи, иные сосланы. Иванъ хотѣлъ истребить всѣ прежніе княжескіе роды, чтобы у него не было соперниковъ.

Въ Александровской слободѣ онъ завелъ у себя подобіе монастыря, отобралъ 300 опричниковъ, надѣлъ на нихъ черныя рясы сверхъ вышитыхъ золотомъ кафтановъ, а на головы тафьи или монашескія шапочки; самъ себя назвалъ игуменомъ, Вяземскаго назначилъ келаремъ, Малюту-Скуратова пономаремъ. Утреннее богослуженіе длилось по царскому приказанію отъ четырехъ до семи часовъ утра. Въ восемь часовъ шли къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни всѣ наѣдались до сыта и напивались до пьяна; а послѣ обѣда царь Иванъ нерѣдко ѣздилъ пытать и мучить опальныхъ; въ нихъ у него никогда не было недостатка. Ихъ приводили цѣлыми сотнями и многихъ изъ нихъ передъ глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлеченіе Ивана; послѣ такихъ кровавыхъ расправъ онъ казался особенно веселымъ.

Но у него были и иного рода забавы. Узнаетъ царь, что у какого-нибудь знатнаго или незнатнаго человѣка есть красивая жена, прикажетъ своимъ опричникамъ силою привезти къ нему. Натѣшившись ею, онъ отдавалъ ее на поруганіе опричникамъ, а потомъ приказывалъ отвезти къ мужу. Иногда-же царь потѣшался и надъ опозоренными мужьями. Такъ онъ отнялъ у одного приказнаго жену, а потомъ приказалъ повѣсить ее надъ порогомъ его дома; у другого приказнаго повѣшена была жена по царскому повелѣнію надъ его обѣденнымъ столомъ.

Но всего болѣе хотѣлось царю истребить всѣхъ непокорныхъ его власти. Онъ боялся и подозрѣвалъ каждаго, въ комъ замѣчалъ умъ и самостоятельность, всякаго, кто не ползалъ и не пресмыкался передъ нимъ и его любимцами. Особенно онъ не терпѣлъ боярина Ивана Петровича Челяднина. Но ему не было повода придраться къ Челяднину. Тогда Иванъ обвинилъ несчастнаго старика, будто тотъ хочетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлаться царемъ; царь призвалъ боярина къ себѣ, приказалъ ему одѣться въ царское одѣяніе, посадилъ на престолъ, самъ сталъ кланяться ему въ землю и говорилъ: "Здоровъ буди, государь всея Руси. Вотъ ты получилъ то, чего желалъ, я самъ сдѣлалъ тебя государемъ, но я имѣю власть и свергнуть тебя съ престола." Съ этими словами онъ вонзилъ ножъ въ сердце боярина и приказалъ умертвить его престарѣлую жену. Вслѣдъ затѣмъ Иванъ приказалъ замучить многихъ знатныхъ лицъ, обвиненныхъ въ соумышленіи съ Челяднинымъ. Тогда погибли князья: Куракинъ-Булгаковъ, Дмитрій Ряполовскій, трое князей Ростовскихъ, Петръ Щенятевъ, Туруntай Пронскій и много другихъ. По приказанію царя, опричники хватали женъ опальныхъ людей, насиловали ихъ, нѣкоторыхъ приводили къ царю, врывались въ вотчины, жгли дома, мучили, убивали крестьянъ, раздѣвали до нага дѣвушекъ и въ поруганіе заставляли ихъ ловить куръ, а потомъ стрѣляли въ нихъ. Тогда многія женщины отъ стыда сами лишали себя жизни.

Когда царь съ своими опричниками пріѣзжалъ въ Москву, народъ, завидѣвши ихъ, приходилъ въ ужасъ и бросался въ безпамятствѣ бѣжать куда попало; купцы бросали въ отворенныхъ лавкахъ товаръ и деньги; улицы пустѣли, казалось, какъ будто все вымерло.

Оставался еще одинъ человѣкъ, который не молчалъ и не боялся говорить царю правду въ глаза: то былъ Московскій митрополитъ Филиппъ. Царь не любилъ настойчиваго митрополита и не допускалъ его къ себѣ.

Митрополитъ могъ видѣть царя только въ церкви. Въ мартѣ 1568 года, въ воскресенье, Иванъ пріѣхалъ къ обѣдни въ Успенскій соборъ съ толпою опричниковъ. Всѣ были въ черныхъ рясахъ и высокихъ монашескихъ шапкахъ. По окончаніи обѣдни, царь подошелъ къ Филиппу и просилъ благословенія. Филиппъ молчалъ и не обращалъ вниманія на царя. Царь обратился къ нему въ другой и третій разъ. Филиппъ все молчалъ. Наконецъ царскіе бояре сказали: "Святый владыка! Царь Иванъ Васильевичъ требуетъ благословенія отъ тебя." Тогда Филиппъ взглянулъ на царя и сказалъ: "Кому ты думаешь угодить, измѣнивши такъ благолѣпіе лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы. Съ тѣхъ поръ какъ солнце на небесахъ сіяетъ, не было слышно, чтобы цари возмущали такъ свою державу. Доколѣ въ Русской землѣ будетъ беззаконіе? У всѣхъ народовъ, у татаръ и у язычниковъ есть законъ и правда, только на Руси ихъ нѣтъ. Во всемъ свѣтѣ есть защита отъ злыхъ и милосердіе, только на Руси не милуютъ невинныхъ и праведныхъ. Опомнись. Взыщется отъ рукъ твоихъ невинная кровь."

"Филиппъ—сказалъ царь—ты испытываешь наше благодушіе. Ты хочешь противиться нашей державѣ; я слишкомъ долго щадилъ тебя; теперь я заставлю васъ, мятежниковъ, раскаяться."

"Не могу—возразилъ Филиппъ—повиноваться твоему повелѣнію паче Божьяго повелѣнія. Я пришлецъ на землѣ и пресельникъ. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять лютую смерть."

Царь былъ внѣ себя отъ злости и, воротившись домой, собралъ духовныхъ, чтобы судить митрополита. Царскій духовникъ, протопопъ Евстафій, суздальскій епископъ Пафнутій и другіе духовные изъ угожденія царю и по его приказанію нашли митрополита виновнымъ. Когда призвали Филиппа, онъ сказалъ: "Ты думаешь, царь, что я боюсь тебя, боюсь смерти за правое дѣло? Мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ; я жилъ

честно и безпорочно. Такъ хочу и душу мою предать Богу." Царь велѣлъ ему служить обѣдню на Михайловъ день. Митрополитъ повиновался; но когда онъ въ полномъ облаченіи готовился начинать обѣдню, вдругъ входитъ Басмановъ съ опричниками. Они вошли въ алтарь, сняли съ митрополита митру, сорвали облаченіе, одѣли въ разодранную монашескую рясу, вывели изъ церкви, заметая за нимъ слѣдъ метлами, посадили на дровни и повезли въ Богоявленскій монастырь. Народъ бѣжалъ за нимъ слѣдомъ и плакалъ; митрополитъ осѣнялъ его на всѣ стороны крестнымъ знамсніемъ. Опричники кричали, ругались и били ѣдущаго митрополита своими метлами. По царскому приказанію ему забили ноги въ деревянныя колодки, а руки въ желѣзныя кандалы и морили въ монастырѣ голодомъ. Черезъ годъ послѣ того Малюта Скуратовъ по царскому приказу собственноручно задушилъ Филиппа, а монахамъ сказазъ, что Филиппъ умеръ отъ угара.

Такъ погибъ этотъ смѣлый обличитель ничѣмъ не сдерживаемаго царскаго самовластія; но такихъ духовныхъ лицъ было мало. Все остальное духовенство угождало и льстило царю и поддерживало его власть.

Расправившись съ непокорнымъ митрополитомъ Иванъ Грозный вспомнилъ о Новгородѣ и Псковѣ.

Московскіе князья всегда не терпѣли Новгорода и Пскова. Мы уже говорили, что Новгородская и Псковская земли не были завоеваны татарами и что тамъ еще долго послѣ того держалась древняя вѣчевая свобода. Но когда Московскіе князья утвердили свое самовластіе въ остальной Руси, они подчинили себѣ также и Новгородъ со Псковомъ. Мы знаемъ, что отецъ и дѣдъ Ивана ходили туда съ войскомъ и раззоряли эти области, какъ непріятельскую землю. Теперь Иванъ Грозный захотѣлъ еще больше утвердить тамъ свою власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушить страхъ и ужасъ всему русскому народу.

Въ декабрѣ 1569 года онъ собралъ всѣхъ опричниковъ и множество дворянъ. Онъ шелъ какъ на войну. Не

только Новгородъ и Псковъ, но и Тверь и другіе земли были осуждены на жестокую расправу. Первымъ испыталъ ее на себѣ городъ Клинъ. Опричники, по царскому приказанію, ворвались въ него, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни въ чемъ неповинные, не понимавшіе, что все это значитъ, разбѣгались кто куда могъ. Затѣмъ царь пошелъ на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякаго встрѣчнаго, кто не нравился. Подступивъ къ Твери, царь приказалъ окружить городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ. Черезъ два дня, опричники бросились въ городъ, бѣгали по домамъ, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякіе домашніе запасы и купеческіе товары: воскъ, ленъ, кожи и прочее, свозили въ кучи, сожигали, а потомъ удалялись. Жители начали думать, что этимъ дѣло кончится, что, истребивъ ихъ достояніе, имъ по крайней мѣрѣ оставятъ жизнь, какъ вдругъ опричники опять врываются въ городъ и начинаютъ бить кого попало: мужчинъ, женщинъ, младенцевъ, иныхъ жгутъ огнемъ, другихъ рвутъ клещами, тащутъ и бросаютъ тѣла убитыхъ въ Волгу. Изъ Твери царь уѣхалъ въ Торжокъ, и тамъ повторилось то же самое. Все это дѣлалось для того, чтобы внушить народу страхъ къ царю.

Изъ Торжка Иванъ шелъ на Вышній-Волочекъ, Валдай и Яжелбицы. По обѣ стороны дороги опричники разбѣгались по деревнямъ, убивали людей и разоряли ихъ достояніе.

Пріѣхавъ въ Новгородъ, царь велѣлъ отобрать всѣхъ знатнѣйшихъ жителей и торговцевъ, а также духовныхъ и множество другаго народу. Собравъ всю эту толпу, Иванъ приказалъ раздѣвать ихъ и терзать "неисповѣдимыми муками," какъ говоритъ лѣтописецъ, а потомъ велѣлъ бросать ихъ въ Волховъ съ мосту; женщинамъ связывали назадъ руки съ ногами, привязывали къ нимъ младенцевъ и въ такомъ видѣ бросали въ Волховъ; по рѣкѣ ѣздили царскіе слуги

съ баграми и топорами и добивали тѣхъ, которые всплывали. "Пять недѣль продолжалась неукротимая ярость царева," какъ говоритъ лѣтописецъ. Когда наконецъ царю надоѣла такая потѣха, онъ началъ ѣздить по Новгороду, по монастырямъ и селамъ и приказывалъ передъ своими глазами истреблять огнемъ хлѣбъ въ скирдахъ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ, истреблять купеческіе товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы. Съ Иванова посѣщенія новгородскій край уже окончательно обѣднѣлъ и обезлюдѣлъ. Царь хотѣлъ отнять у него силу, "извести изъ него крамолу," какъ онъ выражался.

Изъ Новгорода царь отправился въ Псковъ съ намѣреніемъ и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были въ оцѣпененіи, исповѣдались, причастились и готовились къ смерти. Псковскій воевода князь Юрій Токмаковъ велѣлъ поставить на улицахъ столы съ хлѣбомъ-солью и всѣмъ жителямъ приказалъ земно кланяться и показывать знаки покорности, когда будетъ въѣзжать царь. Иванъ подъѣхалъ къ Пскову ночью и остановился въ Никольскомъ монастырѣ на Любатовѣ. Здѣсь онъ услышалъ звонъ въ псковскихъ церквахъ и понялъ, что псковичи готовятся къ смерти. Когда утромъ онъ въѣхалъ въ городъ, ему было пріятно видѣть покорность народа, лежавшаго ничкомъ на землѣ; но всего болѣе подѣйствовалъ на него юродивый Никола. Никола поднесъ Ивану кусокъ сыраго мяса. — "Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ," сказалъ Иванъ. — "Ты хуже дѣлаешь, сказалъ ему Никола, ты ѣшь человѣческое мясо." Затѣмъ у Ивана издохъ его любимый конь. Все это такъ подѣйствовало на суевѣрнаго царя, что онъ никого не казнилъ, но все-таки ограбилъ церковную казну и многихъ жителей.

Вернувшись въ Москву, царь задумалъ жениться уже въ третій разъ и изъ собранныхъ двухъ тысячъ дѣвицъ выбралъ себѣ въ жены Мареу Васильевну Собакину. Но прежде чѣмъ совершился бракъ, царская

невѣста заболѣла. Царь заподозрилъ, что ее отравили и приказалъ посадить на колъ брата своей второй жены Маріи, а также умертвилъ своего любимца Григорія Грязного. Марѳа умерла черезъ нѣсколько дней послѣ брака. На другой годъ Иванъ собралъ духовенство и принудилъ его разрѣшить ему четвертый бракъ. На соборѣ предсѣдательствовалъ новгородскій архіепископъ Леонидъ, трусъ, корыстолюбивый, низкопоклонный льстецъ. Никто не осмѣлился поднять голосъ противъ царя, и соборъ дозволилъ царю противозаконный бракъ. Царь женился въ четвертый разъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской. Черезъ годъ она ему надоѣла, и онъ постригъ ее въ монахини подъ именемъ Дарьи. Съ тѣхъ поръ царь, одобренный разрѣшеніемъ церковнаго собора, самъ разрѣшалъ себѣ браки, безъ счета. По словамъ одного стараго сказанія, въ ноябрѣ 1573 года Иванъ Васильевичъ женился на Марьѣ Долгорукой, а на другой день, подозрѣвая, что она любила кого то иного, приказалъ посадить ее въ колымагу, запречь дикихъ лошадей и погнать ихъ въ прудъ, гдѣ несчастная и погибла. "Этотъ прудъ, пишетъ англичанинъ Горсей, жившій тогда въ Москвѣ, была настоящая геенна, юдоль смерти; много жертвъ было потоплено въ этомъ пруду; рыбы въ немъ питались въ изобиліи человѣческимъ мясомъ и оказывались отмѣнно вкусными и пригодными для царскаго стола."

Вслѣдъ за тѣмъ царь женился на Аннѣ Васильчиковой; она не долго прожила съ нимъ; конецъ ея неизвѣстенъ; потомъ царь женился на Василисѣ Мелентьевой, которая также скоро исчезла. Наконецъ Иванъ выбралъ себѣ въ жены Марью Ѳедоровну Нагую, отъ которой у него родился сынъ Дмитрій.

Въ ноябрѣ 1581 года, въ Александровской Слободѣ совершилось ужасное дѣло: царь Иванъ Васильевичъ убилъ желѣзнымъ посохомъ своего старшаго сына, тоже Ивана. Царевичъ укорялъ отца за то, что тотъ избилъ его беременную жену, которая въ слѣдующую

же ночь выкинула: "Ты говорилъ онъ, отнялъ уже у меня двухъ женъ, хочешь отнять и третью и уже умертвилъ въ утробѣ ея моего ребенка." Иванъ за эти слова ударилъ сына изъ всѣхъ силъ жезломъ въ голову. Царевичъ упалъ безъ чувствъ, обливаясь кровью. Царь опомнился, кричалъ, рвалъ на себѣ волосы, вопилъ о помощи, звалъ докторовъ. . . . Все было напрасно: царевичъ умеръ на пятый день.

Въ началѣ 1584 года у царя открылась страшная болѣзнь: какое то гніеніе внутри; отъ него исходилъ отвратительный смрадъ. Царь былъ въ ужасѣ; онъ то падалъ духомъ, молился, раздавалъ милостыни, то опять порывался къ прежней необузданности. Наконецъ 17-го марта онъ умеръ.

* * * * * *

Таковъ былъ первый коронованный русскій царь, первый божій помазанникъ, какъ онъ называлъ себя. Да и могъ ли онъ быть инымъ? Вспомнимъ только, откуда взялось, какъ возникло царское самовластіе. Съ самаго своего возвышенія, московскіе князья ничего не щадили ни передъ чѣмъ не останавливались, чтобы только усилить свою власть. Эта власть выросла на "татарскомъ разореніи," на народномъ несчастіи. Въ теченіе двухъ вѣковъ московскіе князья стремились къ своей цѣли путемъ обмана и всякаго насилія, унижались передъ ханами, подкупали ханскихъ любимцевъ, губили клеветою другихъ князей, похищали часть татарской дани, приводили татарское войско разорять русскіе города и села. Такое поведеніе не могло не оказать пагубнаго вліянія на ихъ душу и на все ихъ племя. Они сдѣлались жестокими, хитрыми и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливыми. Кромѣ того ихъ портило самое самовластіе. Власть всегда портитъ людей. Человѣкъ, облеченный властью надъ другими людьми, дѣлается надменнымъ, жестокимъ, перестаетъ смотрѣть на людей, какъ на своихъ ближнихъ. Отецъ и дѣдъ Ивана Грознаго были холодными и жестокими

людьми; они съ молокомъ матери всасывали эту жестокость, эту привычку смотрѣть на себя, какъ на земныхъ боговъ, а на другихъ людей, какъ на червей, пресмыкающихся у ногъ ихъ. И вотъ изъ этого испорченнаго властью и жестокостью великокняжескаго племени произошелъ на свѣтъ кровожадный царь Иванъ Грозный. На немъ лежала печать всей прошлой жизни московскихъ князей, всего ихъ возвышенія, построеннаго на народномъ несчастіи. Мы увидимъ далѣе, что сынъ Ивана Грознаго, Ѳедоръ, былъ слабоумнымъ, а со смертью этого слабоумнаго Ѳедора вымеръ первый родъ русскихъ царей.

Глава десятая

Смутное время.

Послѣ Ивана Грознаго осталось два сына, Ѳедоръ отъ его первой жены, Анастасьи Захарьиной, и Димитрій —отъ послѣдней, седьмой жены, Нарьи Нагой. Царемъ былъ объявленъ Ѳедоръ. Ѳедоръ былъ слабоуменъ отъ природы. Его водили въ церковь и забавляли шутами и скоморохами. Онъ очень любилъ звонить на колокольнѣ. Одинъ иностранецъ, видѣвшій Ѳедора въ царскомъ облаченіи, разсказываетъ, что царь улыбался, какъ ребенокъ, и игралъ золотымъ шаромъ на скипетрѣ, не слушая и не понимая, что говорили послы. Царевичъ Дмитрій остался младенцемъ по второму году. Ни тотъ, ни другой не могли управлять государствомъ, одинъ по слабоумію, другой по малолѣтству. Правленіе перешло въ руки Бориса Годунова, шурина царя Ѳедора.

Борисъ Годуновъ, татаринъ родомъ, былъ женатъ на дочери Малюты Скуратова. Онъ былъ уменъ и

хитеръ, и по смерти Ивана Грознаго забралъ въ свои руки царскую власть. Пока слабоумный Өедоръ былъ живъ, Борисъ Годуновъ держался крѣпко; но по смерти бездѣтнаго Өедора на престолъ долженъ былъ вступить его братъ, малолѣтній царевичъ Дмитрій; тогда власть перешла бы къ матери Дмитрія, Маріи Нагой и ея родственникамъ. Борисъ Годуновъ отослалъ Марію Нагую вмѣстѣ съ Дмитріемъ въ городъ Угличъ, гдѣ вскорѣ послѣ того царевичъ былъ найденъ зарѣзаннымъ. Бояре, посланные Годуновымъ для разслѣдованія, донесли, что царевичъ зарѣзался самъ, и дѣло это осталось темнымъ; но въ народѣ стали ходить слухи, что царевича зарѣзали люди, подосланные Годуновымъ.

Послѣ того власть Годунова стала еще крѣпче. Чтобы привязать къ себѣ духовенство, онъ возвелъ московскаго митрополита Іова въ санъ патріарха. До того же времени въ Россіи не было патріарховъ. Чтобы расположить къ себѣ дворянъ, Годуновъ издалъ законъ "о крестьянскомъ выходѣ." Этотъ законъ запрещалъ свободный переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Мы уже говорили, что помѣщики добивались полнаго закрѣпощенія крестьянъ, особенно мелкіе помѣщики; между тѣмъ, по старому обычаю, крестьяне еще могли разъ въ годъ, осенью, послѣ Юрьева дня, переселяться къ другимъ владѣльцамъ. Вотъ теперь Годуновъ и запретилъ этотъ переходъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ дворянство.

По смерти Өедора въ 1598 году, преданный Годунову патріархъ Іовъ началъ хлопотать о возведеніи его на престолъ. Борисъ Годуновъ притворно отказывался и удалился съ сестрою въ монастырь; тогда Іовъ созвалъ земскій соборъ. Пособники Борисовы поѣхали по разнымъ городамъ наблюдать, чтобы пріѣзжали въ Москву только доброжелатели Бориса. И вотъ къ началу маслянницы съѣхались въ Москву выборные люди; но это, какъ оказалось, были по

большей части духовныя лица и дворяне.* По указанію патріарха они немедленно же провозгласили царемъ Бориса Годунова.

Послѣ этого патріархъ положилъ идти всѣмъ соборомъ въ Новодѣвичій монастырь просить Бориса Ѳедоровича на царство. Пристава и пособники Борисовы согнали много московскаго народу и приказывали всѣмъ плакать и умолять Годунова согласиться принять царскій вѣнецъ. Изъ раболѣпства и страха москвичи за недостаткомъ слезъ мазали глаза слюнями, а тѣхъ, которые неохотно вопили и дурно кланялись, пристава понуждали пинками въ спину. Тѣ, говоритъ лѣтопись, хоть и не хотѣли, а поневолѣ выли по волчьи. Борисъ долго притворно упрямился и отнѣкивался, говорилъ, что ему и въ разумъ никогда не приходило такое великое дѣло; но наконецъ согласился и былъ объявленъ царемъ (1598 г.).

Черезъ три года послѣ того въ народѣ стали распространяться слухи, что царевичъ Дмитрій живъ и что въ Угличѣ былъ зарѣзанъ не настоящій сынъ Грознаго, а другой, подмѣненный отрокъ. Въ то же время въ Польшѣ явился неизвѣстный человѣкъ, объявившій себя сыномъ Ивана Грознаго, Дмитріемъ, спасеннымъ отъ рукъ убійцъ. Польскій воевода Юрій Мнишекъ принялъ его въ своемъ домѣ и обѣщалъ помочь ему вернуть отцовскій престолъ. Этотъ неизвѣстный человѣкъ сталъ разсылать по всѣмъ городамъ граматы, въ которыхъ объявлялъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола, и призывалъ русскихъ людей въ свое войско. Борисъ Годуновъ, почуявъ недоброе, сдѣлался мрачнымъ и подозрительнымъ. Его соглядатаи всюду подслушивали, не говоритъ ли кто-нибудь про спасеннаго царевича Дмитрія. Начались доносы, пытки и казни. По царскому приказу, патріархъ

* На этомъ соборѣ было сто девятнадцать дворянъ, около ста настоятелей монастырей и только тридцать восемь посадскихъ людей и крестьянъ.

Іовъ разослалъ по церквамъ граматы, въ которыхъ объявлялъ, что проявившійся въ Польшѣ человѣкъ— самозванецъ, растрига, Гришка Отрепьевъ, и предалъ его церковному проклятію. Но ничто не помогало. Пытки и казни только усиливали нелюбовь народа къ Борису и увеличивали вѣру въ Дмитрія. Наконецъ въ 1600 году названный Дмитрій вступилъ съ своимъ войскомъ въ Московское государство. Войско его состояло изъ трехъ тысячъ поляковъ и двухъ тысячъ днѣпровскихъ казаковъ. Но скоро къ нему присоединились бѣглые люди изъ разныхъ городовъ и три тысячи донскихъ казаковъ. Всего собралось до пятнадцати тысячъ. Южные города одинъ за другимъ сдавались и признавали Дмитрія законнымъ царемъ. Посланное Годуновымъ большое войско сражалось не охотно и терпѣло неудачи. Вдругъ 16-го апрѣля (1605 г.) Борисъ Годуновъ скоропостижно умеръ. Въ Москвѣ царемъ былъ объявленъ его сынъ шестнадцати-лѣтній Ѳедоръ, а къ московскому войску былъ посланъ воевода Басмановъ приводить людей къ присягѣ и продолжать войну. Но Басмановъ поколебался. Въ войскѣ поднялся шумъ и разногласіе. Многіе ратные люди прямо говорили, что не хотятъ служить Борисову роду. Въ числѣ первыхъ, смѣло поднявшихъ такой голосъ, были рязанскіе дворяне, братья Ляпуновы. Тогда Басмановъ съ всѣмъ войскомъ перешелъ на сторону Дмитрія. Дѣло Годуновыхъ погибло; имъ оставалось или отречься отъ престола, или бѣжать изъ Москвы. Московскій народъ заволновался. Пріѣхали послы Дмитрія, Пушкинъ и Плещеевъ съ граматой къ народу. Народъ бросился во дворецъ; вдову-царицу, молодаго Ѳедора и его сестру Ксенію, стащили съ престола и перевезли на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ. Черезъ нѣсколько дней отъ Дмитрія пріѣхали новые послы, князья Василій Голицынъ и Рубецъ-Мосальскій; по ихъ приказанію дворяне Михаилъ Молчановъ и Шефрединовъ ворвались съ тремя стрѣльцами въ домъ Годуновыхъ и убили Ѳедора съ его матерью.

Тогда въ Москву вступилъ названный Дмитрій. Его встрѣтили торжественно съ колокольнымъ звономъ; никто не сомнѣвался, что это настоящій сынъ Ивана Грознаго, особенно послѣ того, какъ вернулась изъ заточенія бывшая царица, инокиня Маров̈а, и признала Дмитрія своимъ сыномъ. 30 іюля было совершено въ Успенскомъ соборѣ царское вѣнчаніе, и Дмитрій окончательно вступилъ на русскій престолъ.

Это царствованіе какъ будто обѣщало хорошій поворотъ. Новый царь велъ себя не такъ, какъ прежніе цари. Онъ былъ очень дѣятеленъ, каждый день присутствовалъ въ боярской думѣ, и самъ разбиралъ дѣла. Случалось, что какое-нибудь дѣло затрудняло думныхъ людей, и они никакъ не могли рѣшить его; вдругъ царь съ легкой усмѣшкой говорилъ: "Что вы тутъ нашли труднаго?" и въ нѣсколько минутъ разрѣшалъ всѣ затрудненія.

При немъ было запрещено записываться въ кабалу со всѣмъ потомствомъ, какъ это дѣлалось раньше, а можно было продаваться въ холопы только на время жизни господина; по смерти же господина холопъ становился свободнымъ. Сверхъ того постановлено было, что помѣщики, которые не кормили крестьянъ во время голода, не могли удерживать ихъ на своихъ земляхъ; и подтверждено было правило, что бѣглыхъ крестьянъ можно было разыскивать только въ теченіе пяти лѣтъ; послѣ этого срока бѣглый крестьянинъ становился свободнымъ. Вообще видно было желаніе дать народу болѣе льготы. Установлено было, чтобы судъ былъ вездѣ безплатный. Царь объявилъ, что принимаетъ челобитныя отъ людей всякаго званія, и назначилъ два дня въ недѣлю, когда всякій могъ приходить и говорить съ нимъ лично. Всѣмъ позволено было свободно заниматься промыслами и ремеслами. Уничтожены были всякія стѣсненія къ выѣзду изъ Россіи заграницу и къ въѣзду иностранцевъ въ русское государство. "Я никого не хочу стѣснять, говорилъ Дмитрій; мои владѣнія для всѣхъ во всемъ

должны быть свободны." Вопреки обычаямъ прежнихъ царей, которые послѣ сытныхъ обѣдовъ укладывались спать, Дмитрій, пообѣдавши, выходилъ одинъ пѣшкомъ въ городъ, заходилъ въ разныя мастерскія, толковалъ съ мастерами, осматривалъ ихъ работы, говорилъ ласково со встрѣчными.

Любилъ онъ толковать о томъ, чтобы дать народу образованіе, и совѣтовалъ своимъ вельможамъ посылать дѣтей учиться заграницу; самъ онъ любилъ читать и собирался основать въ Москвѣ университетъ.

Въ казнѣ московскихъ царей лежали громадныя сокровища, накопленныя разными способами. Царь Иванъ Грозный отнималъ имущество у всѣхъ казненныхъ имъ бояръ; онъ обобралъ также монастырскія богатства въ свою пользу. Кромѣ того цари захватили въ свои руки торговлю нѣкоторыми товарами и не позволяли никому другому торговать этими товарами. Дмитрій былъ чрезвычайно добръ и щедръ. Въ первые полъ-года онъ роздалъ до семи съ половиною милліоновъ рублей. Онъ уплатилъ долги, оставленные Иваномъ Грознымъ, и возвратилъ многимъ имѣнія, отнятыя этимъ жестокимъ царемъ.

Вообще было видно, что это — человѣкъ новый, воспитанный не поцарски, не пріученный съ дѣтства къ жестокости, не испорченный властью и раболѣпствомъ.

Онъ не любилъ монаховъ, обвинялъ ихъ въ тунеядствѣ, велѣлъ сдѣлать опись монастырскихъ имѣній и грозилъ, что оставитъ имъ только на необходимое содержаніе, а все остальное отберетъ въ казну. Онъ зналъ хорошо священное писаніе, но ему были не по нраву московское показное благочестіе. Онъ говорилъ духовенству и мірянамъ: "У васъ въ церкви только обряды, а смыслъ ихъ укрытъ; только въ томъ поставляете благочестіе, что посты сохраняете, иконы чествуете, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры; ваши попы и архіереи—невѣжды и не учатъ народъ; вы лицемѣрно славитесь своимъ благочестіемъ,

а живете непохристіански; вы развратны, злобны и мало любите ближняго." Онъ доказывалъ, что недостойно и безразсудно презирать иноверцевъ. "Чтожъ такое латинская и лютеранская вѣра? говорилъ онъ, такая же христіанская, какъ и греческая: и они во Христа вѣруютъ!" Когда ему говорили о семи вселенскихъ соборахъ, онъ отвѣчалъ: "Если семь было соборовъ, то почему же не можетъ быть восьмого и десятаго, и болѣе? Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти. Я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ иновѣрцы отправляли богослуженіе по своему обряду."

Все это не нравилось старымъ московскимъ боярамъ, не нравилось духовенству, не нравилось и помѣщикамъ, отъ которыхъ новый царь хотѣлъ защитить крестьянъ. Скоро у Дмитрія явилось много враговъ. Самымъ опаснымъ изъ нихъ былъ князь Василій Шуйскій, который велъ свой родъ отъ самыхъ древнихъ князей и самъ мѣтилъ на царство. Еще до вѣнчанія Дмитрія, Шуйскій началъ замышлять его сверженіе, созывалъ къ себѣ въ домъ знакомыхъ торговыхъ людей и научалъ ихъ разглашать въ народѣ, что новый царь не истинный сынъ Ивана Грознаго, а Гришка Отрепьевъ. Заговоръ былъ скоро открытъ. Шуйскіе были взяты подъ стражу. Дмитрій отстранилъ себя отъ этого дѣла и приказалъ судить Шуйскихъ собранію изъ всѣхъ сословій. Собраніе осудило Василія Шуйскаго на смерть, а братьевъ его въ ссылку. Но Дмитрій замѣнилъ смертную казнь ссылкою въ Вятку.

Новый царь часто повторялъ, что не хочетъ преслѣдовать своихъ зложелателей и далъ Богу обѣщаніе не проливать крови подданныхъ. Черезъ три мѣсяца онъ вернулъ изъ ссылки Шуйскихъ и опять приблизилъ ихъ къ себѣ, взявши съ нихъ клятву въ вѣрности. Василій казался вѣрнымъ и преданнымъ, а тайно рѣшилъ впередъ работать для своихъ цѣлей поосторожнѣе. Однимъ слухомъ, что царь не настоящій Дмитрій, а обманщикъ, невозможно было поднять народъ. У народа всегда былъ готовъ отвѣтъ: а за-

чѣмъ родная мать и всѣ бояре признали его? Надо было напирать на поступки Дмитрія, на его свободныя рѣчи о московскомъ благочестіи, на его желаніе жениться на дочери польскаго воеводы Юрія Мнишка, Маринѣ, которую онъ полюбилъ еще въ Польшѣ. Къ Шуйскому пристали князь Василій Голицынъ, князь Куракинъ, Татищевъ и кое-кто изъ важныхъ духовныхъ сановниковъ. Самъ Шуйскій допускалъ къ себѣ въ домъ для совѣщаній только немногихъ, самыхъ близкихъ и надежныхъ. Онъ однако зналъ, что простой народъ привязанъ къ Дмитрію, и отложилъ исполненіе умысла до того времени, когда изъ Польши должна была пріѣхать царская невѣста съ польской свитой. Шуйскій понялъ, что, если съѣдутся поляки, то не утерпятъ, чтобы не обидѣть московскихъ жителей; тогда можно скорѣе возбудить народъ.

Наконецъ пріѣхала царская невѣста со своимъ отцемъ и со множествомъ поляковъ. Поляковъ развели по квартирамъ въ городѣ. Многіе изъ нихъ вели себя высокомѣрно и оскорбляли москвичей. Послѣ царской свадьбы начались пиры. Поляки въ пьяномъ разгулѣ бросались на женщинъ среди улицъ, врывались въ дома; иные, гордо побрякивая саблями, кричали: "мы дали царя Москвѣ!" Эти выходки вызывали со стороны московскихъ людей раздраженіе, ссоры и драки.

Все это было на руку заговорщикамъ. Они собрались въ домъ Шуйскаго и рѣшили на пятый день свадьбы, въ ночь съ пятницы на субботу ударить въ набатъ, выбѣжать на улицу и кричать, что поляки хотятъ убить царя и думныхъ людей, а Москву взять въ свою волю. Народъ услышитъ и бросится на поляковъ, а они тѣмъ временемъ, какъ будто спасать царя, бросятся въ Кремль и покончатъ его тамъ.

Приближенные царя, предчувствуя бѣду, подали ему письменный доносъ, гдѣ говорили про измѣну и предупреждали, что надобно какъ можно скорѣе принять мѣры. Но царь не сталъ читать и сказалъ:

"Это все вздоръ!" Онъ не хотѣлъ вѣрить никакимъ предостереженіямъ. Въ пятницу вечеромъ во дворцѣ былъ послѣдній балъ. Царь былъ особенно веселъ и поздно отправился спать.

Заговорщики не спали. Шуйскій приказалъ ночью отворить тюрьмы и выпустить заключенныхъ. Имъ раздали топоры и мечи. Съ солнечнымъ восходомъ ударили въ набатъ. Народъ сталъ сбѣгаться со всѣхъ сторонъ въ Китай-городъ. Главные руководители, Шуйскій, Татищевъ, Голицынъ, были на коняхъ; съ ними толпились на Красной площади до двухъ-сотъ заговорщиковъ. "Что за тревога!" спрашивалъ народъ. Заговорщики кричали: "Литва собирается убить государя и бояръ: идите бить литву, а ихъ имущество берите себѣ." Народъ бросился въ разныя стороны на поляковъ, а Шуйскій, освободившись отъ народной толпы, поѣхалъ въ Кремль.

Набатный звонъ разбудилъ Дмитрія. Онъ поспѣшно вскочилъ, выбѣжалъ изъ спальни и столкнулся съ своимъ вѣрнымъ Басмановымъ. "Поди узнай, что такое," сказалъ царь. Басмановъ отворилъ окно и увидѣлъ бѣжавшую разъяренную толпу. "Что вамъ надобно? что это за тревога?" спросилъ онъ.

Толпа закричала: "отдай намъ своего царя вора!" Басмановъ бросился къ Дмитрію и закричалъ: "Вотъ, государь! Самъ виноватъ! Не вѣрилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ! Бояре и народъ идутъ на тебя!"

Толпа подходила къ крыльцу.

"Государь спасайся!—сказалъ Басмановъ, а я умру за тебя!" Но Дмитрій безстрашно выступилъ впередъ въ сѣни, выхватилъ у одного изъ своихъ стражниковъ аллебарду и закричалъ толпѣ: "я вамъ не Борисъ!"

Изъ толпы выстрѣлили. Пуля не зацѣпила Дмитрія. Басмановъ сталъ впередъ и заслонилъ собой царя.

На него кинулся Татищевъ и ударилъ Басманова длиннымъ ножемъ прямо въ сердце. Басмановъ покатился съ лѣстницы. Дмитрій, пріотворивъ дверь, началъ махать аллебардою на обѣ стороны и кое-кого

зацѣпилъ. Но заговорщики стали стрѣлять. Тогда дверь заперли. Заговорщики ударами топоровъ выломали ее. Царь со своими стражниками заперся въ передней комнатѣ. Заговорщики стали ломать слѣдующую дверь. Сѣни съ другой стороны были заняты толпою. Выхода не было. Царь глянулъ въ растворенное окно изъ угловой комнаты и увидалъ вдали стрѣльцовъ на караулѣ. Тутъ ему пришла мысль выпрыгнуть изъ окна и отдаться подъ защиту народа.

"Еслибы ему удалось—говоритъ одинъ иностранецъ —благополучно соскочить и уйти, онъ избавился бы отъ бѣды: народъ перебилъ бы заговорщиковъ." Дмитрій началъ спускаться изъ окна, но оборвался и упалъ на землю. Окно было очень высоко. Царь разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, зашибъ голову и лишился чувствъ.

Къ нему подбѣжали стрѣльцы, отлили его водой и хотѣли защитить. Въ это время раздались крики: "Нашли, нашли еретика!" Заговорщики, отыскавъ слѣдъ своей жертвы, бросились туда съ ружьями, рогатинами и топорами. Стрѣльцы закрыли своего царя, стали въ строй и дали залпъ. Нѣсколькихъ дворянъ убили. Тогда кто то закричалъ:

"Когда такъ, идемъ въ стрѣлецкую слободу, побьемъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ выдать вора, обманщика, злодѣя."

Стрѣльцы испугались, поговорили между собой, разступились и оставили Дмитрія одного. Заговорщики подняли его и понесли во дворецъ. Тамъ они всячески надругались надъ нимъ; наконецъ одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ Дмитрія изъ короткаго оружья и убилъ его сразу. Тогда заговорщики бросились на трупъ, топтали его ногами, кололи ножами, били палками, привязали за ноги на веревку и вытащили на Красную площадь. Потомъ они вызвали царицу Мареу и спросили ее:

"Говори, царица Мареа, твой ли это сынъ?"

По одному извѣстію Мареа отвѣчала: "Не мой!"

По другому извѣстію она сказала: “Былобъ меня спрашивать, пока онъ былъ живъ; а теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой!”

Такъ умеръ этотъ неизвѣстный человѣкъ, бывшій царемъ только одинадцать мѣсяцевъ.

Глава одинадцатая

Самозванцы и Московское разоренье.

Убивши царя Дмитрія, бояре возвели на престолъ главнаго изъ заговорщиковъ, Василія Шуйскаго. Обманутый московскій народъ, перебивъ и ограбивъ польскихъ людей, сбѣжался на Красную Площадь и требовалъ объясненія: Кто убилъ царя? кто выбралъ новаго? кричали они. Пособники Шуйскаго вышли на лобное мѣсто и обѣщали народу представить явныя улики, что убитый ими царь былъ дѣйствительно воръ, обманщикъ, разстрига, еретикъ, и хотѣлъ истребить православную вѣру. Тогда была придумана сказка, что царь Дмитрій замышлялъ съ поляками собрать за городомъ, какъ бы для военной потѣхи московскихъ бояръ и дворянъ, и перебить ихъ, а потомъ обратить московское государство въ католическую вѣру. Въ Угличѣ были на этотъ случай открыты мощи царевича Димитрія и перевезены въ Москву; у этихъ мощей цѣлыя двѣ недѣли происходили якобы чудеса и исцѣленія, и по всей Москвѣ звонили въ колокола, чтобы люди знали, что новоявленный угодникъ творитъ чудеса. Случилось, что одинъ больной, введенный во храмъ, умеръ. Это объяснили его безвѣріемъ. Иностранцы спрашивали у сидѣвшихъ около церкви увѣчныхъ и слѣпыхъ: “Что же васъ не исцѣляетъ царевичъ?” “По маловѣрію нашему,” отвѣчали

страдальцы: "Богъ чрезъ ангела своего объявляетъ заранѣе нашимъ архіереямъ и попамъ, кого онъ удостоитъ исцѣлить." Черезъ два дня по открытіи мощей новый царь Василій Шуйскій разослалъ по всѣмъ городамъ грамату, въ которой говорилось, что царица Марѳа покаялась передъ нимъ, Василіемъ Ивановичемъ, и передъ всѣмъ народомъ въ томъ, что она признала своимъ сыномъ лютаго еретика и чернокнижника Гришку Отрепьева.

Такъ старался царь Василій убѣдить народъ въ своей правотѣ и укрѣпиться на престолѣ. Но съ его воцареніемъ смута въ Московскомъ государствѣ не только не прекратилась, а еще болѣе усилилась. Смута въ государствѣ происходила отъ народнаго недовольства. Всѣ тяглые или *черные* люди находились въ Московскомъ Государствѣ въ большомъ угнетеніи: крестьяне уже были обращены почти въ полное рабство; помѣщики разоряли ихъ; многіе крестьяне разбѣгались отъ притѣсненія; деревни пустѣли; земледѣліе было въ упадкѣ; вся страна обѣднѣла. Та страна, гдѣ народъ въ рабствѣ и въ угнетеніи, не можетъ быть богатой. Чтобы пополнить казну, цари облагали налогами промыслы и торговлю и завели казенную продажу вина, обогащаясь народнымъ пьянствомъ; царскіе кабаки сдѣлались главной доходной статьей, какъ это остается у насъ и до сихъ поръ. Воеводы и чиновники, сбиравшіе подати, грабили народъ не только въ царскую, но и въ свою собственную пользу. Судьи потакали сильнымъ, подвергали черныхъ людей пыткамъ и присуждали ихъ въ кабалу къ богатымъ. У народа не было никакихъ правъ и никакой защиты: ни въ своихъ законахъ, ни въ своихъ выборныхъ, ни въ своемъ войскѣ. Все находилось въ царскихъ рукахъ, а царь правилъ черезъ бояръ и дворянъ. Народъ уже давно забылъ о прежнихъ вольныхъ, вѣчевыхъ порядкахъ и даже не думалъ о томъ, что можетъ быть какое-нибудь другое управленье, кромѣ царскаго. Но народу было

тяжело, и онъ бросался во всѣ стороны, ища какого нибудь спасенья; а это спасенья могла быть, по его понятіямъ, только въ царѣ. Явился Димитрій Самозванецъ, и народъ бросился къ нему, ожидая, что онъ то именно и есть настоящій помазанникъ Божій, который принесетъ ему счастье. Но черезъ одинадцать мѣсяцевъ Димитрій былъ убитъ Василіемъ Шуйскимъ, который былъ послѣ этого тоже помазанъ на царство. Народу было попрежнему тяжело, и онъ снова бросился искать спасенья въ какомъ-нибудь другомъ царѣ.

У убитаго Дмитрія остались приверженцы, ненавидѣвшіе Шуйскаго. Двое изъ нихъ, князь Шаховской и дворянинъ Молчановъ, уѣхавши изъ Москвы, стали распускать слухи, что Димитрій спасся отъ убійцъ и находится въ Польшѣ у своей тещи. "Постойте, братцы, за своего законнаго государя!" говорили они. Многіе города сейчасъ же пристали къ нимъ и стали вооружаться противъ Шуйскаго; разсылались граматы во всѣ стороны; дали знать на Донъ, откуда поспѣшили казаки. Царь Шуйскій выслалъ войско, но оно было разбито. Въ Москвѣ стали появляться подметныя письма, гдѣ говорилось, что Димитрій живъ и скоро придетъ въ свою столицу. Его никто еще не видалъ; ходилъ только слухъ, что онъ находится въ Польшѣ; но одного этого слуха было достаточно, чтобы мятежъ охватилъ Московское государство, какъ пожаръ, потому что вездѣ было недовольство. Тула, Кашира, Калуга, Можайскъ, Орелъ, Вязьма провозгласили царемъ Дмитрія; дворяне Ляпуновы, Захаръ и Прокопій, возмутили Рязанскую землю; возстали также тверскіе города и городъ Владиміръ; волновались Новгородъ и Псковъ. Явился предводитель Болотниковъ, который сказалъ, что видѣлъ Дмитрія въ Польшѣ и что тотъ назначилъ его своимъ воеводой. Къ Болотникову отовсюду стекались шайки. Его полчище двинулось къ Москвѣ и остановилось въ селѣ Коломенскомъ за 7 верстъ отъ столицы; но это полчище

было отбито и перешло въ Калугу. Въ это время появился другой казацкій самозванецъ Петръ, который назвался сыномъ царя Ѳедора. Такъ какъ Дмитрій все еще не показывался, то народъ ухватился за этого новаго царевича Петра. Другіе же приверженцы Дмитрія стали сомнѣваться, подозрѣвать, что ихъ обманули, и снова переходили къ Шуйскому; въ томъ числѣ были и братья Ляпуновы. Царское войско стало одолѣвать, Болотниковъ былъ разбитъ, самозванецъ Петръ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ.

Но наконецъ долго жданный Дмитрій явился. Это былъ какой то неизвѣстный человѣкъ; одни называютъ его Богдановымъ, другіе — Веревкинымъ. Онъ явился въ Стародубѣ. Изъ стародуба были разосланы граматы въ сосѣдніе города, чтобы русскіе люди шли къ своему царю. Посланы были гонцы въ Москву. Къ самозванцу опять стали стекаться съ разныхъ сторонъ люди. У него собралось большое войско. Оно состояло главнымъ образомъ изъ такъ называемыхъ *воровскихъ казаковъ* и поляковъ. Воровскими казаками назывались тогда бѣглые люди большею частью изъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ, а также изъ посадскихъ тяглыхъ мѣщанъ. Они убѣгали отъ тяжелыхъ поборовъ и притѣсненій, отъ воеводъ и помѣщиковъ; они собирались на Волгѣ и на Дону, въ степяхъ между границей Московскаго государства и владѣніями крымскихъ татаръ. Воюя постоянно съ татарами, они были полезны Московскому государству, и московскіе цари часто посылали имъ денегъ и военныхъ припасовъ. Но казаки привыкли къ вольной жизни, ненавидѣли Москву и теперь были рады начавшейся смутѣ. Съ другой стороны поляки искали случая отомстить Шуйскому и московскому народу за избіеніе и ограбленіе многихъ поляковъ, во время убійства Дмитрія. Тогда ихъ погибло болѣ четырехъ сотъ человѣкъ. Кромѣ того у поляковъ была своя вольница, искавшая добычи. Все это стекалось теперь къ самозванцу и разсыпалось по всей Московской землѣ.

Московскіе бояре увидѣли, что съ Шуйскимъ имъ нельзя удержаться. Противъ нихъ надвигалась вся голытьба, вся обездоленная Русь, выставлявшая своего царя. Но признать этого царя боярамъ было невозможно: въ граматахъ самозванца объявлялось, что онъ идетъ все перевернуть на Руси: чтобы богатые обнищали, а нищіе обогатѣли, чтобы бояре стали мужиками, а мужики правили землей. Тогда нѣкоторые изъ бояръ стали сноситься съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, обѣщая ему выбрать московскимъ царемъ его сына Владислава, если онъ освободитъ ихъ отъ самозванца. Польскій король ухватился за этотъ случай и послалъ въ Московское государство свое войско. Тогда большая часть поляковъ, бывшихъ съ самозванцемъ, бросила его и присоединилась къ королевскому войску. Войско Шуйскаго было разбито подъ Царевымъ-Займищемъ и поляки приблизились къ Москвѣ. Съ другой стороны войско самозванца также стояло подъ Москвою, и самозванецъ велъ переговоры съ польскимъ королемъ, чтобы тотъ не мѣшалъ ему покорить Москву. Тогда московскіе бояре, пригласившіе польскаго короля, свергли Шуйскаго съ престола, насильно постригли его въ монахи и впустили въ Москву польское войско. Самозванецъ долженъ былъ бѣжать и скоро былъ убитъ въ степяхъ татарами.

Овладѣвъ Москвой, польскій король уже думалъ о томъ, чтобы самому сдѣлаться московскимъ царемъ и соединить Московское государство съ Польшей. Но тогда началось движеніе противъ чужеземцевъ во всемъ русскомъ народѣ.

Послѣ убійства царя Дмитрія, когда въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ появлялись разные самозванцы, русскій народъ терпѣлъ величайшее разореніе. Повсюду свирѣпствовали буйныя казацкія и польскія шайки; подати и всякіе военные поборы собирались съ народа и въ пользу царя Шуйскаго, и въ пользу самозванца, и въ пользу польскаго войска; часто съ одного города, съ одной и той же волости собиралась

тройная подать. Наконецъ народъ былъ недоволенъ, что бояре самовольно выбрали въ цари польскаго королевича, и что поляки завладѣли Москвой. Народу стало невыносимо. Дальніе города, менѣе потерпѣвшіе отъ смутнаго времени, Вологда, Пермь, Нижній-Новгородъ, Казань, Ярославль и Великій Новгородъ, стали сноситься между собой, разсылать письма и граматы и сговариваться, чтобы освободить русскую землю отъ самозванцевъ и поляковъ. "Если кто хочетъ изъ васъ помереть христіанами," писалось въ этихъ граматахъ, "пусть начнутъ великое дѣло, чтобы быть всѣмъ намъ воедино. Положите крѣпкій совѣтъ между собою; буде и есть между вами недоволы, Бога ради, отложите то на время, чтобы всѣмъ намъ стать за едино."

Во главѣ этого народнаго движенія сталъ Нижній-Новгородъ. Когда въ октябрѣ 1611 года тамъ была получена грамата изъ Троицкаго монастыря, весь народъ собрался возлѣ церкви Святаго Спаса. Изъ церкви вышелъ посадскій староста Козьма Захарычъ Мининъ, по прозванію Сухорукъ, и сказалъ громкимъ голосомъ:

"Православные люди! Не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да не токма животовъ, дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ! Дѣло великое! Я знаю: только мы поднимемся, многіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ чужеземцевъ." Въ воеводы выбрали князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который еще прежде воевалъ противъ поляковъ съ Ляпуновыми и теперь едва оправился отъ ранъ.

Началось собираться ополченье. Всюду собирали деньги, созывали ратныхъ людей, и все это отправляли въ Нижній-Новгородъ. Пришло ополченіе изъ Рязани, изъ Свіяжска, изъ Чебоксаръ, изъ Казани и другихъ понизовыхъ городовъ. Ярославцы ожидали нижегородцевъ. Когда ополченье вышло изъ Нижняго и направилось къ Москвѣ, къ нему стали присоединяться и балахнинцы, и юрьевцы, и костромичи, и суздальцы.

Въ августѣ 1612 года ополченье подошло къ Москвѣ, въ которой заперлись поляки. Въ сентябрѣ поляки должны были сдаться отъ голода. Москва была освобождена. Польскій король увидѣлъ, что его дѣло проиграно и отступилъ со своимъ войскомъ обратно въ Польшу.

Такъ кончилось это смутное время, или "великая разруха" Московскаго государства, какъ говорили тогда. Она продолжалась около десяти лѣтъ. Государстзо было разорено, и въ немъ не осталось никакого правительства. Надо было думать о новомъ устройствѣ

Глава двѣнадцатая

Избраніе новаго царя и новые порядки въ Московскомъ государствѣ.

Мы видѣли, что при Иванѣ Грозномъ царское самовластіе достигло полной силы. Казалось, что царская власть стояла твердо. Новгородцы и псковичи были истреблены, все остальное населеніе запугано до того, что пряталось или падало на землю при одномъ имени царя; лучшіе люди изъ бояръ и прежнихъ князей были перебиты; митрополиты и духовенство учили народъ, что цари—божьи помазанники, и что царская власть установлена на Руси самимъ Богомъ, а не татарами. Но вотъ не прошло и двадцати лѣтъ со смерти Ивана Грознаго, какъ все это разлетѣлось въ прахъ, и твердыня московскаго самовластія рухнула. Стоило появиться самозванцу, какому то невѣдомому человѣку, и началась "великая разруха" Московскаго Государства. Бояре и дворяне сейчасъ же бросили законнаго царя и перешли на сторону самозванца; потомъ убили царя Дмитрія и

возвели на престолъ Василія Шуйскаго; потомъ свели съ престола и этого "божьяго помазанника" и пригласили польскаго королевича Владислава. Простонародье, вся голытьба также поднялась, отыскала себѣ своего царя и пошла на Москву. Вся страна заколыхалась. Оказалось, что царская власть держалась на одномъ волоскѣ. Стоило пустить слухъ, что царевичъ Дмитрій не умеръ, а подмѣненъ, и всѣ охотно повѣрили этому; всѣ рады были ухватиться хоть за соломенку, чтобы только начать смуту.

Отчего же эта власть московскихъ царей оказалась такой непрочной, хотя архіереи и мазали ихъ священымъ масломъ? Оттого она оказалась такой непрочной, что никто не былъ доволенъ московскими царями. Даже бояре и дворяне и тѣ были недовольны, потому что цари казнили ихъ безъ суда, а имущество ихъ брали себѣ. А когда никто не доволенъ въ государствѣ, то никакая власть не можетъ удержаться.

Такъ рухнула и власть московскихъ царей, которую они построили по татарскому образцу. Они думали, что государствомъ можно править кнутами, да палачами, да опричниками, лишь бы только на нихъ въ церкви надѣли корону. Но оказалось, что это не такъ. Такое правленіе кончилось восьмилѣтней смутой, потрясшей все государство и не оставившей камня на камнѣ отъ прежней царской власти. Послѣ освобожденія Москвы и изгнанія поляковъ пришлось выбирать новое правительство и устраивать сызнова всю русскую землю. Для этого московскіе бояре созвали въ Москву выборныхъ людей отъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, отъ служимыхъ людей, то есть отъ бояръ и дворянъ, отъ городскихъ жителей и отъ сельскихъ людей. Выборные люди съѣхались въ Москву и начали съ того, что стали выбирать царя. Выборные люди отъ простого народа, отъ городскихъ и сельскихъ жителей, на томъ и покончили; дальше этого они и не пошли; все правительство заключалось для нихъ въ царѣ; больше этого они еще ничего не

понимали. Они думали, что если выберутъ хорошаго царя, будетъ хорошее правительство, а если выберутъ дурного царя, будетъ дурное правительство. Но бояре московскіе понимали дѣло лучше; они знали, что не такъ важенъ самъ царь, какъ весь установленный порядокъ. Царь можетъ быть и хорошій, но если порядки дурны, то онъ ничего хорошаго не сдѣлаетъ. А затѣмъ у хорошаго царя можетъ родиться дурной сынъ, и тогда нужно, чтобы этотъ дурной сынъ не могъ причинить большого вреда, а для этого нужно установить такой порядокъ, при которомъ и дурной царь не могъ бы сдѣлать большого зла. Бояре все это понимали; но они заботились только о себѣ и хотѣли установить такой порядокъ, который былъ бы хорошъ и выгоденъ для однихъ бояръ. До простого же народъ имъ было мало дѣла. Простой народъ долженъ былъ самъ думать о себѣ.

Когда съѣхавшіеся выборные люди стали выбирать царя, бояре предложили Михаила Ѳедоровича Романова. Семья Романовыхъ была старинная боярская семья; черезъ одну изъ семи женъ Ивана Грознаго они приходились дальними родственниками прежнимъ царямъ. Кромѣ того, Михаилу было только шестнадцать лѣтъ; бояре надѣялись, что при неопытности царя, имъ будетъ легче держать его въ своихъ рукахъ. Бояринъ Ѳедоръ Шереметьевъ писалъ князю Голицыну такія слова: "Выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и еще глупъ." Поэтому бояре и сговорились между собою, чтобы предложить избрать царемъ молодого Михаила Романова. Двадцать перваго февраля 1613 года, выборные люди собрались на Красную Площадь, при огромномъ стеченіи народа, и безъ большихъ споровъ избрали на царство Михаила Ѳедоровича.

Но еще раньше этого, во время переговоровъ, бояре взяли съ Михаила запись съ крестнымъ цѣлованіемъ; въ этой записи говорилось, что "царь никого не будетъ казнить безъ суда и вины и о всѣхъ дѣлахъ

будетъ мыслить съ боярами и думными людьми сообща, а безъ ихъ вѣдома тайно и явно ничего не дѣлать." Только на этомъ условіи бояре и поддержали Михаила. Этою записью съ крестнымъ цѣлованіемъ бояре обезпечили себя; и дѣйствительно одинъ современникъ, Псковитиновъ, описывая царствованіе Михаила, говоритъ, что при немъ "бояре всею русской землею обладали и царя ни во что не ставили." Съ этихъ поръ уже не было такого царскаго самовластія на Руси, какъ прежде; времена Ивана Грознаго уже прошли; цари знали теперь, что если въ государствѣ всѣ будутъ недовольны ими, то ихъ власть не будетъ прочна; поэтому они стали искать поддержки въ боярахъ и дворянахъ, а чтобы расположить ихъ къ себѣ, отдали имъ крестьянъ въ полное рабство. Итакъ, новые московскіе цари стали опираться на дворянство; вотъ почему наши цари еще и теперь часто называютъ дворянъ *опорою престола;* безъ этой опоры имъ нельзя было бы удержаться на престолѣ. На крестьянъ же и новые московскіе цари не обращали никакого вниманія, потому что простой народъ еще слѣпо вѣрилъ въ царей, какъ многіе вѣрятъ въ нихъ и до сихъ поръ.

Однако Смутное время еще было у всѣхъ въ памяти, да и въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ участвовала вся земля; не бояре, а простые земскіе люди, съ нижегородскимъ мясникомъ во главѣ, спасли Россію. Поэтому, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, во всѣхъ важныхъ случаяхъ правительство еще обращалось за совѣтомъ ко всему народу, созывало Земскій Соборъ и спрашивало его согласія. Такихъ земскихъ соборовъ при царѣ Михаилѣ было двѣнадцать. Двѣнадцать разъ московское правительство созывало на совѣтъ "лучшихъ, середнихъ и молодшихъ людей всѣхъ чиновъ, добрыхъ и умныхъ, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорить можно." Такъ, напримѣръ, когда донскіе казаки, воевавшіе на свой страхъ съ турками и татарами, взяли турецкій городъ Азовъ (1637 г.), а потомъ

предложили его царю, то былъ созванъ Земскій Соборъ, чтобы рѣшить, принять ли подъ свою власть Азовъ или отказаться отъ него. Принять, значило отважиться на войну съ турками. Выборные люди собрались во дворцѣ, въ Столовой Избѣ. Думный дьякъ изложилъ дѣло и задалъ Собору такіе вопросы: "Воевать ли съ султаномъ или мириться и отдать Азовъ? Если воевать, то нужны будутъ деньги и люди; гдѣ ихъ взять?" Эти вопросы были записаны и розданы всѣмъ депутатамъ; они должны были отвѣтить на нихъ письменно и по сословіямъ.

Бояре и дворяне отвѣтили, что не надо отдавать Азова, а надо стоять за него крѣпко.

Торговые люди отвѣтили, что они очень разорены и оскудѣли. "Торжишки наши, государь, писали они, стали гораздо худы. Въ городахъ всякіе люди оскудѣли и обнищали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ. Мы холопи и сироты твои просимъ милости твоей, государь, пожаловать твою государеву вотчину, воззрѣть на нашу бѣдность."

Наконецъ люди низшаго чина, сотскіе и старосты крестьянскихъ слободъ и деревень также жаловались на свою бѣдность: "Мы, сироты твои, тяглые людишки, писали они, оскудѣли и обнищали отъ пожаровъ, отъ поставки даточныхъ людей (рекрутовъ), отъ подводъ, отъ всякихъ государевыхъ податей. И отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись розно и покидали свои дворишки."

Послѣ такихъ отвѣтовъ правительство не рѣшилось воевать и поспѣшило помириться съ турками.

Но только въ такихъ важныхъ случаяхъ московское правительство обращалось за совѣтомъ ко всему народу; всѣ же текущія дѣла попрежнему находились въ рукахъ однихъ бояръ, а крестьяне оставались попрежнему прикрѣпленными къ землѣ, подъ властью помѣщиковъ или воеводъ. Положеніе низшаго сословія не измѣнилось ни въ чемъ. Государствомъ управляла боярская дума, съ царемъ во главѣ. Въ

каждый городъ назначался воевода, въ большіе города — изъ бояръ, въ малые — изъ простыхъ дворянъ. Воевода правилъ всѣмъ уѣздомъ, собиралъ подати, чинилъ судъ и расправу; мы уже видѣли, какъ торговые люди жаловались царю, что они обнищали до конца отъ царскихъ воеводъ. Воеводы брали посулы (то есть взятки) и чинили всякія насилія. Цари писали грозныя граматы и смѣняли воеводъ, но это нисколько не помогало. Пріѣзжалъ новый воевода и дѣлалъ то же самое. Что касается помѣщичьихъ крестьянъ, то они находились въ полной власти у своихъ господъ и могли только спастись отъ нихъ бѣгствомъ въ вольныя донскія степи.

Мы видимъ, слѣдовательно, что послѣ Смутнаго Времени выиграли только бояре и дворяне. Царская власть измѣнилась; изъ прежней самовластной, татарской, она обратилась теперь въ дворянскую. Цари стали опираться теперь на высшее сословіе, на боярство и дворянство. Крестьянство же осталось въ прежнемъ положеніи. Ему стало даже еще хуже, потому что вся власть въ государствѣ перешла теперь въ руки бояръ и дворянъ, то есть въ руки помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне находились въ кабалѣ.

Не удивительно поэтому, что въ народѣ попрежнему не было ни спокойствія, ни довольства, и при новомъ царствованіи были постоянные мятежи.

Глава тринадцатая

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Въ 1645 году Михаилъ Θедоровичъ умеръ, и на престолъ вступилъ сынъ его Алексѣй. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ самымъ добрымъ изъ русскихъ

царей. Онъ отъ природы былъ кротокъ и благодушенъ. Современники прозвали его *тишайшимъ*. Онъ велъ очень простую жизнь. Впрочемъ первые цари изъ дома Романовыхъ вообще жили очень просто и скромно; дворцы ихъ были необширные, деревянные, изъ восьми или десяти комнатъ; стѣны дворцовъ—голыя, украшенныя только иконами или нарисованными цвѣтами; вся мебель состояла изъ деревянныхъ скамеекъ и столовъ, покрытыхъ сукномъ; только для самого царя съ царицей были кресла изъ орѣховаго дерева. Въ простые дни цари за обѣдомъ ѣли изъ оловянной посуды; серебрянная посуда употреблялась только въ торжественныхъ случаяхъ. Вообще жизнь царей ничѣмъ не отличалась тогда отъ жизни простыхъ зажиточныхъ людей и обходилась государству недорого. Потомъ это измѣнилось, и наши цари стали окружать себя неслыханной роскошью, чтобы не походить на простыхъ людей. Возьмите самого простого человѣка, посадите его въ раззолоченный дворецъ, одѣньте въ дорогія одежды, окружите толпою придворныхъ и безчисленной стражей, такъ чтобы къ нему и приступу не было, и вотъ этотъ обыкновенный человѣкъ будетъ казаться какимъ то особеннымъ человѣкомъ; а живи онъ рядомъ съ вами въ простомъ деревянномъ домѣ, такъ вы быть можетъ и не отличили бы его отъ другого сосѣда.

Но первые цари изъ дома Романовыхъ еще не успѣли превратиться въ такихъ особенныхъ людей, да и сами они еще не считали себя за людей другой породы; поэтому они жили просто и попросту обращались со всѣми. Алексѣй Михайловичъ, какъ мы уже сказали, былъ чрезвычайно добръ и желалъ всегда поступать по хорошему; онъ не казнилъ никого изъ бояръ во все свое царствованіе и никого самъ не обидѣлъ. Еслибы для хорошаго управленія достаточно было имѣть хорошаго царя, то при Алексѣѣ Михайловичѣ Россія должна была бы быть счастливой. Но мы уже говорили, что хорошее

управленіе зависитъ не столько отъ людей, сколько отъ порядковъ; а при такихъ порядкахъ, какіе были тогда на Руси, народу не могло быть хорошо. Царствованіе Алексѣя Михайловича было одно изъ самыхъ тяжелыхъ для народа, и въ это именно царствованіе было всего больше мятежей.

Первые мятежи вспыхнули въ самой Москвѣ. Самымъ близкимъ бояриномъ къ царю Алексѣю былъ его воспитатель, бояринъ Морозовъ; они даже были женаты на родныхъ сестрахъ Милославскихъ. Морозовъ конечно сталъ выдвигать впередъ своихъ родственниковъ, которые были также родственниками и царицы. Всѣ выгодныя мѣста были заняты подручниками Морозова, родней Милославскихъ. Они были люди жадные и стали пользоваться своимъ положеніемъ: брали взятки съ людей, которые приходили къ нимъ судиться; сажали безъ вины въ тюрьму, а потомъ вымучивали за освобожденіе деньги; не выдавали служащимъ жалованье; налагали на торговыхъ людей новыя пошлины. Никакія жалобы не доходили до царя; царь довѣрялъ Морозову; всѣ жалобы разбирались самимъ же Морозовымъ и его подручниками. Особенно москвичи ненавидѣли двухъ подручниковъ Морозова: Леонтія Плещеева и Петра Траханіотова; оба были родственниками Милославскихъ.

Наконецъ москвичи потеряли всякое терпѣніе. Толпы народа стали собираться у церквей и положили остановить царя на улицѣ и требовать у него управы на своихъ мучителей.

Въ маѣ 1648 года царь возвращался, какъ всегда, верхомъ изъ Троицкаго монастыря. Толпа остановила за узду его лошадь; поднялись крики противъ Плещеева. Молодой царь испугался; онъ ласково просилъ народъ разойтись, обѣщая разобрать дѣло и учинить правый судъ. Народъ началъ громко благодарить царя, желать ему многолѣтняго здравія.

Дѣло, быть можетъ, тѣмъ бы и кончилось; но какъ только царь отъѣхалъ, подручники Морозова бросились

на толпу съ ругательствами и били кнутьями по головѣ выступавшихъ впередъ съ жалобами.

Толпа пришла въ неистовство и съ криками схватилась за камни. Пріятели Морозова едва успѣли убѣжать во дворецъ. Толпа окружила дворецъ и требовала выдачи Плещеева. Тогда на крыльцо вышелъ бояринъ Морозовъ; но при видѣ его народъ еще болѣе озлобился; онъ не далъ говорить Морозову и кричалъ: "Мы и тебя хотимъ взять!" Морозовъ поспѣшилъ скрыться. Толпа бросилась къ дому Морозова, гдѣ оставалась его жена. Выломали ворота и двери; ворвались въ домъ; все было перебито и изломано. Боярыню Морозову не тронули; ей только сказали: "Не будь ты сестра царицы, мы изрубили бы тебя въ куски."

Затѣмъ толпа бросилась ко дворамъ Плещеева и Траханіотова, и разнесла ихъ дома; но самихъ ихъ тамъ не было. Тогда народъ снова бросился въ Кремль, окружилъ дворецъ и требовалъ выдачи своихъ лиходѣевъ. Царь выслалъ своего двоюроднаго брата, Никиту Романова уговаривать народъ; но толпа твердила одно: выдать на казнь Морозова, Плещеева и Траханіотова! Во дворцѣ рѣшили пожертвовать Плещеевымъ и вывели его на площадь въ сопровожденіи палача. Народъ вырвалъ Плещеева изъ рукъ рукъ палача и заколотилъ палками до смерти.

На другой день толпа снова бросилась ко дворцу требовать Морозова и Траханіотова. Царь, желая спасти Морозова, выслалъ къ народу князья Пожарскаго съ приказомъ розыскать Траханіотова и казнить. Его поймали вблизи Троицкаго монастыря и въ угоду народу отрубили голову.

Было уже за-полдень. Доходила очередь и до Морозова. Вдругъ въ Москвѣ вспыхнулъ пожаръ и быстро распространился по всему городу. Пожаръ отвлекъ народъ отъ мятежа: многимъ пришлось думать о собственной бѣдѣ. Между тѣмъ правительство старалось примириться съ народомъ. Царскій тесть,

Милославскій, каждый день устраивалъ пиры и приглашалъ на нихъ вліятельныхъ жителей. Нѣкоторыхъ лицъ, нелюбимыхъ народомъ, смѣстили съ должностей. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней царь самъ вышелъ на площадь и просилъ народъ простить Морозова: "Если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не былъ ближнимъ нашимъ совѣтникомъ, говорилъ царь, то мы его отставимъ; лишь бы только намъ не выдавать его головою, потому онъ намъ какъ второй отецъ: воспиталъ и возрастилъ насъ. Мое сердце не вынесетъ этого!" Изъ глазъ царя полились слезы. Народъ поклонился царю и воскликнулъ: "Пусть будетъ, какъ угодно царю!"

Но удача московскаго мятежа побуждала народъ къ возстанію въ другихъ городахъ, тѣмъ болѣе что несправедливости, притѣсненія и обирательства воеводъ усиливали и раздували народную злобу.

Въ 1650 году произошли большіе мятежи въ Псковѣ и Новгородѣ. Царь посылалъ туда войско, уговаривалъ мятежниковъ покориться и смѣнилъ воеводъ.

Въ 1662 году снова вспыхнулъ мятежъ въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ. Въ это время велась война съ Польшею, и правительство очень нуждалось въ серебрѣ; оно стало всѣми способами собирать въ казну серебряную монету, а вмѣсто нея выпускало мѣдную; подати собирали серебряной монетой, а жалованье всѣмъ служащимъ платили мѣдной. Но мѣдныя деньги легко было поддѣлать, и ихъ стало ходить больше, чѣмъ нужно. Въ одной Москвѣ было выпущено поддѣльной монеты на 620,000 рублей. Всѣ товары поднялись въ цѣнѣ; за одинъ серебряный рубль давали 8 рублей мѣдныхъ. Правительство казнило нѣсколькихъ фальшивыхъ монетчиковъ; но въ народѣ ходилъ слухъ, что царскій тесть Милославскій и царскій любимецъ Матюшкинъ укрывали преступниковъ, брали съ нихъ взятки и выпускали на волю.

25 Іюля, когда царь былъ въ селѣ Коломенскомъ, въ Москвѣ на Лобномъ мѣстѣ собралось тысячъ пять

народу. Толпа закричала: идти къ царю требовать, чтобы царь выдалъ виновныхъ бояръ на убіеніе. Одна часть народа бросилась грабить въ Москвѣ дома ненавистныхъ бояръ, а другая двинулась въ село Коломенское, но безъ всякаго оружія. Царь былъ у обѣдни. Когда къ нему пришла вѣсть о московской смутѣ, онъ приказалъ Милославскому и Матюшкину спрятаться у царицы, а самъ остался до конца обѣдни. Выходя изъ церкви, онъ увидѣлъ толпу, которая бѣжала къ нему съ крикомъ и требовала выдачи тестя и любимца. Царь сталъ ласково уговаривать москвичей и обѣщалъ учинить розыскъ. "А чему намъ вѣрить?" кричали москвичи и хватали царя за пуговицы. Царь побожился. Тогда одинъ изъ толпы ударилъ съ царемъ по рукамъ, послѣ чего всѣ направились обратно въ Москву. Царь немедленно послалъ въ Москву князя Хованскаго уговаривать народъ, который грабилъ тамъ боярскіе дома. Москвичи закричали: "Ты, Хованскій, человѣкъ добрый; намъ до тебя дѣла нѣтъ! Пусть царь выдастъ измѣнниковъ, своихъ бояръ." Хованскій поѣхалъ назадъ къ царю, а вслѣдъ за нимъ и толпа бросилась изъ города въ Коломенское. Бояре, которымъ была поручена Москва, выпустивши изъ города эту толпу, приказали запереть всѣ городскія ворота и отправили въ Коломенское до трехъ тысячъ стрѣльцовъ для охраны царя.

Толпа, вышедшая изъ Москвы, встрѣтилась съ тою толпою, которая возвращалась отъ царя, и уговорила ее снова идти къ царю. Мятежники ворвались на царскій дворъ. Но царь, видя, что къ нему на помощь идутъ стрѣльцы изъ Москвы, закричалъ окружавшимъ его придворнымъ: "Бейте этихъ бунтовщиковъ!" У москвичей не было въ рукахъ никакого оружія. Они всѣ разбѣжались. Человѣкъ до ста утонуло въ Москвѣ рѣкѣ; много было перебито. Царь въ тотъ же день приказалъ повѣсить до 150 человѣкъ близъ Коломенскаго села; другихъ подвергли пыткѣ, а потомъ отсѣкли имъ руки и ноги. Менѣе виновныхъ били

кнутомъ и клеймили раскаленымъ желѣзомъ. Въ числѣ виновныхъ пострадали и невинные.

Это было въ 1662 году. Но самый страшный мятежъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вспыхнулъ въ 1670 году. Это былъ бунтъ Стеньки Разина. Здѣсь заволновалась уже не одна Москва, а поднялось на бояръ и дворянъ все крестьянство, всѣ обездоленные, черные люди.

Мы видѣли, что положеніе крестьянъ послѣ Смутнаго времени стало гораздо хуже. Мы уже сказали, что новые цари искали опоры и поддержки въ дворянскомъ сословіи, въ помѣщикахъ. Все правленіе перешло въ руки бояръ и дворянъ, то есть въ руки помѣщиковъ, а помѣщики, конечно, стали заботиться объ окончательномъ закрѣпощеніи крестьянъ. Мы уже знаемъ, что свободные переходы крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому были запрещены еще при Борисѣ Годуновѣ. Съ тѣхъ поръ крестьянинъ могъ освободиться отъ своего помѣщика только убѣгомъ. Помѣщикъ могъ искать своего бѣглаго крестьянина, но только въ теченіи пяти лѣтъ; послѣ же пятилѣтняго срока бѣглый становился свободнымъ. Но вотъ при царѣ Михаилѣ этотъ пятилѣтній срокъ былъ продолженъ до десятилѣтняго, а при царѣ Алексѣѣ отмѣненъ вовсе, такъ что помѣщикъ могъ искать и требовать своего крестьянина до самой его смерти. При царѣ же Алексѣѣ помѣщики стали продавать крестьянъ на уводъ, безъ земли, какъ рабочую скотину. Крестьяне уже не могли жениться и выходить замужъ безъ разрѣшенія помѣщика. Помѣщикъ могъ, безъ суда, наказывать своихъ крестьянъ, какъ ему вздумается. Случалось, что помѣщикъ забивалъ до смерти своихъ людей, и это сходило ему съ рукъ. Если въ чемъ провинилась помѣщица, то вмѣсто нея наказывали ея крестьянъ; если помѣщикъ убѣгалъ отъ военной службы, то брали его крестьянъ и держали въ тюрьмѣ. Словомъ, уже вошло въ полную силу крѣпостное право.

Городами и уѣздами правили воеводы. Имъ дава-

лась полная власть. Отъ нихъ требовалось только, чтобы они хорошо выколачивали подати. Одинъ воевода доносилъ царю такъ: "Я правилъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивая на смерть." Другой воевода ходилъ всегда съ палкою и билъ кого ни встрѣчалъ, приговаривая: "Я, воевода, всѣхъ изподтиха выведу и на кого руку наложу, тому отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не бывать." Воеводы ѣздили со своими людьми по волостямъ, подвергали крестьянъ истязанію и вымучивали у нихъ деньги.—"Удивительно," писалъ одинъ иностранецъ, бывшій тогда въ Россіи, "какъ люди могутъ выносить такой порядокъ!" Другой современникъ говорилъ, что "воеводы чуть не сдирали живьемъ кожи съ подвластнаго имъ народа, будучи увѣрены, что никакія жалобы не дойдутъ до царя."

Единственнымъ спасеньемъ для крестьянъ было бѣгство въ вольныя донскія степи, гдѣ еще не было ни воеводъ, ни помѣщиковъ. При царѣ Алексѣѣ, Московское государство простиралось къ югу не далѣе Курска, Воронежа, Тамбова и Симбирска; за этой пограничной чертой шли незаселенныя степи. Только по рѣкѣ Волгѣ сrояли города: Самара, Саратовъ, Царицынъ, Черный Яръ, Астрахань. На самомъ же югѣ, по берегу Чернаго моря, въ Крыму, жили татары, которые часто нападали на Московское государство и грабили народъ. Между Крымомъ и пограничной чертой простиралась донская степь, на которой жили вольные донскіе казаки. Они поселились тамъ еще съ незапамятныхъ временъ, вели постоянно войну съ крымскими татарами и охраняли Москву отъ ихъ набѣговъ. За это московское правительство не нарушало казацкихъ вольностей и даже посылало ежегодно казакамъ царское жалованье.

По стародавнему казацкому обычаю, на Дону всѣмъ давался пріютъ; но все-таки природные, "старые" казаки считали себя выше новопришлыхъ и старались ладить съ московскимъ правительствомъ. Скоро на

Дону собралось много бѣглаго люда. Всѣ эти бѣглые ненавидѣли московскіе порядки. Въ Московскомъ государствѣ жили ихъ заклятые враги, помѣщики воеводы, приказные; простой же русскій народъ былъ для нихъ все-таки роднымъ; и вотъ имъ въ голову стала приходить мысль истребить на Руси все, что давило простой народъ, и устроить тамъ казацкую вольность безъ помѣщиковъ, безъ тяжелыхъ поборовъ, съ выборными властями. Нужно было только, чтобы явился человѣкъ, который собралъ бы вокругъ себя всю донскую голытьбу и повелъ бы ее на исполненіе завѣтной думы.

Такой человѣкъ явился. Это былъ Степанъ Разинъ.

Въ 1665 году часть донскихъ казаковъ съ атаманомъ Разинымъ находилась при войскѣ князя Долгорукаго. Атаманъ Разинъ, считая, что онъ служитъ царю по доброй волѣ, захотѣлъ уйти со своими казаками обратно на Донъ. Князь Долгорукій велѣлъ казнить его. У этого казненнаго атамана было два брата, Степанъ и Фролъ.

Степанъ былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія и необыкновенной воли, своенравный и непостоянный, то мрачный и суровый, то веселый и разгульный, то ходившій на богомолье въ Соловецкій монастырь, то не хотѣвшій знать ни постовъ, ни священниковъ. Въ его рѣчахъ было что то обаятельное; толпа чуяла въ немъ какую то небывалую силу.

Этотъ человѣкъ, какъ говорится въ народной пѣснѣ, "не хаживалъ въ казацкій кругъ, не думалъ думушки со старыми казаками, а сталъ думать крѣпкую думушку съ голытьбою." Собравши около себя удалую ватагу, онъ въ апрѣлѣ 1667 года посадилъ ее на четыре струга и поплылъ вверхъ по Дону къ тому мѣсту, гдѣ Донъ близко подходитъ къ Волгѣ. Тамъ они переволоклись на Волгу и стали на высокомъ бугрѣ.

Ватага Разина состояла изъ двухъ тысячъ человѣкъ и была раздѣлена на сотни и десятки; надъ сотней начальствовалъ сотникъ, надъ десяткомъ десятскій.

Стенька былъ атаманомъ; есауломъ у него былъ Ивашка Черноярецъ.

Прежде всего они напали на весеній караванъ съ хлѣбомъ, шедшій изъ Москвы. Тутъ были казенныя и патріаршія суда; на одномъ изъ нихъ везли въ Астрахань ссыльныхъ. Начальника стрѣлецкаго отряда изрубили; приказчика, находившагося при судахъ, повѣсили; ссыльныхъ освободили; а простымъ рабочимъ и стрѣльцамъ Разинъ сказалъ такъ:

"Вамъ всѣмъ воля; идите себѣ, куда хотите; силою не стану держать; а кто хочетъ идти со мною, будетъ вольный казакъ. Я пришелъ бить бояръ да богатыхъ, а съ бѣдными и простыми готовъ всѣмъ подѣлиться."

Рабочіе и простые стрѣльцы пристали къ нему.

Стенька завладѣлъ судами и всѣмъ имуществомъ, и поплылъ внизъ уже на тридцати стругахъ.

Подъ Чернымъ Яромъ къ нему пристало еще три астраханскихъ струга со стрѣльцами. Отсюда онъ направился въ Каспійское море, къ устью Урала, поднялся вверхъ по рѣкѣ Уралу, овладѣлъ городомъ Яикомъ и пробылъ тамъ все лѣто, а въ сентябрѣ отправился къ устью Волги, разгромилъ кочевыхъ татаръ, ограбилъ какое то турецкое судно и на зиму опять вернулся въ Яикъ.

Въ 1668 году Стенька вышелъ въ Каспійское море, и болѣе года не знали, куда онъ дѣвался; а между тѣмъ онъ плавалъ вдоль береговъ моря и грабилъ персидскія земли. Персидскій царь выслалъ противъ него войско на семидесяти судахъ подъ начальствомъ хана. Произошла кровопролитная битва. Казаки одолѣли; ханъ бѣжалъ съ остатками войска, а его сынъ и красавица дочь достались казакамъ. Стенька Разинъ взялъ персидскую княжну себѣ въ любовницы. Послѣ того казаки поворотили домой и недалеко отъ устьевъ Волги ограбили купеческое судно; хозяинъ судна прибѣжалъ съ этой вѣстью въ Астрахань.

Астраханскій воевода Прозоровскій тотчасъ отправилъ противъ казаковъ на стругахъ своего товарища

князя Львова, съ отрядомъ вооруженныхъ стрѣльцовъ; но они не могли догнать на морѣ казаковъ. Тогда Львовъ отправилъ къ нимъ посланца сказать, что они могутъ спокойно идти на Донъ, если отдадутъ захваченныя на Волгѣ пушки и струги, и отпустятъ забранныхъ ими служилыхъ людей.

Разинъ согласился; но потребовалъ выкупа въ пять тысячъ рублей. Львовъ привелъ Стеньку къ присягѣ и поплылъ къ Астрахани, а за нимъ поплылъ и Стенька со своею ватагою.

Прибывши въ городъ съ главными казаками, Разинъ отдалъ пять мѣдныхъ и шестнадцать желѣзныхъ пушекъ и нѣсколько плѣнныхъ персіянъ, а суда свои обѣщалъ отдать по окончаніи плаванія по Волгѣ. Воеводы домогались отдачи всѣхъ пушекъ и плѣнныхъ, удержанныхъ казаками; но Стенька поднесъ воеводамъ подарки изъ дорогихъ персидскихъ тканей, и они не перечили ему больше; они подружились съ Стенькой, ѣли, пили, прохлаждались съ нимъ; то они приходили къ нему, то онъ къ нимъ.

Казаки провели подъ Астраханью десять дней; они каждый день ходили по городу, щеголяя шелковыми и бархатными одеждами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Стенька со всѣми говорилъ ласково и привѣтливо, щедро сыпалъ золото и серебро и тѣмъ заранѣе пріобрѣлъ расположеніе астраханскаго чернаго народа.

Однажды атаманъ пировалъ съ товарищами на своемъ богато украшенномъ стругу. Возлѣ него сидѣла его любовница, плѣнная персидская княжна. Шелковое платье, вышитое золотомъ и серебромъ, жемчугъ и драгоцѣнные камни придавали ей еще болѣе красоты. Поговаривали, что она уже начинала пріобрѣтать силу надъ суровымъ атаманомъ.

Стенька тогда сильно выпилъ. Вдругъ онъ вскочилъ съ своего мѣста, быстро подошелъ къ краю струга и говоритъ:

"Ахъ ты Волга-матушка, рѣка великая! много ты

дала мнѣ золота и серебра, а я еще ничѣмъ не поблагодарилъ тебя!" Съ этими словами онъ схватилъ персидскую княжну и бросилъ въ волны.

Изъ Астрахани Разинъ съ товарищами поплылъ вверхъ по Волгѣ, чтобы переправиться на Донъ.

Подъ Царицынымъ къ нему пришла толпа донскихъ казаковъ съ жалобами на царицынскаго воеводу Унковскаго. Взбѣшенный Разинъ бросился въ городъ къ воеводѣ и съ угрозами требовалъ, чтобы онъ вознаградилъ обиженныхъ казаковъ. Унковскій заплатилъ все, чего требовали казаки.

"Смотри жъ ты воевода—сказалъ Разинъ—если услышу я, что ты будешь притѣснять казаковъ, живого тебя не оставлю!" Унковскій выслушалъ это молча.

Изъ Царицына Разинъ перебрался на Донъ, устроилъ тамъ на одномъ островѣ городокъ Кагальникъ и обнесъ его землянымъ валомъ. Сюда стала стекаться къ нему голытьба съ Хопра, съ Волги и съ Украйны; вскорѣ число его приверженцевъ достигло 2700 человѣкъ. Разинъ щедро надѣлялъ всѣхъ имуществомъ, а самъ жилъ наравнѣ съ прочими въ земляной избѣ. Жена Разина и братъ его Фролъ, бывшіе въ Черкасскѣ, тайно бѣжали оттуда въ Кагальникъ.

Между тѣмъ изъ Москвы присланъ былъ дворянинъ Евдокимовъ съ царскою грамотою къ донскимъ казакамъ, а на самомъ дѣлѣ—узнать, что затѣваетъ Разинъ. Донской атаманъ Корнило Яковлевъ собралъ кругъ и прочелъ милостивую царскую грамату. Казаки поблагодарили и рѣшили послать съ отвѣтомъ къ великому государю свою станицу. На на другой же день въ Черкасскѣ явился Разинъ со своею ватагой, собралъ свой особый кругъ изъ преданныхъ себѣ казаковъ и велѣлъ привести Евдокимова.

"Ты зачѣмъ пріѣхалъ сюда?" спросилъ его Разинъ.

"Пріѣхалъ съ царскою милостивою граматою!" отвѣчалъ Евдокимовъ.

"Не съ граматою ты пріѣхалъ—закричалъ Разинъ

—а подсматривать за мною!" и ударилъ Евдокимова; за нимъ стали его бить и казаки.

"Въ воду его! посадить его въ воду!" кричалъ Разинъ. Избитаго Евдокимова бросили въ воду.

Послѣ этого смѣлаго поступка донскіе казаки стали толпами переходить къ Разину. Онъ громко объявлялъ, что пришла пора идти на бояръ, и созывалъ молодцевъ на Волгу.

Въ маѣ мѣсяцѣ Разинъ собрался въ походъ и направился прямо къ Царицыну. По дорогѣ къ нему присталъ извѣстный разбойникъ Васька Усъ, который прославился тѣмъ, что съ шайкой бѣглыхъ крестьянъ разорялъ помѣщиковъ и вотчинниковъ по ворснежскимъ и тульскимъ украиннымъ мѣстамъ. Разинъ сдѣлалъ его своимъ эсауломъ.

Въ Царицынѣ уже все было готово къ приходу Разина. Часть его войска подъѣхала на судахъ; другая половина подошла сухимъ путемъ и окружила городъ. Воевода заперъ городскія ворота и приготовился къ защитѣ. Но царицынцы впустили казаковъ. Воевода заперся въ башнѣ съ нѣсколькими стрѣльцами. Башню взяли, а воеводу привели на веревкѣ къ Волгѣ и утопили.

Разинъ провелъ въ Царицынѣ около мѣсяца и ввелъ тамъ казацкое устройство. Отсюда онъ разсылалъ во всѣ стороны своихъ людей подымать простой народъ.

Вѣсть о взятіи Царицына произвела въ Астрахани большой переполохъ. Воеводы наскоро снарядили до сорока судовъ, посадили на нихъ около трехъ тысячъ стрѣльцовъ съ пушками и отправили противъ Разина подъ начальствомъ князя Семена Львова.

Разинъ тотчасъ же узналъ, что изъ Астрахани послана на него военная сила. Онъ собралъ кругъ и по общему приговору оставилъ въ Царицынѣ по человѣку съ десятка, а самъ съ остальными восемью или десятью тысячами двинулся къ Астрахани. Одна часть съ Разинымъ плыла по Волгѣ, а другая ѣхала на коняхъ вдоль берега. Подъ Чернымъ Яромъ они

встрѣтили суда Львова. Стрѣльцы Львова, какъ только подошелъ Разинъ, закричали въ одинъ голосъ: "Здравствуй, нашъ батюшка, смиритель нашихъ лиходѣевъ!"

Начальниковъ связали и выдали казакамъ.

"Теперь—сказалъ Разинъ—мстите вашимъ мучителямъ; я пришелъ дать вамъ льготы и свободу! Вы мнѣ братья и дѣти!"

Стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и дворянъ, по обычаю, перебили. Львова оставили въ живыхъ.

Въ Астрахани уже ждали прихода Разина. Воевода Прозоровскій и митрополитъ Іосифъ сознавали всю опасность: въ Астрахани не было недостатка въ оружіи и запасахъ; но нельзя было разсчитывать на вѣрность стрѣльцевъ и жителей. Воевода съ городовымъ приказчикомъ обошелъ всѣ городскія стѣны, осмотрѣлъ пушки, разставилъ стрѣльцовъ, пушкарей и воротниковъ. Всѣ ворота завалили кирпичемъ; приготовлены были кучи камней и кипятокъ.

21 іюня подъ вечеръ вдругъ зазвонили колокола на астраханскихъ башняхъ. Тревога была не напрасная. Разинъ и его казаки съ лѣстницами шли на приступъ. Воевода выѣхалъ со двора съ братомъ своимъ. Затрубили въ трубы; воевода со стрѣлецкими головами, дворянами, дѣтьми боярскими и подъячими направился къ Вознесенскимъ воротамъ, ибо казаки дѣлали видъ, что хотятъ оттуда идти на приступъ; но на самомъ дѣлѣ Разинъ, пользуясь темнотою, велѣлъ подставлять лѣстницы съ другой стороны, гдѣ астраханскіе жители сами подавали казакамъ руки и пересаживали черезъ стѣны. Воевода замѣтилъ свою оплошность, когда городъ уже былъ въ рукахъ казаковъ.

Астраханскій народъ бросился на дѣтей боярскихъ, на дворянъ и на боярскихъ людей. Кто то ударилъ воеводу копьемъ въ животъ. Онъ упалъ съ лошади; одинъ старый холопъ снесъ его въ соборную церковь и положилъ на коверъ. Въ церковь стали сбѣгаться всѣ, кому грозила бѣда отъ рабовъ, подначальныхъ

и бѣдняковъ. Двери храма были заперты желѣзной рѣшеткой. Занималась заря. Казаки съ двухъ сторонъ входили въ городъ. Толпа ихъ бросилась на соборную паперть. Казаки взломали рѣшетку и ворвались въ церковь. Прозоровскаго вынесли и положили подъ колокольню, затѣмъ стали хватать всѣхъ бывшихъ въ церкви, вязали назадъ руки и сажали рядомъ подъ стѣнами колокольни въ ожиданіи суда Разина.

Въ восемь часовъ явился Разинъ на судъ. Онъ началъ съ Прозоровскаго, приподнялъ его за руки и взошелъ съ нимъ на колокольню. Всѣ видѣли, какъ Разинъ сказалъ что то воеводѣ на ухо, тотъ отрицательно покачалъ головой; тогда Разинъ столкнулъ его съ колокольни головою внизъ. Дошла очередь и до связанныхъ, которыхъ было около четырехсотъ пятидесяти человѣкъ. Всѣхъ приказалъ перебить Стенька.

Вслѣдъ за этой расправой Разинъ приказалъ вытащить изъ приказной палаты всѣ бумаги и сжечь на площади. "Вотъ также—сказалъ онъ—я сожгу всѣ дѣла на верху у государя!"

Имущество убитыхъ было раздѣлено между казаками, приставшими стрѣльцами и астраханскими жителями. Астрахань была обращена въ казачество.

Разинъ пробылъ въ Астрахани три недѣли. Затѣмъ онъ оставилъ тамъ атаманомъ Ваську Уса, а самъ выступилъ изъ города съ войскомъ въ десять тысячъ человѣкъ и поплылъ вверхъ по Волгѣ на двухъ стахъ судахъ; по берегу шла конница.

Послѣ Царицына первымъ городомъ на пути былъ Саратовъ, а за нимъ Самара. Разинъ взялъ оба города, повѣсилъ тамошнихъ воеводъ, перебилъ дворянъ и приказныхъ людей и ввелъ въ обоихъ городахъ казацкое устройство.

Между тѣмъ посланцы Разина разошлись по всему московскому государству до самаго Бѣлаго моря, пробирались въ столицу и распространяли въ народѣ

"прелестныя письма," въ которыхъ Разинъ извѣщалъ, что идетъ истреблять бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, искоренить всякую власть и установить казачество, чтобы всякъ всякому былъ равенъ. "Я не хочу быть царемъ—говорилъ и писалъ Разинъ:— хочу жить съ вами, какъ братъ." Но Разинъ зналъ, что народъ считалъ царскую власть необходимой, а потому распускалъ слухи будто съ нимъ находится царевичъ Алексѣй, тогда уже умершій сынъ Алексѣя Михайловича; что будто бы онъ убѣжалъ отъ отца и отъ боярской злобы, а Разинъ идетъ возводить его на престолъ, и что царевичъ обѣщалъ льготы и волю народу.

Изъ Самары Разинъ направился къ Симбирску и пришелъ туда 5-го сентября. Жители тотчасъ же впустили его въ посадъ; но взять самый городъ было дѣло нелегкое: онъ былъ хорошо укрѣпленъ, и его защищало много ратныхъ людей подъ начальствомъ боярина Ивана Милославскаго. Разинъ простоялъ подъ городомъ около мѣсяца и не могъ взять его, но къ нему ежедневно прибывали новыя толпы; еще немного, и городъ вѣроятно сдался бы, еслибы къ нему не подоспѣла вовремя выручка. Изъ Казани шелъ по сухопутью князь Юрій Борятинскій съ войскомъ. Разинъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Произошла жаркая схватка. Нестройныя толпы Разина не могли сладить съ войскомъ Борятинскаго. Дольше другихъ держались донцы. Самъ Разинъ дрался отчаянно; его хватили по головѣ саблею и прострѣлили ногу. Наконецъ, видя, что держаться больше нельзя, онъ отступилъ. Ночь прекратила битву, продолжавшуюся цѣлый день.

На другой день, 3-го октября, Борятинскій вошелъ въ Симбирскъ. Казаки пытались зажечь городъ, пошли снова на приступъ; но потерпѣли неудачу. Тогда, видя, что ему не одолѣть врага, Разинъ бѣжалъ тайно ночью со своими донцами и покинулъ своихъ остальныхъ сообщниковъ.

Утромъ, остальная часть разинцевъ, увидѣвши, что казаки покинули ихъ, бросилась къ Волгѣ, чтобы захватить оставшіяся суда и убѣжать самимъ. Но Борятинскій послалъ въ погоню своихъ ратныхъ людей. Припертые къ Волгѣ и поражаемые выстрѣлами, разинцы падали въ воду. Болѣе шести сотъ человѣкъ было взято въ плѣнъ. Ихъ казнили. Весь окрестный берегъ былъ уставленъ висѣлицами.

Эта побѣда Борятинскаго была чрезвычайно важна. Еслибы успѣхъ былъ на сторонѣ Разина, мятежъ могъ бы охватить все государство. Уже все пространство между Окою и Волгою до Рязани и Воронежа было въ огнѣ. Посланцы Разина бродили повсюду и поднимали народъ. Крестьяне помѣщичьи, монастырскіе, дворцовые и тяглые стали убивать своихъ господъ, приказчиковъ и начальныхъ людей. Имя батюшки Степана Тимоѳеевича неслось все дальше и дальше. Уже въ самой Москвѣ начали поговаривать, что Разинъ не простой разбойникъ. Въ Алатырскомъ уѣздѣ собралось мятежное ополченіе въ пятнадцать тысячъ человѣкъ. Поднялись Темниковскій, Кадомскій и Тамбовскій уѣзды. Темниковскіе крестьяне подъ предводительствомъ какого то попа Саввы грабили господскіе дома. Города, Корсунь, Саранскъ, Верхній и Нижній Ломовъ и Пенза попались въ руки мятежниковъ; вездѣ убивали воеводъ и приказныхъ людей, сожигали бумаги, устраивали казачество и провозглашали всѣмъ равную свободу.

И въ другихъ мѣстахъ русской земли народъ готовъ былъ откликнуться на призывъ Разина. Ожидали только дальнѣйшихъ успѣховъ предводителя, обѣщавшаго всѣмъ казацкую волю. "Разнесется вѣсть — пишетъ современникъ — что мятежники побили государевыхъ людей, и люди этому радуются; а скажутъ, что ратные государевы люди побили мятежниковъ, и станутъ люди унылы и печалятся о погибели мятежниковъ."

Но радость народа была недолговременная. Послѣ пораженія Разина подъ Симбирскомъ, отряды московскихъ ратныхъ людей вездѣ разбивали и разсѣевали нестройныя толпы поселянъ. Тогда начиналась расправа.

Круто распоряжались московскіе воеводы съ мятежниками: однихъ вѣшали, другихъ сажали на колъ, нѣкоторыхъ драли крючьями, засѣкали до смерти; менѣе виновныхъ били кнутомъ и приводили къ присягѣ. Главное мѣсто казней было въ Арзамасѣ. Разсказываютъ, что въ эту ужасную зиму царскіе воеводы безъ жалости сожигали села и деревни, укрощая возмущеніе, и что вообще погибло тогда народу до ста тысячъ человѣкъ.

Чтобы подѣйствовать на народъ религіознымъ страхомъ, патріархъ Іосифъ, по царскому повелѣнію, на первой недѣлѣ поста предалъ анаѳемѣ Степана Разина со всѣми его единомышленниками.

Послѣ симбирскаго пораженія Разинъ убѣжалъ на Донъ и готовился къ новому походу. Но атаманъ Корнило Яковлевъ настроилъ противъ него донцовъ. Неудача Разина лишила его прежней славы на Дону, хотя онъ еще не унывалъ и попрежнему скликалъ къ себѣ народъ. Но весною атаманъ Корнила Яковлевъ напалъ на него съ своими казаками и обманомъ взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ его братомъ Фроломъ.

Обоихъ братьевъ привезли сначала въ Черкасскъ, а въ концѣ апрѣля повезли въ Москву. Самъ Корнило Яковлевъ провожалъ ихъ.

Фролъ былъ отъ природы тихаго нрава и затосковалъ: "Вотъ, братъ, это ты виною нашей бѣдѣ!" говорилъ онъ.

"Никакой бѣды нѣтъ!—отвѣчалъ Степанъ.—Насъ примутъ почетно; самые важные бояре выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ!"

За нѣсколько верстъ отъ Москвы поѣздъ остановился. Съ Разина сняли его богатое платье и одѣли

въ лохмотья. Изъ Москвы привезли большую телѣгу съ висѣлицею. Разина поставили на телѣгу и приковали цѣпью за шею къ перекладинѣ висѣлицы, а руки и ноги прикрѣпили цѣпями къ телѣгѣ. За телѣгою долженъ былъ бѣжать Фролъ, привязанный цѣпью за шею къ краю телѣги. Народъ высыпалъ за городъ смотрѣть на человѣка, одно имя котораго многихъ приводило въ трепетъ. Разинъ ѣхалъ съ равнодушнымъ видомъ и опустивъ глаза. Одни смотрѣли на него съ ненавистью; другіе съ состраданіемъ и сочувствіемъ.

Братьевъ повезли прямо въ земскій приказъ и начали допросъ. Разинъ молчалъ. Его повели къ пыткѣ. Первая пытка была кнутъ въ палецъ толщиною. Разинъ получилъ до ста ударовъ, но не испустилъ ни одного стона. Всѣ стоявшіе тутъ дивились. Его положили на горящіе уголья. Разинъ молчалъ. По его избитому, обожженому тѣлу начали водить раскаленнымъ желѣзомъ; Разинъ и тутъ молчалъ. Ему выбрили макушку и стали лить на темя по каплѣ холодную воду. Это было такое мученье, котораго никто не могъ вытерпѣть. Разинъ его вытерпѣлъ. Съ досады, что его ничто не пронимаетъ, его стали бить со всего размаха палками по ногамъ. Разинъ молчалъ.

6 іюня 1670 года вывели Разина на лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ Фроломъ. Собралось множество народа. Прочитали длинный приговоръ. Разинъ слушалъ спокойно. Палачъ взялъ его подъ руки. Разинъ обратился къ церкви, перекрестился на всѣ четыре стороны и сказалъ: "Простите!"

Его положили между двухъ досокъ. Палачъ отрубилъ ему сперва правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Разинъ даже знака не показалъ, что чувствуетъ боль. Между тѣмъ Фролъ, видя, что его ожидаетъ, растерялся и закричалъ:

"Я знаю слово государево!"

"Молчи, собака!"—сказалъ Разинъ.—Это были его послѣднія слова. Палачъ отрубилъ ему голову.

Такъ кончился бунтъ Стеньки Разина. Царь и дворяне побѣдили и усмирили черный народъ, потерявшій терпѣніе; замучили и подвергли жестокой казни его страшнаго предводителя, не знавшаго жалости ни къ себѣ, ни къ другимъ. Послѣ разинскаго бунта все осталось по старому. Попрежнему воеводы грабили народъ; крестьяне попрежнему оставались въ рукахъ у помѣщиковъ. Словомъ, порядки въ государствѣ остались тѣ же самые. Народъ не умѣлъ измѣнить ихъ. Народъ только чувствовалъ, что ему тяжело, но не зналъ, отчего ему тяжело, не зналъ, гдѣ надо искать причину. А причина лежала глубоко. Она была въ самомъ народѣ, который вѣрилъ въ царское самодержавіе. Мы видѣли, что Разинъ долженъ былъ распустить слухъ, что онъ везетъ съ собою другого царя. Но еслибы даже Разинъ перебилъ все московское правительство, а потомъ посадилъ бы на престолъ новаго царя или самъ сдѣлался бы самодержавнымъ царемъ, то все осталось бы попрежнему. Съ царемъ снова появились бы дворяне и воеводы. Царь не можетъ обойтись безъ дворянъ, если онъ самодержецъ. Такъ какъ онъ не можетъ управлять одинъ всѣмъ государствомъ, то онъ долженъ передать свою самодержавную власть дворянамъ-чиновникамъ; и вотъ вмѣсто одного царя народомъ правятъ сотни и тысячи самодержавныхъ царей, и каждый изъ нихъ помыкаетъ народомъ и грабитъ народъ. Самодержавная власть только одинъ обманъ. При самодержавныхъ царяхъ государствомъ правятъ дворяне. Всѣ министры тогда дворяне и всѣ губернаторы — дворяне. Дворяне сидятъ въ Сенатѣ, дворяне пишутъ законы и пишутъ ихъ въ свою пользу. Народъ только тогда добьется настоящей свободы, когда этотъ самодержавный обманъ будетъ прекращенъ, когда царь долженъ будетъ совѣщаться съ самимъ народомъ, когда царь

будетъ издавать законы съ согласія всего народа и когда всѣ должностныя лица будутъ избираться самимъ народомъ.

Глава четырнадцатая

Патріархъ Никонъ и начало раскола.

При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ, въ русской церкви произошелъ расколъ. Такъ какъ христіанская вѣра была перенесена въ Россію изъ Греціи, то всѣ русскія богослужебныя книги были переведены съ греческаго языка. Книгопечатаніе въ самой Россіи началось только съ 1563 г.; только тогда, при Иванѣ Грозномъ, была устроена въ Москвѣ первая книгопечатня; до тѣхъ же поръ всѣ богослужебныя книги были рукописныя, при чемъ переписчиками были часто люди малограматные. Неудивительно поэтому, что, при перепискѣ они дѣлали въ церковныхъ книгахъ много ошибокъ. Еще при отцѣ Ивана Грознаго Максимъ Грекъ, самый ученый человѣкъ того времени, указывалъ на разнорѣчія и неправильности въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ.

При введеніи книгопечатанія возникъ вопросъ: которые изъ многихъ различныхъ списковъ надо было признавать правильными и съ какихъ списковъ печатать? Для этого митрополиты, а потомъ патріархи приказывали собирать по всѣмъ городамъ древніе списки и назначали особыхъ справщиковъ, чтобы сличать эти списки и исправлять ошибки. Но эти справщики не были подготовлены къ своему дѣлу, не знали греческаго языка и не могли сличить переводовъ съ подлинниками. Бывшій въ то время въ

Россіи грекъ, іеромонахъ Арсеній писалъ о нихъ такъ: "иные изъ этихъ справщиковъ едва азбукѣ умѣютъ, а ужъ навѣрное не знаютъ, что такое буквы согласныя и гласныя; а чтобы разумѣть восемь частей рѣчи и подобное, то этого имъ и на умъ не приходило."

Увидя передъ собой множество разнородныхъ списковъ и не имѣя нужныхъ свѣдѣній, они руководились обычаемъ, а иногда поступали по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ были напечатаны по нѣскольку разъ многія церковныя книги: Потребникъ, Служебникъ, Минеи, Октоихъ, Шестодневъ, Псалтырь, Апостолъ, Часословъ, Тріодь, Евангеліе,—со множествомъ ошибокъ противъ греческихъ книгъ.

Но вотъ въ 1649 году пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій. Онъ замѣтилъ въ русской церкви разныя нововведенія, которыхъ нѣтъ въ греческой церкви, и особенно сталъ порицать двуперстное сложеніе при крестномъ знаменіи. Царь Алексѣй Михайловичъ очень встревожился этимъ и отправилъ троицкаго келаря Арсенія Суханова на востокъ за свѣдѣніями. Но пока Арсеній странствовалъ на востокѣ, Москву посѣтили другія греческія духовныя особы (между прочимъ константинопольскій патріархъ Аѳанасій) и также дѣлали указанія на несходство русскихъ церковныхъ обрядовъ съ греческими; а на Аѳонѣ монахи даже сожгли богослужебныя книги московской печати, какъ противныя православному чину богослуженія. Патріархъ Іосифъ былъ сильно озабоченъ этимъ и даже боялся, чтобы его не лишили сана. Но смерть избавила его отъ дальнѣйшихъ тревогъ, и его мѣсто заступилъ патріархъ Никонъ.

Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ убѣдилъ царя созвать соборъ русскихъ архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. Всѣхъ духовныхъ собралось 34 человѣка. Царь съ своими боярами присутствовалъ на соборѣ. Никонъ произнесъ рѣчь, въ которой просилъ

рѣшенія, какъ поступать: "слѣдовать-ли московскимъ печатнымъ книгамъ, въ которыхъ отъ неискусныхъ переводчиковъ и переписчиковъ находятся разныя несходства и несогласія съ древними греческими и словянскими списками, а, прямѣе сказать,—ошибки; или же руководиться древними греческими и словянскими списками?" На этотъ вопросъ соборъ отвѣтилъ, что слѣдуетъ исправлять сообразно старымъ греческимъ спискамъ.

Вслѣдъ за этимъ Никонъ отставилъ всѣхъ прежнихъ справщиковъ и передалъ, какъ типографію, такъ и дѣло исправленія книгъ Епифанію Словинецкому, ученому монаху изъ Кіева, и греку Арсенію. Кромѣ того онъ снова отправилъ уже вернувшагося къ этому времени Арсенія Суханова на Аѳонъ просить греческихъ книгъ; а чтобы придать еще болѣе вѣрности начатому дѣлу, онъ послалъ одного грека къ іерусалимскому патріарху Паисію съ двадцатью шестью вопросами, которые касались спорныхъ мѣстъ.

Арсеній Сухановъ, не жалѣя издержекъ, досталъ съ Аѳона до пятисотъ рукописей, изъ которыхъ нѣкоторымъ приписывали глубокую древность. Словинецкій и грекъ Арсеній съ помощниками ревностно трудились надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Отъ патріарха Паисія также пришелъ отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ онъ говоритъ между прочимъ такъ: "Не слѣдуетъ думать, будто православная вѣра развращается отъ того, если одинъ говоритъ свое послѣдованіе немного различно отъ другаго, въ несущественныхъ вещахъ; лишь бы только согласовался въ важнѣйшихъ вещахъ, свойственныхъ соборной церкви." "Не подобаетъ ссориться рабамъ Господнимъ," прибавляетъ онъ, "а наипаче въ вещахъ неважныхъ и несущественныхъ." Но относительно крестнаго знаменія Паисій указываетъ на трехперстное сложеніе, какъ на древній обычай поклоненія.

Получивши этотъ отвѣтъ, Никонъ собралъ снова

соборъ, на которомъ кромѣ русскихъ архіереевъ былъ антіохійскій патріархъ Макарій, сербскій Михаилъ и митрополиты никейскій и молдованскій.

Этотъ соборъ положилъ держаться рѣшенія предыдущаго собора и объявилъ рѣшительную войну двуперстному сложенію. Антіохійскій патріархъ высказался на этотъ счетъ очень сурово: "Кто изъ христіанъ православныхъ не творитъ знаменія креста тремя перстами, сказалъ онъ, тотъ—еретикъ, и таковаго мы считаемъ отлученнымъ отъ церкви и проклятымъ." А никейскій митрополитъ прибавилъ: "на томъ, кто не крестился тремя перстами, пребудетъ проклятіе трехъ сотъ восьмидесяти св. отецъ, собиравшихся въ Никеѣ и прочихъ соборахъ."

Это рѣшеніе было до крайности необдуманное. Если троеперстное сложеніе было болѣе древнимъ и правильнымъ, то не слѣдовало забывать, что вся Русь давно уже крестилась двуперстнымъ сложеніемъ и уважало многихъ своихъ святыхъ, которые несомнѣнно крестились также двумя перстами. Были святые, крестившіеся двумя перстами, и были святые, крестившіеся тремя перстами. Очевидно, что вопросъ о перстахъ былъ неважнымъ и несущественнымъ для религіи; возлагать-же проклятіе значило придавать ему чрезвычайную важность и вызывать смуту. При болѣе осторожномъ и благоразумномъ веденіи дѣла исправленіе книгъ въ русской церкви произошло бы тихо, безъ большихъ потрясеній. Теперь же это послужило началомъ раскола. Но самъ Никонъ былъ человѣкъ съ непросвѣщеннымъ умомъ, и его благочестіе не шло дальше обрядовъ. Онъ и его противники одинаково вѣрили въ букву священнаго писанія и въ буквѣ полагали свое спасеніе; смыслъ же и духъ христіанскаго ученія оставались для тѣхъ и другихъ одинаково непонятными, а потому и не могли пересилить буквы. Кромѣ спора о перстномъ сложеніи поднялись еще толки о сугубомъ и трегубомъ алли-

луія и о томъ, надо ли писать *Іисусъ*, согласно греческимъ книгамъ, или *Исусъ*, какъ писали и печатали на славянскомъ языкѣ прежде, по незнанію греческаго языка.

Споръ ожесточался еще и потому, что Никонъ нажилъ враговъ своимъ крутымъ, властолюбивымъ характеромъ. Для него ничего не стоило священника за небрежность въ исполненіи обязанностей посадить на цѣпь, мучить въ тюрьмѣ и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь; священники не могли являться къ нему безъ трепета. Отставленные имъ справщики также были недовольны и кричали противъ него, что онъ поддается наущенію кіевлянъ. Самыми горячими его противниками сдѣлались тогда протопопы Иванъ Нероновъ и Аввакумъ, и епископъ коломенскій Павелъ.

Павелъ Коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ; Нероновъ былъ отправленъ въ заточеніе въ вологодскій монастырь; Аввакумъ былъ сосланъ въ далекую Даурію съ женою и семьею. Начались преслѣдованія и жестокости, только усиливавшія раздоръ.

Въ 1666 году патріархъ Никонъ вслѣдствіи своей ссоры съ царемъ былъ низложенъ; но и послѣ него расколъ въ церкви не прекращался. Соловецкій монастырь весь отказался принять исправленныя книги и признать постановленія собора. „Не хотимъ знать троеперстнаго сложенія, имени Іисусе и трегубаго аллилуія," кричали монахи; "хотимъ оставаться въ старой вѣрѣ и умирать за нее!"

Они прогнали присланнаго изъ Москвы архимандрита и заперлись въ своемъ монастырѣ. Царь прислалъ на нихъ войско. Монастырь былъ взятъ, архимандритъ Никаноръ и его главные соумышленники схвачены и казнены; многихъ монаховъ сослали въ Пустозерскъ и Колу.

Но это не подавило религіознаго несогласія. Соловецкіе мученики стали почитаться святыми, ихъ житія

перечитывались и пересказывались въ народѣ со всевозможнѣйшими баснями и чудесами. Преслѣдуемые властями, приверженцы старины бѣжали въ лѣса, пустыни и готовились умирать за старую вѣру. Распространился слѣдущюій страшный способъ противодѣйствія: власти, поступая по своему всегдашнему обычаю, то есть мучая и убивая всѣхъ несогласныхъ съ ними, начали сжигать приверженцевъ старины; но приверженцы старины не только не страшились этой смерти, а сами искали ее; когда правительство посылало отыскивать ихъ, они собирались большими толпами и по приближеніи военной силы сами сожигали себя, нерѣдко цѣлыми тысячами. Эти самосожженія начались вскорѣ послѣ Соловецкой осады и сдѣлались тогда обычнымъ дѣломъ.

Такими ужасами начался расколъ въ православной церквѣ все при томъ-же Алексѣѣ Михайловичѣ.

* * * * * *

При Алексѣѣ же Михайловичѣ началось присоединеніе къ Московскому государству Малороссіи.

Послѣ татарскаго нашествія, въ то время какъ другія русскія земли стянулись къ Москвѣ и образовали Московское государство, южныя русскія земли, лежавшія по Днѣпру и Бугу, прежнее Кіевское, Черниговское, Волынское и Галицкое княжества были присоединены къ Польскому королевству. Но эти южныя земли, также какъ и окраины Московскаго государства, подвергались постоянному нападенію крымскихъ татаръ; по этому сами поляки должны были желать, чтобы тамошнее русское населеніе получило военное, казацкое устройство. Кромѣ того въ низовьяхъ Днѣпра, за днѣпровскими порогами возникло свободное запорожское казачество, подобно тому какъ оно возникло на Дону. Туда стекались удальцы для набѣговъ на татаръ и турокъ, и туда же бѣжали южнорусскіе крестьяне отъ притѣсненій польскихъ пановъ.

Но польское дворянство, которому были розданы королями всѣ южно-русскія земли, хотѣло обратить всѣхъ южно-русскихъ крестьянъ въ своихъ крѣпостныхъ и жестоко обращалось съ ними. Южно-русскіе крестьяне много разъ возставали противъ пановъ, и тогда казаки соединялись съ своими русскими братьями. Наконецъ казацкій гетманъ Богданъ Хмельницкій, поднялъ общее возстаніе, разбилъ польское войско и освободилъ южно-русскую землю отъ польскаго владычества; чтобы закрѣпить свою побѣду, Богданъ Хмельницкій долженъ былъ искать помощи у Московскаго государства. Онъ предложилъ московскому царю Алексѣю Михайловичу принять южно-русское казачество подъ свою защиту. Въ Москвѣ сначала обрадовались этому предложенію и объявили Польшѣ войну; война пошла успѣшно, и Польша потеряла всѣ находившіяся подъ ея властью русскія земли; но потомъ московское правительство, не любившее вольное казачество, рѣшило помириться съ Польшею и подѣлить съ нею южную Россію: все правое побѣрежье Днѣпра осталось въ рукахъ поляковъ, а лѣвое побѣрежье было присоединено къ Московскому государству подъ именемъ Малой Россіи или Малороссіи. Казаки хотя еще и имѣли своего выборнаго гетмана, но онъ утверждался царемъ, а въ малорусскіе города были посланы царскіе воеводы. Съ тѣхъ поръ московское правительство старалось уничтожить вольное малорусское казачество и обратить Малороссію въ свое полное подданство.

Глава пятнадцатая

Царевна Софья и Стрѣлецкій бунтъ.

Послѣ смерти Алексѣя Михайловича у него остались отъ первой жены, Милославской, два сына, Ѳедоръ и Иванъ, и шестеро дочерей, и кромѣ того малолѣтній сынъ Петръ отъ второй жены, Натальи Нарышкиной. Царемъ сдѣлался старшій сынъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ Ѳедоръ. Онъ страдалъ неизлѣчимой болѣзнею и едва могъ ходить. Понятно, что онъ былъ царемъ только по имени.

Въ царской семьѣ господствовалъ раздоръ. Шестеро взрослыхъ сестеръ новаго царя ненавидѣли мачиху, Наталью Кирилловну. Самая умная изъ этихъ сестеръ была Софья. Она болѣе всѣхъ приблизилась къ Ѳедору и почти не отходила отъ него во время его болѣзни. Около нея собрался кружокъ бояръ. Ѳедоръ умеръ, не достигши 21-го года (въ 1683 г.).

По смерти Ѳедора сейчасъ же возникъ важный вопросъ: кто будетъ царемъ? Положеніе было почти такое же, какъ по смерти Ивана Грознаго. Изъ двухъ царевичей, старшій Иванъ былъ слабоуменъ, болѣзненъ и вдобавокъ подслѣповатъ; младшій Петръ былъ десяти лѣтъ, но уже выказывалъ большія дарованія. Собрался совѣтъ бояръ. Патріархъ Іоакимъ спросилъ, кого желаютъ избрать царемъ: "скорбнаго главою" Ивана или отрока Петра. Совѣтъ раздѣлился. Тогда рѣшили обратиться ко всѣмъ чинамъ московскаго государства.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ декабрѣ 1681 году царь Ѳедоръ велѣлъ созвать земскій соборъ "для уравненія въ платежѣ податей и въ отправленіи выборной службы." Выборные люди находились еще

въ Москвѣ и могли немедленно явиться въ Кремль для избранія царя.

Они были спрошены съ красного крыльца патріархомъ и почти единогласно высказались за Петра. Петръ былъ нарѣченъ царемъ, и всѣ бояре, дворяне, купцы и тяглые люди принесли ему присягу.

Тяжело это было царевнѣ Софьѣ; но и она вмѣстѣ съ сестрами должна была подходить къ Петру и поздравлять съ избраніемъ на царство сына ненавистной ей мачихи.

На другой день, на похоронахъ Өедора, Софья, идя за гробомъ, громко выкрикивала: "Братъ нашъ, царь Өедоръ, нечаянно отошелъ со свѣта, отравою отъ враговъ. Умилосердитесь, добрые люди, надъ нами, сиротами." Эти слова встревожили народъ: кого то обвиняли въ отравленіи царя. Но больше всего Софья надѣялась на стрѣльцовъ.

Стрѣльцы набирались изъ охочихъ, вольныхъ людей и составляли царскую стражу; имъ платили хорошее жалованье и осыпали милостями; у нихъ были свои выборные стрѣлецкіе головы и полковники. Мы уже видѣли, что при царѣ Алексѣе Михайловичѣ, во время московскихъ бунтовъ, стрѣльцы охраняли царя. Это было первое постоянное войско въ Россіи; все остальное войско состояло изъ дворянъ, которые жили по своимъ помѣстьямъ и только во время войны призывались на службу. Такимъ образомъ стрѣльцы были главная военная сила въ Москвѣ. По воцареніи Петра, они поняли, что "на верху," то есть во дворцѣ, будутъ въ нихъ нуждаться. И дѣйствительно, Софья рѣшила воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Главными ея помощниками были бояринъ Иванъ Милославскій, двое Толстыхъ и князь Хованскій. Хованскій призывалъ къ себѣ одного за другимъ стрѣльцовъ и говорилъ имъ: "Вы видите, въ какомъ вы ярмѣ у бояръ; а кого царемъ выбрали? Стрѣлецкаго сына по матери; теперь ужъ не даютъ вамъ ни

платья, ни корму, а что дальше будетъ?" Какая то женщина, Өедора Родимица, шаталась между стрѣльцами и раздавала деньги отъ имени Софьи. Стали распускать слухи между стрѣльцами, что Нарышкины хотятъ забрать ихъ въ крѣпкія руки. Была пущена сплетня, что Иванъ Нарышкинъ надѣвалъ на себя царскій нарядъ, садился на тронъ, примѣривалъ царскій вѣнецъ и говорилъ, что онъ ему идетъ лучше, чѣмъ кому другому. Черезъ нѣсколько дней между стрѣльцами вдругъ разнеся слухъ, что Иванъ Нарышкинъ задушилъ царевича Ивана. Поднялась тревога. Стрѣльцы схватились за оружіе и ударили въ набатъ. Огромная толпа ихъ со знаменами и барабаннымъ боемъ бросилась въ Кремль съ криками: "Давайте сюда губителей царскихъ, Нарышкиныхъ! А не выдадите — всѣхъ предадимъ смерти! Бояре метались и не знали, что имъ дѣлать. Тогда, по совѣту боярина Матвѣева и патріарха, царица Наталья, взявши за руки обоихъ царевичей, Петра и Ивана, вышла на красное крыльцо. Стрѣльцы сначала были поражены; но потомъ, подученные заговорщиками, стали кричать: "Пусть молодой царь отдастъ корону старшему брату! Выдайте намъ всѣхъ измѣнниковъ! Выдайте Нарышкиныхъ; мы весь ихъ корень истребимъ! Царица Наталья пусть идетъ въ монастырь!"

Патріархъ сошелъ было съ лѣстницы и сталъ уговаривать мятежниковъ. Но стрѣльцы мимо патріарха вломились на крыльцо. Большинство бояръ въ ужасѣ убѣжали съ крыльца во дворецъ; не убѣжали только Долгорукій, Матвѣевъ и Черкасскій. Долгорукій крикнулъ на стрѣльцовъ и пригрозилъ имъ висѣлицею. Стрѣльцы сбросили его съ крыльца на разставленные копья и изрубили въ куски; потомъ бросились на Матвѣева. Матвѣевъ взялъ за руку Петра. Стрѣльцы оттащили его отъ царя и сбросили на копья. Черкасскаго избили и разорвали на немъ платье. Царица

въ ужасѣ убѣжала съ сыномъ въ Грановитую палату.

Стрѣльцы ворвались во дворецъ. У нихъ былъ списокъ тѣхъ, кого надо было убить. Этотъ списокъ былъ составленъ заранѣе Софьей и ея сторонниками. Прежде всего хотѣли убить Нарышкиныхъ. Стрѣльцы бѣгали по царскимъ покоямъ, заглядывали въ чуланы, шарили подъ кроватями, переворачивали постели и наконецъ добрались до брата царицы, Аѳанасія Нарышкина. Его нашли подъ престоломъ дворцовой церкви, поволокли на крыльцо и сбросили на копья. Но Ивана Нарышкина никакъ не могли найти. Въ этотъ же день было убито еще нѣсколько бояръ.

На другой день опять раздался набатъ. Стрѣльцы съ барабаннымъ боемъ явились ко дворцу и требовали выдачи Ивана Нарышкина. Они кричали, что не усмирятся до тѣхъ поръ, пока имъ не выдадутъ его.

Тутъ царевна Софья стала говорить царицѣ Натальѣ: "Никоимъ образомъ нельзя тебѣ не выдать Ивана Кирилловича Нарышкина. Развѣ намъ всѣмъ пропадать изъ за него?"

Царица вышла съ Нарышкинымъ изъ церкви. Стрѣльцы, не обращая вниманія на царицу, схватили Нарышкина за волосы, стащили съ лѣстницы, подвергли жестокой пыткѣ, а затѣмъ подняли на копья и изрубили въ мелкіе куски.

Царевна Софія, призвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцовъ и объявила, что назначаетъ на каждаго стрѣльца по десяти рублей помимо обыкновеннаго жалованья. Сверхъ того стрѣльцамъ позволено было продавать имущество убитыхъ ими бояръ. Начальникомъ надъ ними былъ назначенъ князь Хованскій.

Однако дѣло Софьи еще не было кончено: на престолѣ все-таки оставался Петръ. Но стрѣльцы составляли тогда въ Москвѣ всю силу, а они были преданы Софьѣ. По наущенію Хованскаго они подали царевнѣ челобитную, въ которой заявлялось желаніе, чтобы на престолѣ царствовали оба брата, а въ заключеніи

было сказано, что, если кто тому воспротивится, то стрѣльцы опять придутъ съ оружіемъ, и будетъ "немалый мятежъ." Софья передала эту челобитную боярской думѣ. Бояре боялись стрѣльцовъ и не смѣли противорѣчить Софьѣ. Чтобы придать дѣлу законный видъ, прибѣгли къ обману. Созвали кое-какихъ пріѣзжихъ людей, находившихся тогда въ Москвѣ, готовыхъ говорить все, что прикажутъ стрѣльцы, и дали этому сборищу названіе земскаго собора. Это сборище единогласно приговорило быть на престолѣ двумъ царямъ и старшинство предоставить Ивану Алексѣевичу. Черезъ три дня послѣ того стрѣльцы подали боярамъ новую челобитную, чтобы по молодости обоихъ государей правленіе было вручено царевнѣ Софіи. Вслѣдъ затѣмъ разослали по всѣмъ городамъ грамату, въ которой объявлялось, что по челобитью всѣхъ чиновъ московскаго государства царевичъ Иванъ, добровольно уступившій царство брату своему Петру, согласился снова вступить на царство вмѣстѣ съ братомъ и что оба брата по своему малолѣтству упросили царевну Софью принять въ свои руки правленіе.

Съ этихъ поръ Софья семь лѣтъ безпрекословно управляла государствомъ съ своимъ любовникомъ Василіемъ Голицынымъ.

Но Софья недолго была спокойна. Слабоумный Иванъ не былъ опасенъ для нея; но младшій царь Петръ сталъ подрастать и показывать свою самостоятельность. Онъ составилъ изъ своихъ сверстниковъ два полка, и хотя ихъ называли потѣшными, но онъ не на шутку занимался съ ними военнымъ дѣломъ. Въ 1689 году, когда ему было 17 лѣтъ, онъ послалъ сказать, чтобы Софья не шла на крестный ходъ вмѣстѣ съ царями. Софья не послушалась и пошла за крестами; тогда Петръ самъ не пошелъ на крестный ходъ, и уѣхалъ изъ Москвы. Въ томъ же году любовникъ Софьи, Василій Голицынъ, вернулся изъ неудачнаго Крымскаго похода. Софья назначала ему

большія награды, какъ бы побѣдителю. Петръ не сталъ спорить, но когда Голицынъ явился къ нему съ благодарностью за полученныя награды, онъ не пустилъ его къ себѣ на глаза.

Софья видѣла, что ея власти приходитъ конецъ, но не хотѣла сдаваться. Она снова вспомнила о стрѣльцахъ. Ея подручники распространили слухъ, что въ ночь съ седьмого на восьмое августа явятся въ Москву изъ села Преображенскаго "потѣшные полки" Петра для убіенія царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Стрѣлецкій начальникъ Шакловитый призвалъ вечеромъ седьмаго августа четыреста стрѣльцовъ съ заряженными ружьями въ Кремль, а триста поставилъ на Лубянкѣ. Его пособники начали научать стрѣльцовъ, что надобно убить "медвѣдицу," старшую царицу, а "если сынъ станетъ заступаться, то и ему не спускать." Но заговоръ не удался. Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ пробрались ночью въ Преображенское и предупредили царя, что противъ него затѣвается недоброе.

Петръ прямо съ постели бросился въ конюшню, вскочилъ на коня и во весь духъ пустился въ Троицкую Лавру. На другой день туда пріѣхали его мать, жена, преданные бояре, потѣшные полки и одинъ стрѣлецкій полкъ. Дѣло Софьи было проиграно.

Петръ потребовалъ, чтобы къ нему явились всѣ стрѣлецкіе полковники и выдали Шакловитаго вмѣстѣ съ его сообщниками.

Начались допросы и пытки. Шакловитый и его сообщники были казнены, а Софьѣ было велѣно переселиться въ Новодѣвичій монастырь.

Съ тѣхъ поръ Петръ сталъ править единолично, тѣмъ болѣе что вскорѣ послѣ того умеръ слабоумный Иванъ.

Такимъ образомъ послѣ смерти больного царя Ѳедора Алексѣевича, въ теченіе семи лѣтъ, московскій престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки по желанію

стрѣльцовъ: отъ малолѣтняго Петра къ слабоумному Ивану, отъ царицы Натальи къ царевнѣ Софьѣ и ея любовнику Голицыну. Потомъ мы увидимъ, что то же самое повторялось много разъ въ Россіи: послѣ смерти Петра Перваго, послѣ смерти Петра Второго и послѣ смерти царицы Елисаветы. Тогда Царскою короною распоряжалась петербургская гвардія, состоявшая изъ дворянъ. Русскій народъ, жившій въ деревняхъ, далеко отъ столицы, думалъ, что судьбою престола руководитъ самъ Богъ, а на дѣлѣ выходило такъ, что смѣна царей зависѣла отъ стрѣльцовъ, а потомъ отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, да отъ любовниковъ нашихъ императрицъ.

Конецъ первой части.

НАПЕЧАТАНЫ

следующія изданія "Народной революціонной библіотеки," издаваемой *Аграрно-соціалистической лигой:*

"Какъ министръ заботится о крестьянахъ" (по поводу секретнаго циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ о крестьянскихъ безпорядкахъ).

"Какъ венгерскіе крестьяне борятся за свои права."

"Крестьянскіе союзы въ Сициліи."

"Очерки изъ русской исторіи."

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

"Новое крѣпостное право."

"Чему насъ учитъ борьба Днѣпровскихъ крестьянъ за свои права."

"О нашихъ уголовныхъ законахъ."

"Англійскій крестьянинъ."

"Великая французская революція." И многія другія.

